

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

199

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАВКАЗА И СИБИРИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

199

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАВКАЗА И СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора,
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИЦ, В. В. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук К. Х. КУШНАРЕВА,
доктор исторических наук Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

А $\frac{0504000000-024}{042(02)-90}$ -89—90-1

ISBN 5-02-009460-9

© Институт археологии АН СССР, 1990 г.

СТАТЬИ

В. А. АЛЕКШИН

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НЕОЛИТИЧЕСКИХ
И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
ЮГО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ

(ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ)

VIII—V тысячелетия до н. э.— эпоха сложения и расцвета древнейших земледельческих общин Юго-Западной Азии. Сменяющие друг друга археологические культуры свидетельствуют о неуклонном, хотя и медленном росте материального благосостояния, о существенных переменах в области социальных отношений и в сфере духовной жизни. За сменой археологических комплексов стоят различные культурные процессы: внутреннее саморазвитие, миграции, влияние извне. Выявление причин смены в каждом конкретном случае позволит проследить особенности культурогенеза эпохи неолита в ряде областей Ближнего и Среднего Востока. Решение проблемы во многом зависит от анализа погребальных обрядов.

Последние предоставляют обширную информацию о происхождении археологических культур и об их связях с соседними регионами¹. Погребальный обряд характеризуется устойчивым набором традиционных (стандартных) норм, через которые путем анализа изменений (инноваций) извлекается необходимая информация. Инновации, фиксируемые в погребальных обрядах, вызваны внутренними или внешними причинами. В первом случае они отражают закономерности развития общественного строя древних племен либо указывают на некоторые изменения той части верований, которая характеризует отношение древнего человека к смерти и похоронам. Такие инновации обычно не приводят к кардинальным изменениям погребального обряда, по крайней мере на ранних стадиях погребальной эпохи.

Во втором случае инновации свидетельствуют о передвижении племен. Если миграции происходят внутри сравнительно небольшого региона, население которого связано общностью происхождения и сходными культурными традициями,— изменения в погребальных обрядах окажутся незначительными. Однако возможны ситуации, когда автохтонное население какого-либо региона подвергается вторжению носителей иных культурных традиций. Это зачастую приводит к формированию новой археологической культуры, отличающейся от первых двух: происходят кардинальные изменения большинства элементов, составляющих прежний погребальный обряд, и трансформация его в новый. При этом могут измениться тип захоронения, набор погребального инвентаря, форма погребального сооружения, ритуальные действия в процессе похорон. Соотношение в новом погребальном обряде сохранившихся традиционных черт и инноваций должно ответить на вопрос: «Какой культурный компонент (местный или пришлый) стал ведущим при формировании новой археологической культуры?».

Классификация погребальных обрядов неолитических земледельцев VIII—V тысячелетий до н. э. позволяет выделить три культурные зоны на Древнем Востоке. Рассмотрим особенности культурогенеза в каждой из них.

Сиро-Палестина и Малая Азия образуют обширную область, для которой характерны захоронения черепов². В Палестине, Иордании и Сирии сравнительно хорошо изучена культура докерамического неолита «А», формирующаяся на основе натуфийского мезолита³ и датирующаяся VIII тысячелетием до н. э. В VII тысячелетии до н. э. эта культура сменяется комплексом докерамического неолита «В». Наиболее обстоятельно переход от одной культуры к другой изучен при раскопках иорданского памятника Тель-эс-Султан (библейский Иерихон)⁴. Многие западные исследователи утверждают, что культура докерамического неолита «В» основана мигрантами из северных районов Палестины⁵.

При раскопках докерамических слоев Иерихона найдено 477 захоронений. Стандартный погребальный обряд культуры докерамического неолита «А» характеризуется захоронением умерших на поселениях в неглубоких овальных ямах. Скелеты лежат на левом или правом боку в сильно скорченном положении (туловище сильно изогнуто, колени подтянуты к голове, пятки к тазовым костям, руки согнуты, кисти перед лицом). Могилы расположены под полами домов (очевидно, заброшенных), во дворах. Стены могил часто укреплены камнями, его же использовали и при перекрытии, в ряде случаев камни обнаружены на дне. Захоронения были одиночные и безинвентарные. Под головой умершего иногда находилась «подушка». Примерно третья часть могил спустя некоторое время была вскрыта, от трупов отчленили голову с нижней челюстью или без нее. Подсчеты показывают, что треть трупов подвергалась вторичному захоронению. Остальные вскрытые могилы были вновь засыпаны и скелеты сохранили анатомический порядок костей. Извлеченные головы или черепа, очевидно, использовались в культовых целях. Спустя какое-то время черепа вновь захоранивали. В слоях докерамического неолита «А» Иерихона найдено 6 групп черепов (всего 33 находки), известны аналогичные находки и на других памятниках Сиро-Палестины⁶.

Стандартный погребальный обряд культуры докерамического неолита «В» характеризуется теми же особенностями. По сравнению с предшествующим периодом можно отметить лишь два новшества: а) появление небольшой группы погребений с инвентарем⁷, что свидетельствует о зарождающемся процессе имущественного расслоения; б) захоронения моделированных черепов⁸. В Иерихоне в слоях докерамического неолита «В» обнаружено 19 захоронений черепов. Внутри черепа плотно забиты глиной, лицевые их части обмазаны глиной, моделирующей человеческое лицо с носом, ртом, бровями, глазами. Глаза имитированы вставками из раковин. На отдельных черепах сохранились следы окраски. Моделирование черепов следует объяснить модификацией существующего ранее обряда в связи с эволюцией культовой практики и усложнявшимися эстетическими потребностями. Указанные инновации не могут свидетельствовать о миграции носителей культуры докерамического неолита «В». Погребальные обряды обеих культур идентичны. Следовательно, трансформация ряда элементов материальной культуры при переходе от докерамического комплекса «А» к комплексу «В» обусловлена технологическим процессом земледельческих общин.

Почти полное отсутствие погребений оставляет открытым вопрос о происхождении культур Сиро-Палестины VI—V тысячелетий до н. э. Впрочем, раскопки поселений не дают оснований говорить о больших передвижениях в этот период, как причине появления новых археологических культур. Напротив, открытие захоронения без черепа в слое докерамического неолита «А» (Эйн Гхазал, Иордания, VI тысячелетие до н. э.)⁹ свидетельствует о сохранении старых культурных традиций.

В Малой Азии только в Чатал-Хёюке (VII—VI тысячелетия до н. э.) раскопана большая серия погребений. Умершие похоронены в культурном слое поселения. Перед похоронами трупы заворачивались в материю, шкуры или мех, остатки которых часто сохранялись. Скелеты лежат в скорченном состоянии, степень скорченности чрезвычайно высока. Сохранение некоторыми скелетами анатомического порядка костей, как это можно видеть на фотографиях, опубликованных Дж. Меллартом, исключает выдвинутую им гипотезу о вторичных захоронениях в Чатал-Хёюке. Повреждение части скелетов объясняется практикой многократных подхоронений в коллективные усыпальницы. При этом в анатомическом порядке будут находиться только кости людей, похороненных последними. Могилы располагались под полами домов и святилищ. Умершие в основном лежат на левом боку, головой к центру помещений, т. е. на запад. Одиночные погребения крайне редки. В коллективных могилах от 5 до 37 костяков. Погребальный инвентарь обнаружен преимущественно в могилах взрослых. Он включал деревянные сосуды, украшения, орудия труда, оружие, предметы туалета¹⁰. Описанный погребальный обряд сохраняется неизменным на протяжении почти тысячи лет. что говорит о стабильности культурных традиций в этом регионе. Захоронения черепов представлены на ряде малоазиатских памятников VIII—VI тысячелетий до н. э.: Чайоню-Тепеси, докерамический Хаджилар, Чатал-Хёюк, Мерсин¹¹. Все черепа не моделированы.

В погребениях неолитических земледельцев Сиро-Палестины и Малой Азии красная краска почти не встречается¹².

Информация, полученная при анализе погребальных обрядов, исключает миграционный фактор при объяснении особенностей культурогенеза в Сиро-Палестине и Малой Азии. Погребальные ритуалы свидетельствуют о том, что главные культурные достижения первых земледельцев в этих областях древнего Востока (развитие производящее хозяйство, высокая техника обработки кремня и кости, производство керамики, металлообработка, сырцовая архитектура, фортификация, расцвет искусства) достигнуты в основном за счет самостоятельного развития. Только в V тысячелетии до н. э. в материальной культуре земледельцев Сирии, Ливана, юго-востока Турции отчетливо прослеживается сильное влияние месопотамских культур (халафской и убейдской)¹³. Доказательств проникновения сюда групп населения не имеется.

Второй большой группной зоной древнего Востока являлась Месопотамия. В VII—VI тысячелетиях до н. э. в северной Месопотамии (Ирак) распространены захоронения детей в сосудах (культуры Сотто, хассунская и самаррская)¹⁴. Небольшое количество погребений не позволяет однозначно решить вопрос о генезисе вышеупомянутых культур. Для хассунской и самаррской культур характерны правостороннее положение умерших и преимущественно южная ориентация скелетов. В хассунских могилах инвентарь отсутствует, в самаррских — представлен сосудами и украшениями¹⁵. На рубеже VI—V тысячелетий до н. э. в северных районах Ирака появляется халафская культура. В раннехалафских слоях появляются захоронения в подбоях или катакомбах (Ярымтепе I и II). Исчезают погребения детей в сосудах, теперь их хоронят в простых ямах. Известны случаи трупосожжения (Ярымтепе II). Доминирует левостороннее положение умерших при отсутствии преобладающей ориентировки. Найдены захоронения с черепами и без них (Ярымтепе II, Арпачия, Телль Аззо). В могилах представлен инвентарь¹⁶.

Раннехалафские погребальные ритуалы настолько отличаются от похоронных обрядов хассунско-самаррского времени, что нельзя не согласиться с мнением Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта о возникновении в северную Месопотамию нового населения¹⁷. Захоронения черепов известны к западу от ареала халафской культуры в Сирии (памятники бассейна Ефрата: Мюрейбет, Абу Хурейра, Букра)¹⁸. Видимо, отсюда новое население проникло в северный Ирак. В тех же районах Месопотамии, которые не были освоены халафцами, сохраняется традиция хоро-

нить детей в сосудах (комплексы Убейд 4: Хайзалун, Абу Хусейни, Мадхур)¹⁹.

Древнейшие погребения южной Месопотамии (Эреду, Ур) датируются концом V — началом IV тысячелетия до н. э. (период Убейд 4). Могилы четырехугольной формы найдены в культурном слое поселения Ура. Дно могилы в некоторых случаях выложено фрагментами керамики, на которых и располагались тела умерших. Скелеты лежали на спине с вытянутыми ногами, руки вытянуты вдоль тела, кисти скрещены над тазом. Доминирует южная ориентировка умерших. Погребальный инвентарь состоял в основном из сосудов, размещенных в ногах погребенного. В двух могилах найдены следы красной краски, которая покрывала тонким слоем верхнюю часть тела покойного. Могилы Ура, как правило, одиночные²⁰.

Большой могильник периода Убейд 4 раскопан в Эреду. Он располагался в заброшенной части поселения, в мусорном слое раннеубейдского времени. Умершие лежат в могильных ямах, стены которых облицованы сырцовым кирпичом и перекрыты платформами из того же материала, таким образом трупы помещали в сырцовые цисты. Скелеты лежат на спине, с вытянутыми ногами, головой на северо-запад. Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов, размещенных у ног покойника. В цистах часто обнаружены подхоронения. Обычны погребения, в которых находились скелеты двух взрослых и ребенка. Над перекрытием размещены кости жертвенных животных²¹.

Захоронения, вытянутые на спине,— большая редкость для раннеземледельческих культур древнего Востока. Кроме южной Месопотамии конца V тысячелетия до н. э., они представлены только на памятниках соседнего юго-западного Ирана (VI—V тысячелетия до н. э.) и в Луристанском могильнике Дум Гар (рубеж V и IV тысячелетий до н. э.)²². На юго-западе Ирана в долине Дех Луран вытянутые погребения раскопаны в Чога Сефид, а в Сузиане на поселении Чога Миш (вторая половина VI тысячелетия до н. э.). В Чога Сефид покойники лежат на подстилках без сопровождающего инвентаря, руки вытянуты вдоль тела или скрещены поверх таза, на костях отмечены следы красной краски. В Чога Миш, где существовал примерно такой же погребальный ритуал, нет упоминаний о красной краске²³.

Для первой половины V тысячелетия до н. э. в юго-западном Иране (Сузиана) известны лишь три детские могилы, в которых скелеты лежали в вытянутом положении на спине (Джафарабад 5—6). Умершие ориентированы на север и юг. Ритуал, зафиксированный в захоронении ребенка 10 лет (покрытие красной краской верхней части туловища ребенка, расположение на дне могилы фрагментов керамики)²⁴, имеет четкие аналогии в более позднем убейдском могильнике Ура.

Традиция вытянутых захоронений сохраняется в долине Дех Лурана и Сузиане во второй половине V тысячелетия до н. э. В Дех Луране (тепе Сабз) умершие лежат на боку, в вытянутом положении, головой на запад²⁵. В Сузиане (Бендебаль 13—18, Джафарабад 1—3) умершие лежат также в вытянутом положении, но на спине, головой на запад. В Бендебале и Джафарабаде скелеты лежат в сырцовых цистах. Погребальный инвентарь (1—2 глиняных сосуда) встречается редко²⁶. Наличие красной краски в могилах второй половины V тысячелетия до н. э. в литературе не упоминается. Вытянутые погребения Дех Лурана и Сузианы в сырцовых цистах с западной ориентировкой находят прямые аналогии в южномесопотамских погребениях могильника Эреду. Такие детали погребального ритуала, как наличие красной краски в могилах, керамическая вымостка дна могилы, погребения в сырцовых цистах не свойственны Месопотамии, зато представлены в более ранних памятниках юго-западного Ирана. Поэтому можно предположить, что в период, предшествующий Убейду 4, в Южное Двуречье проникает незначительная часть населения из Сузианы, культурное воздействие которого отразилось на погребальных обрядах могильников Ура и Эреду. Не исклю-

чено, что культурное влияние пришельцев или смешанного населения юга Двуречья достигает и севера Месопотамии, где в убейдский период отдельные вытянутые захоронения появляются в Арпачие²⁷, Ярымтепе III²⁸, Телуль-эт, Талатате²⁹, Гавре XVII—XV³⁰. Затем в Телуль-эт Талатате появляются погребения с кирпичной обкладкой, а в Гавре XIII—четырёхугольные ямы, обмазанные глиной. Их можно рассматривать как реплику сырцовым цистам Эреду. В свете этих фактов можно с уверенностью говорить о проникновении небольших групп населения южного Двуречья на север Месопотамии. Анализ погребальных обрядов древнейшего населения Месопотамии дает все основания предполагать, что высокий уровень культурного развития этого региона достигнут в условиях постоянного притока нового населения и смешения его с аборигенами начиная с VI тысячелетия до н. э.

Третьей культурной зоной древнего Востока являются районы Ирана, Средней Азии и Пакистана, где широко представлены скорченные захоронения с красной краской. Разрыв традиций в развитии погребальной обрядности установлен для юго-западного Ирана (Дех Луран). Для VII — первой половины VI тысячелетия до н. э. здесь характерны сидячие и скорченные погребения с северной и южной ориентировками, в могилах находят бусы и ядра пращи. Детей хоронили на спине (Али-Кош)³¹. Во второй половине VI тысячелетия до н. э. в Дех Луране появляются вытянутые на спине безынвентарные захоронения (Чога Сефид)³². Такой же обряд представлен в соседней Сузиане (Чога Миш)³³. Неясно, формировался ли он в Дех Луране или в Сузиане, но в любом случае свидетельствует о прямых культурных контактах двух микрорегионов.

Погребения Джейтунской культуры южной Туркмении (VI тысячелетие до н. э.) характеризуются правосторонним положением умерших, лежащих головой на север, в культурном слое поселений. В трех могилах была красная краска. Аналогичный погребальный обряд представлен в следующей культуре Анау I A (начало V тысячелетия до н. э.). В период Анау I A на юге Туркмении появляется ряд инноваций: прямоугольный сырцовый кирпич, металлические изделия, новая кремниевая индустрия, пряслица, каменные мотыги, новые орнаменты на керамике³⁴. Обычно их связывают с миграцией племен из центрального Ирана. Данные погребальных обрядов юга Туркмении не противоречат высказанной точке зрения, но и не подтверждают ее. Таким образом, для этих районов можно говорить лишь о большом сходстве подобных обрядов.

Изменения в погребальных обрядах древнейших земледельцев Белуджистана (Пакистан, Мергар) в VI—V тысячелетиях до н. э. — результат внутреннего саморазвития культуры. В течение всего этого времени сохраняется скорченная поза умерших на левом боку при незначительном количестве вторичных погребений. Умершие лежат головой на восток, лицом на юг. Могильники располагаются на территории поселений. В могилах находят сравнительно разнообразный инвентарь. Различия проявляются в форме погребального сооружения: «сначала это простая яма, затем подбой, заложенный кирпичом, затем снова яма». В V тысячелетии до н. э. в могилах нет красной краски, не найдены и жертвенные животные³⁵.

В целом погребальные обряды не регистрируют крупных племенных передвижений в Иране, Средней Азии и Пакистане. Расцвет в этих областях оседло-земледельческой культуры — результат самостоятельного развития каждого региона, хотя нельзя исключать интенсивных культурных контактов между ними.

В IV тысячелетии до н. э. земледельцы Передней Азии вступают, имея различные уровни социально-экономического развития. В тех областях, где переход к производящему хозяйству происходит в VIII тысячелетии до н. э. (Сиро-Палестина, Малая Азия, Загрос), в дальнейшем темпы развития замедляются. В V тысячелетии до н. э. культурные ценности населения этих областей немногим превосходят соответствующие достижения земледельцев южного Ирана и Белуджистана. Периферий-

ными выглядят лишь археологические комплексы северного Ирана и Средней Азии. Неблагоприятные природные условия, географическая разобщенность населения не способствовали сложению высокоразвитых культурных областей. Сама по себе победа неолитической революции не приводит автоматически к быстрому формированию цивилизаций. Наибольшего прогресса добились земледельцы юга Двуречья, где в IV тысячелетии до н. э. зарождаются основы цивилизации (развитая ирригационная сеть, крупные поселения, монументальные храмы, ремесленные производства, расцвет искусства). Очевидно, эта неравномерность темпов культурного развития зависит не только от экологических факторов. Миграции в Месопотамию, расположенную в центре земледельческого мира, способствовали обмену идеями, синтезу традиций и инноваций, что приводило к формированию новых культурных традиций. Следовательно в определенных условиях миграции служили катализатором культурного прогресса.

- ¹ Алексин В. А. Погребальный обряд как археологический источник//КСИА. 1981. Вып. 167. С. 3—9; Он же. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы//КСИА. 1980. Вып. 161. С. 24—31.
- ² Cauvin J. Les premiers villages de Syrie — Palestine du IXe au VIIe millénaire avant J. C. Lyon, 1978. P. 127—132; Mellaart J. Excavations at Hacilar. Ankara, 1970. V. 1. P. 6; *Idem*. Excavations at Catal-Hüyük: First preliminary report//An. St. L., 1962. V. 12. P. 51—52; *Idem*. Excavations at Catal-Hüyük, 1963: Third preliminary report//Ibid. 1964. V. 14. P. 64—66; *Idem*. Catal-Hüyük: A Neolithic town in Anatolia. L., 1967. P. 84; Prehistoric village archaeology in South-Eastern Turkey: The eight millennium B. C. Site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and Fannal remains//BAR. Intern. Ser. 1982. N 138. P. 9.
- ³ Массон В. М. Юго-Западная Азия//Археология зарубежной Азии. М., 1986. С. 29.
- ⁴ Kenyon K. M. Excavations at Jericho. L., 1981. V. 3.
- ⁵ Kenyon K. M. Burial customs of Jericho//ADAJ. 1971. V. 16. P. 6—7; Mellaart J. Earliest civilizations of the Near East. L., 1965. P. 39; Kirkbride D. Five seasons of the Prepottery Neolithic village of Beidha in Jordan//PEQ. 1966. V. 98, Jan.-Jun. P. 57—59.
- ⁶ Kurth G., Rohrer-Ertl O. On the anthropology of the Mesolithic to Chalcolithic human remains from the Tell-es-Sultan in Jericho, Jordan//Kenyon K. M. Excavations at Jericho. P. 408—439; Kurth G., Rohrer-Ertl O. Beiträge zur Anthropologie und Populationsbiologie des Nahen Osten aus der Zeit vom Mesolithikum bis zum Chalkolithikum//Bonn. Hefte Vorgeschichte. 1980. № 21. S. 55—63.
- ⁷ Nay T., Lagge A. J., Higgs E. S. Recent excavations at Nahal Oren, Israel//PPS. 1973. V. 39. P. 80—81; Rev. biblique. 1958. V. 65, N 3. P. 414; Kirkbride D. Five seasons... P. 23; *Idem*. Beidha, 1965: An interim report//PEQ. 1967. V 99, Jan.-Jun. P. 9.
- ⁸ Cauvin J. Les premiers villages... P. 128—132.
- ⁹ Rollefson G. O., Simmons A. H. Excavations at Ain Ghazal, 1984: Preliminary report//ADAJ. 1985. V. 29. P. 12—13.
- ¹⁰ Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük: First... P. 51—52; *Idem*. Excavations at Çatal Hüyük, 1962. Second preliminary report//An. St. L., 1963. V. 13. P. 95—101; *Idem*. Excavations at Çatal Hüyük, 1963: Third... P. 92—97; *Idem*. Excavations at Çatal Hüyük, 1965: Fourth preliminary report//An. St. L., 1966. V. 16. P. 181—183; *Idem*. Çatal Hüyük: A Neolithic town... P. 204—209; Angel J. L. Early Neolithic skeletons from Çatal Hüyük: Demography and pathology//An. St. L., 1971. V. 21. P. 77—98.
- ¹¹ Garstang J. Prehistoric Mersin. Oxford. 1953. P. 54.
- ¹² В погребениях Чатал Хёюка красная краска встречена в 21 случае из 400 (Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük, 1965: Fourth... P. 183), причем иногда это следы на костях и черепе от окрашенных одежд или головных уборов. Погребения с красной краской встречены в Абу-Хуреира (Moore A. M. The excavations of Tell-Abu-Hureyra in Syria: A preliminary report//PPS. 1975. V. 41. P. 61). Одна могила с красной краской обнаружена в Джан Хасан (French H. D. Excavations of Can Hasan, 1967: Seventh preliminary report//An. St. L., 1968. V. 18. P. 50) и, возможно, две в Мерсине (Garstang J. Prehistoric Mersin. P. 33, 111). Погребения с красной краской в Тильки-тепе (Özgüç T. Die Bestattungsbräuche im vorgeschichtlichen Anatolien. Ankara, 1984. S. 11—12) не учтены. Новейшие исследования показали, что они относятся к более позднему IV, а возможно, и III тысячелетиям до н. э. (Korfmann M. Tilkitepe//Istanbul. Mitt. 1982. Beih. 26. S. 32—36, 225).
- ¹³ Массон В. М. Юго-Западная Азия. С. 72, 83.
- ¹⁴ Значительно подробнее древнейшие погребальные ритуалы северной Месопотамии и проблема генезиса халафской культуры рассмотрены в моей статье «Происхождение халафской культуры и проблема локализации индоевропейской прародины». См.: Древние культуры Ар

- мянского нагорья в IV—III тысячелетиях до н. э. Ереван, 1988. Там же см. литературу.
- ¹⁵ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения северной Месопотамии. М., 1981. С. 78—87; Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984. С. 80—81.
- ¹⁶ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения... С. 198—214; Excavations in Iraq//Iraq. 1983. V. 45. Pt 2. P. 206.
- ¹⁷ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения... С. 266.
- ¹⁸ Cauvin J. Les premiers villages... P. 128—132; Akkermans P. A. et al. Bouqras revisited: Preliminary report on a project in Eastern Syria//PPS. 1983. V. 49. P. 369.
- ¹⁹ Excavations in Iraq, 1970—80//Iraq. 1981. V. 43. Pt 2. P. 187; Tusa S. Notes on the Tell Abu Huseuni: Excavations//Paléorient. P., 1980. V. 6. P. 207; Küllück K., Roaf M. Excavations at Tell Madhur//Sumer. 1979. V. 35, N 1/2. P. 542.
- ²⁰ Woolley L. Ur excavations. Philadelphia, 1955. V. 4: The early period.
- ²¹ Lloyd S., Safar F. Eridu//Sumer. 1948. V. 4, N 2. P. 117—118.
- ²² Алекшин В. А. Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов)//Бюл. МАИКЦА. М., 1986. Вып. 2. С. 96. Там же указана соответствующая литература.
- ²³ Hole F. Studies in the archaeological history of Deh Luran Plain//Mem. Mus. Anthropol. Univ. Mich. 1977. N 9. P. 50, 57—68, 69, 91—93; Delougaz P., Kantor H. J. The 1973—74 excavations at Coga Miš//Proc. Third annu. symp. on archaeol. res. in Iran. Tehran, 1975. P. 94.
- ²⁴ Dolfus G. La 6e campagne de fouilles à Jaifarabad, Khuzestan//Proc. Third annu. symp. ... P. 17.
- ²⁵ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain//Mem. Mus. Anthropol. Univ. Mich. 1969. N 1. P. 256—257.
- ²⁶ Dolfus G. Bendebal//Iran. 1978. V. 16. P. 188—189; Idem. Djaffarabad, 1969—1970: Rapport préliminaire sur les deux premières campagnes de fouilles//Syria. P., 1971. V. 68. Fasc. 1/2. P. 68—70.
- ²⁷ Mallowan M. E. L., Rose J. C. Prehistoric Assyria excavations at Tall Arpachiyah. L., 1975. P. 39 (NG-21).
- ²⁸ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Поселения убейдской культуры Ярымтепе III в. современной Месопотамии: (Из итогов работы северной экспедиции в северном Ираке)//СА. 1982. № 4. С. 143.
- ²⁹ Fukai S., Horiuchi K., Matsutani I. Tellul eth Thalathat: The Excavations of tell II//The Tokyo University Iraq-Iran archaeological expedition report. Tokyo, 1970. V. 2. P. 30.
- ³⁰ Tobler A. J. Excavations at tepe Gawra. Philadelphia, 1950. V. 2. P. 113 (N 7—58, Gawra 17; N 7—47, Gawra 16; Gawra 15; номер погребения не назван).
- ³¹ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and human ecology... P. 248—255.
- ³² Hole F. Studies in the archaeological history... P. 91—93.
- ³³ Delougaz P., Kantor H. J. The 1973—74 excavations... P. 94.
- ³⁴ Алекшин В. Проблема происхождения... С. 96—97.
- ³⁵ Lechevallier M., Quivron G. The Neolithic in Baluchistan: New evidences from Mehrgarh//SAA, 1979. B., 1981. P. 79—85; Idem. Results of the recent excavations at the Neolithic site of Mehrgarh, Pakistan//SAA, 1983. Naples, 1985. V. 1. P. 82—89; Smazun A., Sellier P. First anthropological and cultural evidences for the funerary practices of the chalcolithic population of Mehrgarh, Pakistan//SAA, 1983. V. 1. P. 91—117.

М. Б. РЫСИН

ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСОВ ИЗ ЭШЕРИ

Датировка археологических материалов степной зоны невозможна без приведения в порядок дат кавказских находок, а среди последних особую ценность приобретают синкретические комплексы из эшерских дольменов, отражающие взаимодействие северо- и центрально-кавказской традиций металлообработки¹.

В научной литературе прослежены следующие тенденции в датировке дольменных материалов и в определении их места среди кавказских древностей. В 30—40-е годы господствовало мнение о близости и генетической связи эшерских находок с инвентарем подкурганых гробниц ст. Новосвободной². Комплексы из Эшери датировали рубежом III—II тысячелетия до н. э., отмечая параллели их инвентарю в погребениях среднекубанской группы³. Позднее, вслед за пересмотром датировки «больших кубанских» курганов, стали удревнять и комплексы из дольменов Абха-

зии, по-прежнему связываемые с «новосвободненскими» материалами⁴. Это было вызвано внешним сходством комплексов и желанием исследователей упорядочить материал, т. е. расположить памятники «в затылок» друг другу. В Закавказье сложилась гипотеза о «первородстве» дольменов Абхазии⁵. Гробницы Новосвободной рассматривались при этом как неумелые подражания первым. Эту точку зрения разделял А. А. Формозов⁶. О. М. Джапаридзе датировал нижние слои дольменов Эшери 2200—1800 гг. до н. э.⁷ В 70-е годы к такой датировке присоединился В. И. Марковин, датировавший материалы из Эшери от 2300 г. до н. э.⁸ Однако наиболее ранние дольмены В. И. Марковин помещает в Прикубанье, где, согласно его точке зрения, сосуществовали две археологические культуры — майкопская и дольменная. Здесь, в Прикубанье, строители наземных дольменов воздвигали подкурганные гробницы, в которые по неизвестным причинам попал майкопский инвентарь⁹. Еще дальше по пути сближения новосвободненских и дольменных материалов «продвинулись» Н. А. Николаева и В. А. Сафронов. Отрицая существование особой позднемайкопской культуры, они относят к культуре строителей дольменов не только сами подкурганные гробницы, но и заключенный в них инвентарь¹⁰. Наконец, в последнее десятилетие дольмены Абхазии стали вновь омолаживать, синхронизируя их с комплексами начального этапа развитой бронзы Кавказа и датируя концом III — началом II тысячелетия до н. э. В то же время сохраняется мнение о генетической преемственности наземных построек и новосвободненских подкурганых гробниц. Ю. Н. Воронов относит гробницы ст. Новосвободной к этапу «выработки формы» дольмена¹¹. С. Н. Корневский усматривает наследие металлообработки майкопской культуры в производстве бронзовых крюков и кинжалов из абхазских дольменов¹². Напротив, А. Д. Резепкин недвусмысленно заявил о принципиальной разнице новосвободненских гробниц и наземных дольменов, основанной на различии их происхождения¹³.

Для решения указанных проблем, для выяснения соотношения новосвободненских и дольменных материалов необходимо сопоставить наземные дольмены и подкурганые гробницы ст. Новосвободной. Последние предназначались для одиночных, «княжеских» захоронений, тогда как наземные дольмены служили склепами и многократно использовались для подхоронений¹⁴. С функциональными различиями связаны и конструктивные отличия памятников. Гробницы «вождей» навсегда скрывались под многометровыми насыпями — дольмены возвышались на поверхности, поражая воображение сочетанием монументальности и грации пропорций. Гробницы не являются «рассчитанными» архитектурными сооружениями. Их стены фиксировались в вертикальном положении насыпью кургана. Дольмены возводили, используя конструктивные расчеты. Их устойчивость основывалась на точном соотношении несущих и покоящихся частей¹⁵. В этой связи строители наземных дольменов делали пазы на стенах и перекрытии, трапециевидную форму плит, пяточные камни, контрфорсы. Наконец, в закрытой под курганом гробнице отверстие неоправданно функционально. Часть гробниц представляет собой настоящие каменные «ящики» без вторых камер и рудиментарных отверстий¹⁶. Отверстия в наземных дольменах функционально необходимы. Если дольмен окружался насыпью, к фасаду с отверстием вел коридор-дромос¹⁷. В целом наземные дольмены выглядят типологически более развитыми, и следовательно, нельзя не только синхронизировать оба вида сооружений, но и связывать их линией непосредственной преемственности. Последнее наглядно демонстрирует сравнение состава предметов из гробниц и дольменов. В гробницах обязательно присутствуют следующие категории инвентаря: оружие (в том числе парадное), орудия труда, столовая посуда, украшения и votивные предметы. В наземных дольменах представлен рядовой инвентарь, как правило, одни украшения и детали одежды погребенных¹⁸. В отличие от «новосвободненцев» не все погребенные из дольменов сопровождались керамическими

сосудами. Изредка здесь встречаются ножи и шилья. Лишь в Абхазии найдено оружие — бронзовые кинжалы и топоры. Очень редки находки votивных предметов — бронзовых крюков. По-видимому, социальная дифференциация у строителей дольменов отразилась не столько в качестве погребального инвентаря, сколько в самом характере погребального сооружения. Принципиальные отличия в составе инвентаря также не позволяют синхронизировать сравниваемые памятники. Более того, «расточительность» погребального обряда, видимо, свидетельствует об архаизме подкурганных гробниц по сравнению с наземными дольменами¹⁹.

Перейдем к сравнительному анализу отдельных категорий инвентаря из гробниц и дольменов. Бронзовые топоры из гробниц отлиты в формы через щель со стороны бруска. Они не имели четких различий «верха» и «низа» при насадке на рукоять. Клин орудий короткий, прямой; план клина — широкий²⁰. Из наземных дольменов происходят топоры нескольких типов — с удлиненным, изогнутым, узким клином. Все эти орудия объединяет новый (неизвестный майкопским мастерам) способ отливки — через щель со стороны спинки. Усовершенствование способа литья топоров связано с расширением их боевого применения в эпоху средней бронзы. Новый способ позволял изготавливать профилированные орудия с увеличенной втулкой. Увеличение втулки и скос ее нижнего края повышали надежность крепления топора. Профилировка клина и валики повышали прочность орудий²¹. Улучшились и боевые качества топоров — сила наносимого удара и «проникающая способность». Таким образом, топоры из наземных дольменов типологически более развиты и не продолжают традиции изготовления топоров новосвободненского круга. Отсутствие смешанных комплексов свидетельствует об известном хронологическом разрыве между рассматриваемыми памятниками.

Ножи-кинжалы, характерные для новосвободненских погребений, имеют сравнительно короткий и широкий черенок (составляет пятую часть от длинных орудий). Плечики — прямые, клинок подтреугольный, с наибольшим расширением у основания черенка и с закругленным концом. Другой тип орудий имел более широкий клинок со слабо суженными к закругленному концу «параллельными» лезвиями. Сечение клинков плоское либо с неглубоким долом посередине. Дол бывает двух-, трехрядным, реже — многорядным. Ножи из наземных дольменов отличаются сравнительно более длинным, узким черенком, составляющим третью часть от длины орудия. Конец черенка иногда раскован. Плечики ножей покатые; клинок листовидной формы или подромбический с наибольшим расширением в верхней трети и с приостренным концом. Сечение клинка плоское или с центральным ребром. Последнее иногда выделялось с обеих сторон глубокими канавками. Из дольмена № 6 происходит черешковый нож с плавно расширяющейся нижней частью клинка и скругленным концом. Сравнение показывает, что ножи из наземных дольменов типологически отличаются от орудий новосвободненского круга, следовательно, их нельзя синхронизировать и связывать линией непосредственной генетической преемственности. В качестве своего решающего аргумента сторонники синхронности или генетической преемственности новосвободненских гробниц и дольменов используют присутствие в их инвентаре «однотипных» бронзовых крюков. Крюки из гробниц имели черенковый насад — однорогие либо литую открытую втулку — двурогие крюки-вилы. Есть еще два уникальных орудия этой категории. Однорогий крюк из погребения у ст. Тимошевской имел гофрированную литую втулку, вероятно, имитирующую проволочную обмотку орудий со стержневым насадом²². Другой уникальный крюк с литой втулкой из ст. Новосвободной украшен мужскими фигурками «одорантов» и небольшими рожками у основания втулки²³. В наземных дольменах обнаружены однорогие крюки с новым, принципиально отличным от употреблявшегося новосвободненцами способом насада — раскованной и свернутой втулкой. Наиболее ранние экземпляры таких крюков происходят из погребений

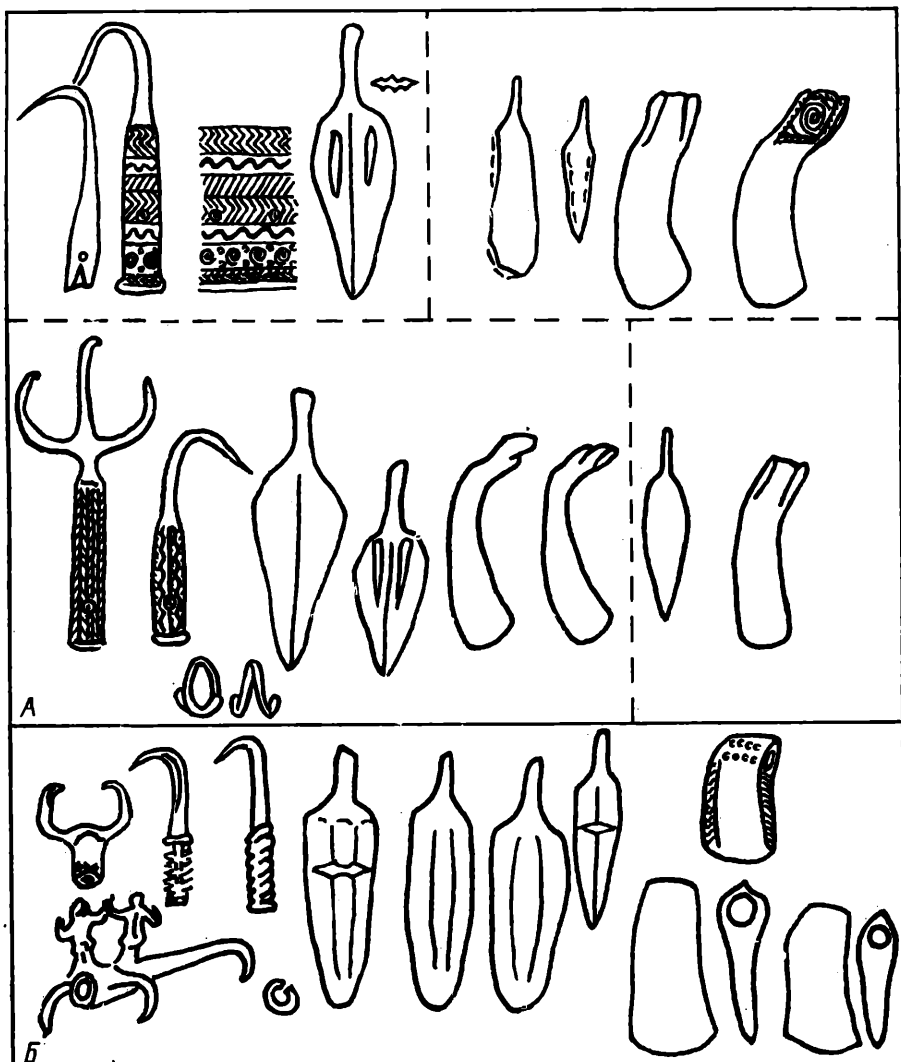

Рис. 1. Сопоставление орудий из дольменов и погребений новосвободненского круга
 А — нижний слой в эшерских дольменах; Б — памятники новосвободненского круга

ний донецкой катакомбной культуры (пос. Фрунзе, Каменка, Новоникольское) и кургана № 12 у ст. Новосвободной²⁴. В комплексах с крюками нет вещей новосвободненских типов, зато здесь представлены предметы, характерные для периода развитой бронзы: листовидные ножи привольненских типов, плоское тесло переходных пропорций от новосвободненских к привольненским (пос. Клады), дисковидная подвеска с ушком (пос. Фрунзе). В дольменах Эшери № 2 и 4 найдены уникальные литые крюки — два однорогих и один трезубец. Хронологическая датировка этих орудий определяется входящими в комплекс ножами привольненских типов и постновосвободненским характером шнурового декора на втулках крюков (датирующие возможности последнего будут проанализированы ниже). Итак, отсутствие смешанных комплексов, постновосвободненский характер сопутствующего инвентаря и отсутствие в комплексах с крюками предметов новосвободненских типов (даже в степи, где металлические орудия могли употребляться «дольше», чем на Кавказе) свидетельствуют о хронологическом разрыве сопоставляемых памятников (рис. 1). Кроме того, результаты сравнительно-типологического анализа демонстрируют более развитый характер инвентаря из наземных

дольменов. Сделанные выводы согласуются с результатами сопоставления самих погребальных сооружений и не противоречат стратиграфическим наблюдениям, позволяющим установить последовательность смены новосвободненских памятников комплексами дольменного круга (например, дольмен Псынако-I, поставленный на слое новосвободненского времени²⁵). Уточним абсолютную датировку комплексов из нижних слоев эшерских дольменов. Верхняя граница определяется материалами вышележащих слоев (поздняя бронза) XVI—XIV вв. до н. э. Нижнюю границу, учитывая результаты приведенного анализа, следует отделять от новосвободненского времени. Напомним, что уже первые исследователи синхронизировали эшерские находки с памятниками верхнекубанской группы и катакомбными погребениями. Интересно наблюдение Б. А. Куфтина, сопоставившего топоры сачхерского типа из дольмена № 4 с топором из клада «Стубло» на Воляни²⁶. Присутствие иволгистных подвесок с ребрышком позволяет относить клад «Стубло» к раннеунетицкому горизонту. Однако датирующие возможности клада этим не исчерпываются. В его состав входит топор с фасетированной втулкой, а подобные орудия изготовлялись в юго-восточной Европе в первой четверти II тысячелетия до н. э.²⁷ Следовательно, находка топора сачхерского типа в составе клада «Стубло» позволяет относить производство таких топоров (в том числе орудий из дольмена № 4) к первым векам II тысячелетия до н. э. Типологическую параллель трезубцу из дольмена № 4 представляют орудия из «княжеских» погребений в Библие. Погребения с литыми втульчатými трезубцами (гробницы — 1 и 2) датируются временем правления фараонов 12 династии Аменемхета-3 и Аменемхета-4, т. е. 1850—1790 гг. до н. э.²⁸

Выясним датирующие возможности орнамента литых бронзовых крюков из абхазских дольменов. Используем при этом его сходство с декором северокавказских бронзовых изделий. Мотивы орнамента составлены «шнуром», «змейками», чередующимися с «елочками» или спиральями в сочетании с парными шишечками. Располагаются на втулках крюков либо параллельно их длинной оси, либо поперечными лентами-фризами (рис. 1, А). Те же элементы, мотивы и композиционные решения встречаются в погребениях эпохи развитой бронзы по всему Северному Кавказу. Среди изделий с подобным декором на основании взаимовстречаемости в погребальных комплексах удалось выделить раннюю и позднюю группы²⁹. На раннем этапе употреблялись молоточковидные, посоховидные и Т-образные булавки в сочетании с коваными бляхами, медальонами, трубчатыми пронизями и т. п. Декор булавок составляли чередующиеся «змейки», шишечки, валики, а также шнуровые канты. Элементы располагались параллельно длинной оси изделий. На позднем этапе ассортимент дополняют полимолоточковидные, У-образные и дуговидные булавки, литые бляхи, колпачки и пронизи с манжетовидными утолщениями, якоревидные подвески и т. д. В орнаментацию наряду с прежними входят новые мотивы: чередование спиралей и шишечек, спиралей, «змейки» и шнура. На позднем этапе на изделиях применяется поперечное расположение орнаментальных мотивов. В качестве разделителей используются валики — прямые и изогнутые «змейки»³⁰. К этому времени, судя по элементам и композиционным решениям орнамента, относится, вероятно, и появление на Кавказе отлитых по восковой модели топоров и кинжалов³¹. Втулка крюка из дольмена № 2 украшена по характерной для позднего этапа схеме. Типологическая близость бронзовых крюков из дольменов № 2 и 4 позволяет синхронизировать оба орудия и крюк из дольмена № 4 также отнести к позднему этапу. Предложить датировку этих изделий позволяют материалы Великентской катакомбы в Дагестане. Здесь найдены бронзовые булавки с отверстиями выше середины стержня. Вокруг такого отверстия заметно характерное утолщение³². Булавки этого типа представлены в датированных ближневосточных комплексах: Рас-Шамра (средняя бронза-2, погр.-56); Газа (уровень-4, погр.-1702); Фара (погр.-550); Гезер (погр.-3), Мегиддо (уровень-12;

гг. до н.э.	ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ	СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ		ДАГЕСТАН	ЗАКАВКАЗЬЕ	ДРЕВНИЙ ВОСТОК	ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА	гг. до н.э.	
1700		Привольненский этап	Украшения поздней группы	Великентская катакомба	алазано-беденская культура	Сирия, Палестина /булавки в катакомбах/ Иерихон, п. 19 Угарит, п. 56 Газы — 1, п. 1702 Фара п. 551 Метидло — 12, п. 24	Ливан Библ. погр. 1 и 2 Библ. клад — «Д»		1700
1800									1800
1900		1900							
2000		2000							
2100		2100							
2200	2200	Украшения ранней группы	поздние куроаракские памятники, могильники Сачхере	2200					

Рис. 2. Синхронистическая таблица

погр.-24); Иерихон (погр.-19). Эти погребения синхронизируются Шеффером с периодом средняя бронза-2, а в абсолютных датах — 1900—1750 гг. до н. э.³³ Такая датировка может быть принята в качестве нижней границы для изделий позднего этапа, обнаруженных в Великентской катакомбе (рис. 2). Следовательно, эти последние, и в том числе бронзовые литые крюки из эшерских дольменов, могли изготовить в XIX—XVIII вв. до н. э. Характер декора позволяет отнести к позднему этапу и бронзовый топор из дольмена № 6. Однотипное орудие, по мнению С. Н. Кореневского, происходит из погребения в Андреевской долине у г. Грозного. Судя по плоскому теслу характерных пропорций, этот комплекс можно отнести к привольненскому этапу. Другой топор из дольмена № 6, по его же классификации, также изготовлен на привольненском этапе — тип «привольное»³⁴. Производство ножей, представленных в дольменах, следует связать с привольненским этапом эпохи бронзы (нож из дольмена № 5 — первый, а нож из дольмена № 6 — второй тип по схеме С. Н. Братченко³⁵). В целом материалы из нижних слоев эшерских дольменов можно отнести к привольненскому этапу средней бронзы и датировать XIX—XVIII вв. до н. э. (рис. 2). Сравнительно развитый (типологически) характер дольменов Эшери позволяет предположить существование на Кавказе более архаичных памятников этого круга. Однако такое предположение пока не подкрепляется археологическим материалом из дольменов. Наиболее ранними памятниками этой культуры являются, по-видимому, комплексы Дегуакского поселения³⁶ и нижнего слоя поселения Старчики. Проблемы генезиса и эволюции культуры строителей дольменов можно решать именно на материалах стратифицированных бытовых памятников.

Находка керамики алазано-беденского круга в Великентской катакомбе позволяет уточнить хронологическую позицию данной культуры. Верхнюю датировку последней дает материал из Великентского склепа — XIX—XVIII вв. до н. э. Нижняя граница может быть установлена по характерному литому восьмигранному долоту, найденному в Бедени вместе с плоским теслом привольненских пропорций³⁷. Восьмигранные долота (рис. 2) являются орудиями постновосвободненского периода и датируются от XXI в. до н. э. (например, клад в Брно-Лишен в ЧССР, группы Евисовице-В; клад «Д» в Библе, Ливан³⁸). Стиль украшений алазано-беденской культуры сопоставим с материалами раннего II тысячелетия

до н. э. (Великентская катакомба, курган № 15 и 17 блестящей Триалетской культуры, Гинчинский могильник³⁹). Эти наблюдения подтверждают предложенную датировку алазано-беденской культуры — конец III — первая четверть II тысячелетия до н. э.

- ¹ *Кореневский С. Н.* О металле эпохи бронзы эшерских дольменов//КСИА. 1983. Вып. 176. С. 84.
- ² *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1. С. 271.
- ³ *Иващенко М. М.* Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935. С. 50.
- ⁴ *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961. С. 267.
- ⁵ *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976. С. 327.
- ⁶ *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1966. С. 102, 135.
- ⁷ *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии... С. 120, 121.
- ⁸ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 280—282.
- ⁹ Там же. С. 238, 275.
- ¹⁰ *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа//Сообщ. научно-методического совета. М., 1974. Вып. 7. С. 179—190.
- ¹¹ *Воронов Ю. Н.* История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 16—20.
- ¹² *Кореневский С. Н.* О металле... С. 84.
- ¹³ *Резепкин А. Д.* [Рецензия]//СА. 1977. № 4. С. 317.—Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. (Приношу благодарность А. Д. Резепкину за возможность ознакомиться с добытыми им материалами и разъяснение его принципиальной позиции о различиях подкурганых гробниц и дольменов.)
- ¹⁴ *Бочкарев В. С., Шарфутдинова Э. С., Резепкин А. Д.* и др. Работы кубанской экспедиции 1978—1980 гг.//Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 82; *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа//Тр. АБИЯЛИ. 1960. Вып. 30. С. 104.
- ¹⁵ *Марковин В. И.* Дольмены... С. 57.
- ¹⁶ *Чеченов И. М.* Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 27.
- ¹⁷ *Марковин В. И.* Испун — дома карликов. Краснодар, 1985. С. 86—87.
- ¹⁸ *Марковин В. И.* Дольмены... С. 258—275. Рис. 129—132.
- ¹⁹ *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 107, 110.
- ²⁰ *Кореневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры//СА. 1974. № 3. С. 67.
- ²¹ *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 20—27, 37.
- ²² *Илюков Л. С.* Металлические «вилки» майкопской культуры//СА. 1979. № 4. С. 142, 143. Рис. 5, 2.
- ²³ *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. 1963. Вып. 34. С. 26. Табл. 1, 16.
- ²⁴ Благодарю А. Д. Резепкина за разрешение использовать этот еще неопубликованный комплекс.
- ²⁵ *Марковин В. И.* Испун... С. 82, 83.
- ²⁶ *Куфтин Б. А.* Материалы... С. 285.
- ²⁷ *Vulpe A.* Die Axte und Beile in Rumänien//PBF. 1970. Abb. 9,2. S. 31, N 52; *Пешикан М., Трбухович В.* Ископанья тумула раног бронзаног доба у Тиватском пољу//Старинар. 1971. Вып. 22. С. 135. Табл. 5, 11. (Искренно благодарю В. С. Бочкарева, указавшего на датирующие возможности топоров с фасетированной втулкой.)
- ²⁸ *Montet P.* Byblos et L'Egypte. P., 1928, P. 181. Pl. 108, 666—668; *Schaeffer Cl. F. A.* Stratigraphie comparee et chronologie de l'Asie Occidentale. L., 1948. P. 169. F. 63.
- ²⁹ *Кореневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Вып. 1. С. 261.
- ³⁰ *Кореневский С. Н.* О поясных наборах периода средней бронзы из центрального Предкавказья//КСИА. 1986. Вып. 185. С. 41.
- ³¹ *Кореневский С. Н.* Новые данные... Рис. 9, 8—10; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. С. 126. Рис. 42, 32, 33. (По-видимому, подобный декор отражает существование общекавказской, «надкультурной» идеологической концепции, центральное место в которой отводилось взаимодействию астрального начала (спираль-солнце) и хтонического персонажа — змеи.)
- ³² *Гаджиев М. Г., Кореневский С. Н.* Металл Великентской катакомбы//Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 11. Рис. 4, 1—27.
- ³³ *Schaeffer Cl. F. A.* Stratigraphie Comparee... P. 64, 65, 120, 197, 271. F. 45, 3; 68, 34; 119, 2; *Idem.* Ugaritica II. P., 1949. P. 69. F. 23. (Ошибочно включив в число аналогий булавки типа «toggl pans» М. Г. Гаджиев и С. Н. Кореневский получили слишком «растянутую» датировку для материала из великентской катакомбы, противоречащую позднему облику украшений и внутреннему

- производственному единству комплек-
са.)
- ³⁴ *Корневский С. Н.* Втульчатые топоры... С. 25, 26. Рис. 4, 1, 17.
- ³⁵ *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976. С. 69.
- ³⁶ *Марковин В. И.* Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Прикубанье//СМАА. 1977. С. 37—67.
- ³⁷ *Абесадзе П. Н.* Химическое изучение металлических предметов из курганов Квемо-Картли//Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1975. Табл. 1, 9, 10.
- ³⁸ *Schaeffer Cl. F. A.* Stratigraphie Comparée... P. 59—61. F. 61.
- ³⁹ *Гаджиев М. Г., Корневский С. Н.* Металл... Рис. 5; *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Табл. 93, 96, 103; *Гаджиев М. Г.* Древние очаги металлообработки в Дагестане//КСИА. 1987. Вып. 192. С. 9.

Г. Н. КУРОЧКИН

ПАМЯТНИКИ С СЕРОЙ КЕРАМИКОЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ИРАНском АЗЕРБАЙДЖАНЕ (К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА)

В археологии Ирана последних лет не было, пожалуй, более спорного вопроса, чем вопрос о происхождении комплексов с серой керамикой в Иранском Азербайджане, в районе оз. Урмия. С ним обычно связывается одна из основных проблем этнической истории древнего Ирана — проблема расселения ираноязычных племен. Начало дискуссии было положено статьей Т. Кайлера Янга, в которой генезис комплексов хронологического «горизонта» Железный век I (далее ЖВ-I) в западном Иране связывался с памятниками северо-восточного Ирана эпохи бронзы¹. Янг отметил, что из пяти ведущих форм керамики ЖВ-I три имеются в Гиссаре III В и С и лишь одна из них — простая чаша с ручкой — появляется в памятниках ЖВ-I в более измененном, чем в Гиссаре, виде. Самые близкие к Гиссару памятники ЖВ-I — Силалк А, Хурвин, Марлик — дают и наибольшее число аналогий с Гиссаром. По Янгу, памятники, заполняющие хронологический пробел между Тепе Гиссаром и памятниками ЖВ-I в западном Иране, следует искать к западу от Гиссара и к востоку от Хурвина. Гипотеза Янга была поддержана рядом исследователей², но вскоре у нее появились и противники³.

Наиболее развернутая критика положений Янга содержится в работах И. Н. Медведской⁴, которая поставила под сомнение тезис о единстве серокерамического «горизонта» ЖВ-I и попыталась обосновать мысль о том, что серокерамический комплекс северо-западного Ирана сформировался на месте, а не был принесен с северо-восточного района. При обосновании этой идеи И. Н. Медведская не рассматривала сами материалы из северо-восточного Ирана, а ограничилась только критикой аргументов Янга, имевших предварительный характер. Гипотеза о генетических связях памятников северо-западного Ирана с памятниками северо-восточного с учетом материалов из новых раскопок Тюренг Тепе более обстоятельно была аргументирована Ж. Дейе⁵. Однако именно эти новые доводы в поддержку концепции Янга И. Н. Медведская практически оставила без внимания. Кроме того, широкий охват материалов ЖВ-I в рамках всего Ирана в работах И. Н. Медведской привел к смазыванию особенностей погребального обряда и его эволюции на отдельных памятниках и к получению весьма спорного вывода о преемственности и постепенном развитии погребального обряда при переходе к ЖВ-I.

Для решения вопроса о происхождении комплексов ЖВ-I с серой керамикой в северо-западном Иране необходимо обратиться к комп-

лексам, которые: а) хорошо, на современном уровне, раскопаны; б) достаточно полно опубликованы; в) содержат, помимо керамики, другой разнообразный материал; г) происходят из стратифицированных памятников, где хорошо изучены также более ранние слои. Указанным требованиям соответствуют два памятника — Хасанлу и Динха Тепе к югу от оз. Урмия. Решить проблему происхождения комплексов с серой керамикой Хасанлу V и Динха III — значит ответить на три вопроса: 1) каковы традиции, связывающие комплекс Хасанлу V — Динха III с предшествующей фазой Хасанлу VI — Динха IV; 2) каковы инновации комплекса Хасанлу V — Динха III; 3) какие исторические события могут скрываться за появлением инноваций Хасанлу V — Динха III (культурные влияния, технический прогресс, этнические перемещения или что-либо другое)?

Охарактеризуем сначала основные черты культурного комплекса Хасанлу VI — Динха IV. Материалы последнего были выявлены сначала в Хасанлу⁶, но лучше всего изучены в Динха Тепе⁷. Керамике Динха IV посвящено специальное исследование⁸. Керамика Динха IV и Хасанлу VI имеет желтоватый цвет поверхности различных оттенков (buff ware), встречается также оранжевая окраска сосудов, восходящая к периоду Хасанлу VII. Из 104 типов посуды Динха IV только 16 имеют серый цвет поверхности. Серая керамика представлена преимущественно чашами. Происхождение сосудов серого цвета пока не установлено. Р. Дайсон находил, что сероглиняная посуда Динха IV напоминает минийскую керамику Греции⁹. Светлофонная посуда этого комплекса часто украшена росписью красного или коричневого цвета: горизонтальные линии, треугольники, «шахматные доски», радиальные линии и т. п. (рис. 1). Реже встречается резной орнамент. В большой коллекции керамики имеется лишь один черепок серого цвета с сетчатым лощеным орнаментом.

Керамический комплекс Динха IV является разновидностью так называемой хабурской керамики, датирующейся первой половиной II тысячелетия до н. э.¹⁰ По К. Хэмлин, примерно 50% форм этой керамики, а также орнаментация сосудов имеют аналогии в Сирии и Северной Месопотамии. Наибольшее их число дают Нузи, Телль Билла, Тепе Гавра, Чагар Базар, Телль-эль-Рима, Телль Брак, поселения района Диалы.

В слое Динха IV вскрыты две гробницы, сооруженные из камня и перекрытые плитами, которые содержали коллективные захоронения, а также керамику, булавки, ножи и т. п. Витые серьги и подвеска в форме звезды, найденные в одной из гробниц, а также керамика этого периода имеют аналогии в более западных памятниках.

На материале керамики рассмотрим, какие традиции Динха IV сохраняются в последующий период? Из 80 сосудов, найденных в могилах Динха III, 56 (т. е. более 70%) серого цвета; 23 сосуда фактуры buff ware, но в данном случае этот термин имеет уже иное содержание, чем в предшествующий период, — преобладают красноватые оттенки¹¹. Если учесть, что красноглиняная посуда Динха III повторяет формы сероглиняной, то можно предположить, что она получилась вследствие отклонения от нормального режима обжига серой керамики. Как известно, памятники с серой керамикой в Иране всегда содержат также и красноглиняную посуду тех же форм. Из 104 типов керамики Динха IV в период Динха III сохраняется лишь несколько типов (в сильно модифицированном виде и в небольшом количестве экземпляров). Среди набора посуды, который О. Мускарелла считает диагностическим для Динха III, чайник без перемычки между сливом и горловиной, кубок с ручкой и на поддоне, неглубокая чаша с двумя отверстиями у венчика для подвешивания — ни одна форма не может быть возведена к комплексу Динха IV (рис. 1). В Хасанлу V расписная керамика сменяется лощеной серо-черной, не считая вариантов красноватого цвета, столо-

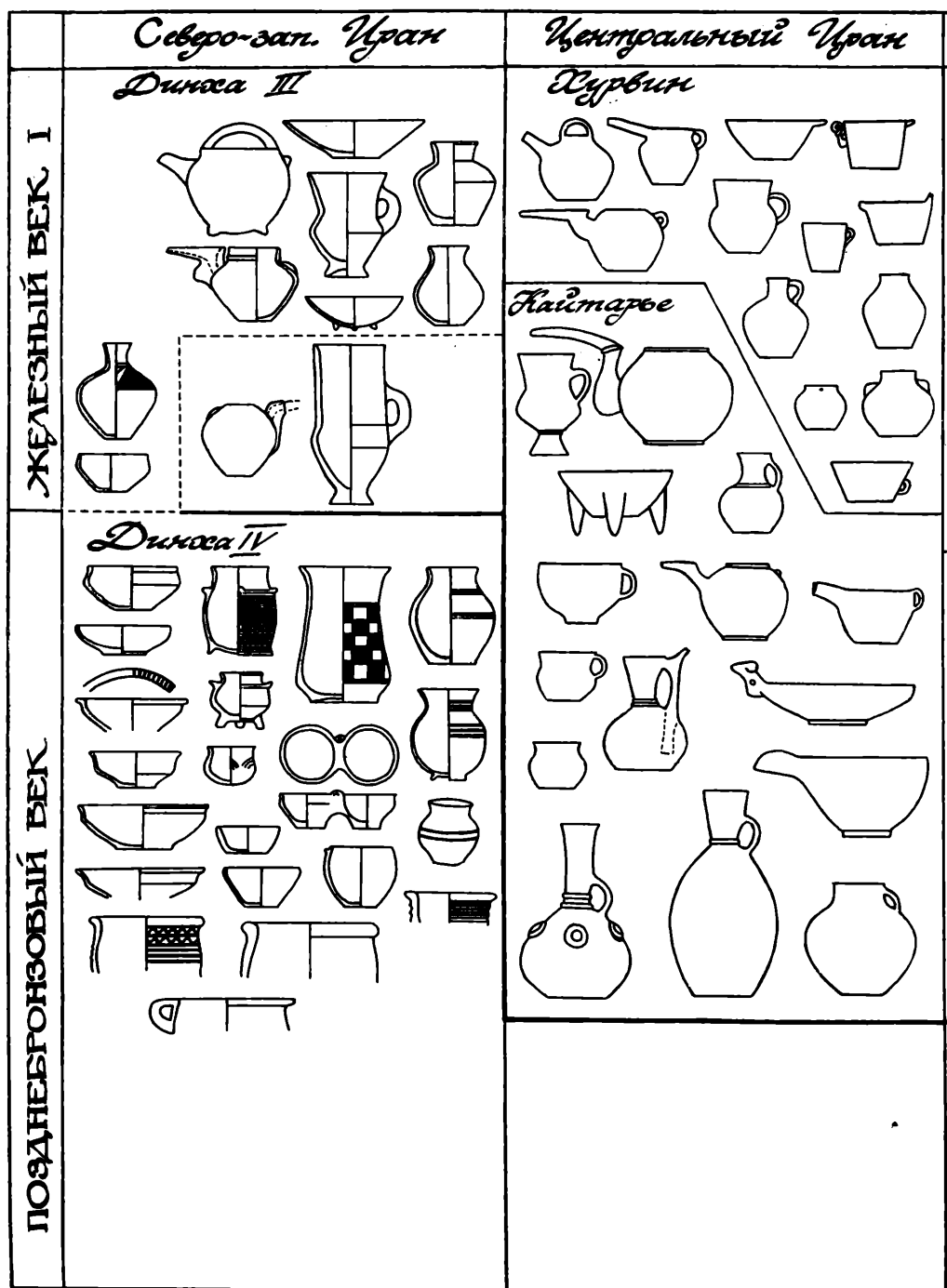

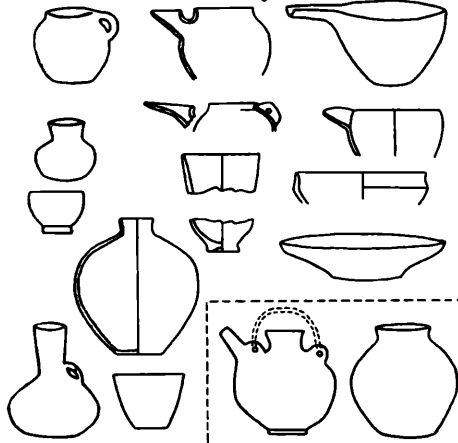
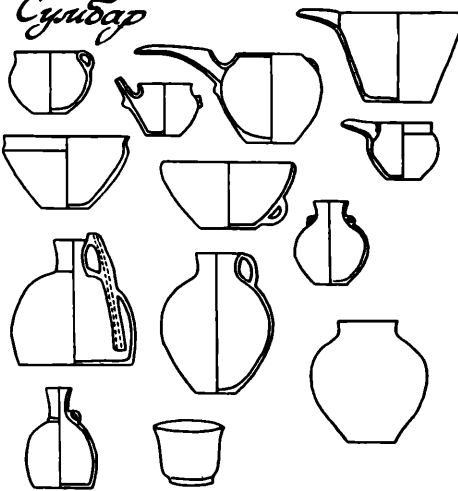

Рис. 1. Генетические связи керамического комплекса Динха III в Иранском Азербайджане

вой желтоватой посуды и грубой кухонной; часто встречается лощеный орнамент.

Технологически, по формам и декору керамические инновации Хасанлу V—Динха III связаны с более восточными памятниками. Определяющая форма Динха III—чайник со сложносоставным сливом—восходит к памятникам северо-восточного Ирана эпохи бронзы, где наблюдается постепенное развитие этой формы на протяжении несколь-

<i>Северо-вост. Иран</i>	<i>Юго-зап. Турция</i>
	<p data-bbox="624 137 836 175"><i>Дахистан</i></p>
<p data-bbox="154 668 571 716"><i>Маш-Пене-Пирене III с²</i></p> 	<p data-bbox="624 620 753 668"><i>Сулбар</i></p>
<p data-bbox="165 1170 395 1219"><i>Мене-Туссар</i></p> 	

ких периодов. Наибольшую типологическую близость указанным чайникам имеет чайник с округлым туловом, найденный в наиболее ранней по стратиграфическим условиям могиле Динха III, перекрытой другой могилой той же фазы (рис. 1)¹². Кубок на поддоне, найденный в этой ранней могиле, отличается от других сосудов такого типа наличием не кольцевидного, а сплошного поддона, и таким образом становится очевидным, что кубки *buffon-base* первоначально не имели кольцеобразной выкружки у дна. В более восточных районах Ирана и архаическом Дахистане обнаружены именно такие кубки без миниатюрного кольцевидного поддона. По всему Ирану эпохи ЖВ-I распро-

странены неглубокие чаши с горизонтальной ручкой у венчика, только в Хурвине и ранних горизонтах поселений архаического Дахистана эти ручки были сделаны из глины, а в северо-западном Иране у венчика чаши просверливали два отверстия, через которые продевали петлю.

Погребальный обряд приурмийских памятников ЖВ-I с серой керамикой резко отличается от погребального обряда предшествующего времени. В Хасанлу V погребения вынесены за пределы городской застройки и сосредоточены в специальном могильнике у подножия Холма Цитадели. Это одиночные труположения с определенным набором посуды: кубок, чаша, хумча и четверть туши барана¹³. Для Динха III также характерны одиночные труположения, часто с закладом из сырцового кирпича с той стороны, лицом к которой лежит покойный; погребенные лежат с подогнутыми ногами на спине или на боку. Кости мелкого рогатого скота встречены значительно реже, чем в Хасанлу V (в 3 случаях из 33), а в двух погребениях найдены бараньи астрагалы. Помимо стандартного набора посуды, 4 могилы содержали оружие, 30 — украшения¹⁴.

Следовательно, погребальный обряд Хасанлу V — Динха III не имеет ничего общего с погребальным обрядом предшествующего периода Хасанлу VI — Динха IV — и определяется новыми чертами (указанными выше), характерными для ареала памятников с серой керамикой северо-восточного Ирана и юго-западной Туркмении, причем датируются там более ранним временем. Покойники в могильниках юго-западной Туркмении и в Тюренг Тепе в северо-восточном Иране захоронены в катакомбах, лицом к входному отверстию, которое заложено сырцовым кирпичом; это объясняет наличие кирпичной стеночки в могилах Динха III, лицом к которой всегда обращен покойный. Видимо, это заклад непрослеженной катакомбы или пережиток катакомбного обряда захоронения.

Искусство ЖВ-I в северо-западном Иране также восходит к ареалу памятников с серой керамикой эпохи бронзы. В Хасанлу V обнаружены сосуд в виде птицы хурвинского облика и терракотовая фигурка всадника, похожая на изображения всадников из района Амлаша и Дейламана к югу от Каспия¹⁵. Золотая чаша из Хасанлу с мифологическими сценами найдена в слое IV (1100—800 гг. до н. э.), но по ряду признаков датируется более ранним временем¹⁶. Многие специалисты объявляют эту чашу хурритской по производству¹⁷, но в таком случае изображения на ней должны восходить к произведениям искусства в ареале обитания хурритов, которые во II тысячелетии до н. э. занимали часть Сирии, Малой Азии и северной Месопотамии¹⁸. Однако основные сюжеты на чаше уходят своими корнями в искусство северного Ирана эпохи бронзы. Так, лев со свастикой на крупе, так же как кинжал талышского типа с полумесяцем под рукоятью, находит аналогии исключительно в южном Прикаспии¹⁹, где ни о каких хурритах не может быть и речи. Изображенный на чаше бык, изо рта которого изливается струя воды, семантически тождествен сосудам из Марлика в виде быка, морда которого оформлена в виде слива²⁰. Двуглавый баран, на котором стоит женщина в накидке, по замыслу, перекликается с двуглавыми скульптурками баранов в поздних могилах Гиссара III С (где в трех случаях из четырех они найдены вместе с фигуркой стоящей женщины), просто художник воплотил этот сюжет в иной манере. Еще одна сценка — коленопреклоненная женщина, протягивающая младенца сидящему мужчине, прямо копирует аналогичный сюжет на жезле Гиссара III С²¹. Лучник на чаше из Хасанлу по одежде и по позе очень близок жрецу на сосуде Астрабадского клада и сеятелю на чаше эпохи бронзы из Афганистана, а преклонившие колена люди с афганской чаши выступают в качестве иконографических прототипов фигур на чаше Хасанлу²².

Таким образом, основные инновации периодов Хасанлу V — Динха III проявившиеся в новых: технологии изготовления керамики, формах посуды, в том числе ритуальной (по изображениям людей, держащих

сосуд²³), традициях украшения керамики (распространение лощения, зооморфных напелов и рельефов вместо геометрической росписи), чертах погребального обряда, сюжетах в искусстве — имеют общий внешний импульс и связаны по происхождению с определенным культурным ареалом, а именно с памятниками северо-восточного Ирана эпохи бронзы и промежуточными по территории и датировке памятниками центрального Ирана. Совокупность археологических данных свидетельствует о том, что в Хасанлу V—Динха III происходит вытеснение прежних многовековых традиций в материальной и духовной культуре инновациями, имеющими истоки в памятниках северо-восточного Ирана эпохи бронзы. Недавние исследования И. Н. Хлопина в юго-западной Туркмении могильников Сумбар и Пархай II установили большую древность культуры серой керамики в этом районе и позволили получить дополнительные доказательства в поддержку пришедшего характера памятников ЖВ-I с серой керамикой в северо-западном Иране²⁴. Перемещение (при определенной трансформации) культурных традиций из северо-восточного Ирана в западном направлении можно было бы объяснить культурно-политическим, культурно-хозяйственным и тому подобными воздействиями, если бы не одно обстоятельство: поселения северо-восточного Ирана прекращают свое существование к тому времени, когда в северо-западном Иране появляются комплексы типа Динха III—Хасанлу V²⁵. Иными словами, перенос восточно-иранских культурных традиций в западные районы Ирана мог осуществляться только при перемещении самих носителей этих традиций. Антропологический материал как минимум не противоречит этому заключению. Физический тип населения Хасанлу V—IV — восточно-средиземноморский, долихокранный — был широко распространен в древней Передней Азии, но, по мнению антропологов, мужское население Хасанлу V—IV имеет наибольшее сходство по цифровым показателям с мужчинами Гиссара III, и в меньшей степени с мужским населением других памятников Передней Азии, а женская часть популяции Хасанлу V—IV почти точно по цифровым индексам соответствует женским особям Гиссара и Ниппура²⁶. Анализ археологического и антропологического материала свидетельствует в пользу предположения о миграции части населения северо-восточного Ирана эпохи бронзы в более западные районы — сначала в район Гиляна и Мазандерана²⁷, а затем в район оз. Урмия. Заглубление датировки периода Хасанлу V—Динха III — в рамках между 1500/1400 и 1100 гг. до н. э.²⁸ — делает маловероятной гипотезу Янга об иранской принадлежности памятников ЖВ-I с серой керамикой в северо-западном Иране, так как лингвисты утверждают, что иранцы появляются в этом районе не ранее XI—X вв. до н. э.²⁹ В то же время на первый план выступает вопрос о том, какой новый этнический элемент фиксируется письменными источниками на восточной окраине хурритского мира около середины II тысячелетия до н. э. и на какой субстрат наслоились в северном Иране ираноязычные племена на рубеже II—I тысячелетий до н. э.³⁰

¹ Young T. C. The Iranian migration into the Zagros//Iran. L., 1967. V. 5.

² Dyson R. H. Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu//JNES. 1964. V. 24, N 3; Muscarella O. W. Excavations at Dinkha Tepe//ВММА. 1968. Nov.; Deshayes J. New evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe, Iran//Archaeology. 1969. V. 22, N 1.

³ Луконин В. Г. Археологические памятники Ирана II—I тысячелетий до н. э. и новые поступления в отдел Востока//Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1977; Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977. С. 15 сл.; Грантовский Э. А. Серая керамика, рас-

писная керамика и индоиранцы//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 264.

⁴ Медведская И. Н. Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана//ВДИ. 1977, № 2; Она же. Иран последней четверти II тысячелетия до н. э. по археологическим материалам: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978; Medvedskaja I. Iran: Iron age I. L., 1982.

⁵ Deshayes J. Tureng Tere et la periode Hissar III//Ugaritica. P., 1969. V. 6.

⁶ Dyson R. H. Problems of protohistoric Iran...

⁷ Muscarella O. W. Excavations at Dinkha

- Tepe; *Dyson R. H.* A decade in Iran// Expedition. 1969. V. 2, N 2.
- ⁸ *Hamlin C.* The early second Millennium ceramic assemblage of Dinkha Tepe//Iran. 1974. V. 12. P. 1—74.
- ⁹ *Dyson R. H.* A decade in Iran... P. 44.
- ¹⁰ *Hrouda B.* Die bemalte Keramik des zweiten Jahrtausends in Nordmesopotamien und Nordsyrien. B., 1957.
- ¹¹ *Muscarella O. W.* The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran//MMY. 1974. V. 9.
- ¹² *Ibid.* P. 40.
- ¹³ *Dyson R. H.* Problems of protohistoric Iran... P. 196.
- ¹⁴ *Muscarella O. W.* The Iron Age...
- ¹⁵ *Dyson R. H.* Hasanlu, 1972: Proceedings of the 1st Annual symposium of archaeological research in Iran//Iran Bastan Mus. 1972. Nov. P. 3. Fig. 5; ср.: 7000 ans d'art en Iran. P., 1961. Tab. 14; *Terrace E.* Some recent finds from Northern Persia//Syria. 1962. V. 39.
- ¹⁶ *Porada E.* The Hasanlu bowl//Expedition. 1959. V. 1, N 3; *Dyson R. H.* Notes on weapons and chronology in Northern Iran around 1000 B. C. Istanbul, 1964. P. 40; *Курочкин Г. Н.* К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана//СА. 1974. № 2. С. 37.
- ¹⁷ *Porada E.* The Hasanlu bowl; *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 69—70 сл.
- ¹⁸ *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 114; *Hrouda B.* Dir Hurriter als Problem archäologischer Forschungen//Archeol. Geogr. 1958. Jg. 7. Aug. P. 14.
- ¹⁹ *Archeologie Vivante.* P., 1968. V. 1, N 1. Fig. 26; *Negahban E.* A preliminary report on Marlik excavation. Teheran, 1964. Fig. 138; *Vanden Berghe L.* Archaeologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959. P. 258. Pl. 2a.
- ²⁰ *Negahban E.* A preliminary report... Pl. 1.
- ²¹ *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe His-sar, Damghan. Philadelphia, 1937. N 463, 763, 5141 etc.
- ²² *Bode C. A.* On a recently opened Tumulus in the neighbourhood of Astrabad// Archaeologia. 1944. V. 30. Fig. 1; *Каряниди В. И.* Новый центр древневосточного искусства//Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 69. Рис. 1.
- ²³ *Negahban E. O.* A preliminary report... Pl. 11; *Archeol. Vivante.* Fig. 117.
- ²⁴ *Хлопин И. Н.* К происхождению культуры серой керамики раннего железного века Северного Ирана//Тез. докл. Все-союз. симпоз., посвящ. 60-летию образования СССР. Ереван, 1982. С. 143—145.
- ²⁵ Из новых работ по датировке памятников СВ Ирана см.: *Дайсон Р. Х., Ховард С. М.* Повторное изучение памятника Тепе Хиссар//Археология Средней Азии и Ближнего Востока: (II Сов.-амер. симпоз.). Ташкент, 1983. С. 36.
- ²⁶ *Rathbun T. A.* An analysis of the skeletal material excavated at Hasanlu, Iran. Kansas, 1964.
- ²⁷ *Deschayes J.* Tureng Tepe... P. 163.
- ²⁸ *Bovington C. H., Dyson R. H., Mahdavi A., Masoumi R.* The radiocarbon evidence for the terminal date of the Nissar III culture//Iran. 1974. V. 12. P. 197.
- ²⁹ *Грантовский Э. А.* Серая керамика... С. 267.
- ³⁰ *Дьяконов И. М.* Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа//ВДИ. 1970. № 4; *Burrow T.* The Prot-Indoaryans//JRAS. 1973. N 2.

В. А. МЕШКЕРИС

К ВОПРОСУ ОБ АХЕМЕНИДСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ЗООМОРФНОЙ ПЛАСТИКЕ СОГДА

Среди многочисленных экспонатов самаркандских древностей, рассредоточенных по музеям Советского Союза, особое внимание привлекают два зооморфных терракотовых изображения. Одно из них представляет собой голову конеподобного животного (кабинет археологии Казанского государственного университета), другое — голову хищника кошачьей породы (коллекция Самаркандского Республиканского музея истории культуры и искусства УзССР).

Редкий экземпляр из Казани находится в числе терракот, собранных профессором Казанского университета Н. Ф. Высоцким, который в конце прошлого века, будучи членом Университетского общества археологии и этнографии, занимался коллекционированием восточных и античных древностей. Надо отметить, что большая часть коллекции собрана Н. Ф. Высоцким путем приобретения и что последний проявлял при этом высокую профессиональную требовательность¹.

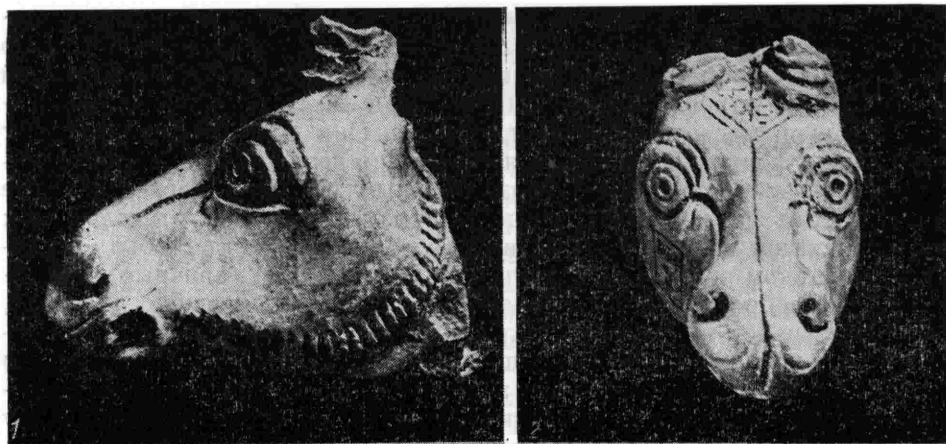

Рис. 1. Протома керамического ритона в виде головки фантастического животного «конс-быка»

1 — профиль; 2 — анфас

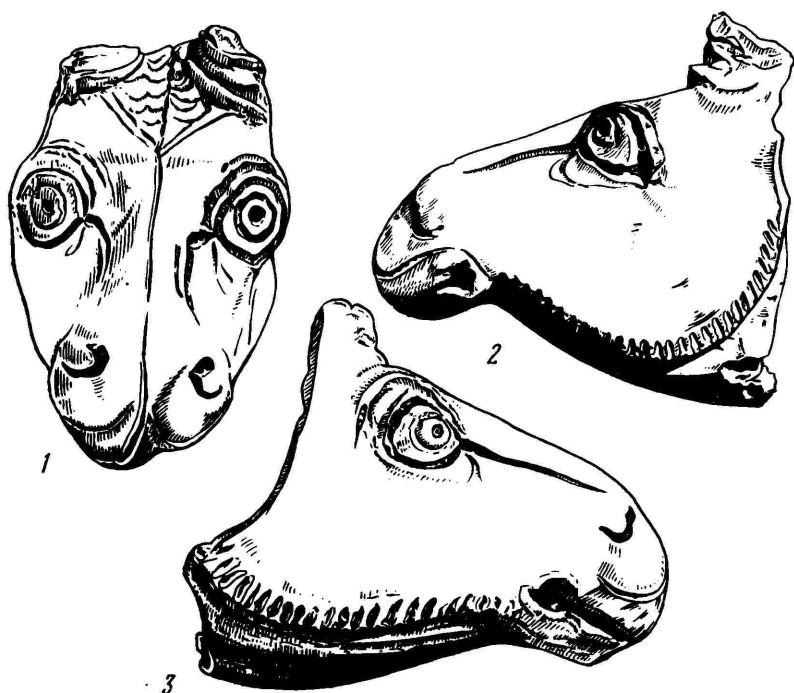

Рис. 2. Прорисовки протомы керамического ритона головки «коне-быка» (1—3)

Коллекция самаркандских древностей (по данным периодики Казанского университета) была, по-видимому, собрана Н. Ф. Высоцким в 90-е годы в результате его поездок в Среднюю Азию, организованных Самаркандским кружком любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете². К этому периоду относится возросший интерес русских ученых к самаркандским древностям, наблюдавшийся одновременно в Ташкенте и Казани.

Необычная скульптурная зооморфная головка, созданная в стиле ахеменидской пластики (рис. 1; 2)³, является фрагментом согдийского фигурного сосуда, скорее всего протомой ритона, так как скульптура имеет полость. Изваяние выполнено древним анималистом, хорошо знавшим анатомию. Пластично выделена широкая лобная часть, впа-

дины глаз, узкий хруп; глубоко врезанными скобками выявлены ноздри. Поверхность всей головы тщательно выглажена, совершенство формы подчеркнуто условно-линейной схематизацией, усиливающей строгость симметричной композиции: смелые и глубокие врезы, нанесенные рукой мастера, идут от глаз вниз. Они изящно подчеркивают утонченную форму носа; вертикальная линия четко делит морду животного пополам и соединяется с горизонтальным разрезом пасти. Круглые ямки в углах пасти усиливают петлеобразный рисунок отвислых губ; овальная ямка в центре пасти, возможно, предполагалась быть сквозной, т. е. стоком ритона. Многоскладчатые надглазья, типичные для зооморфных изображений переднеазиатской и ахеменидской пластики, укрупняют и без того большие круглые глаза, изображенные concentрическими кружками, имитирующими троечастные окружности век и надбровных дуг. Задняя часть и низ головы животного по естественному контуру окантованы строго стилизованной полоской шерсти. На лбу расположены два выступа (обломки рогов?), окольцованных у основания гладкими обручами; левый предполагаемый рог заключен в три кольца, правый — в одно. Между рогами в центре лба — орнаментированный треугольник (рис. 1,2; 2,1), обращенный острым углом вниз. Последний окантован полоской из двух врезанных линий и заполнен сплошь узором из вдавленных кружочков и скобочек, нанесенных полой трубкой. Такой тип сосуда с протокой животного (козла, газели, барана или лошади) восходит к древним зооморфным ритонам переднеазиатского происхождения, которые встречаются в древней керамике Амлаша I тысячелетия до н. э.⁴, Зивис Урарту VII—VI вв. до н. э.⁵ и Эрбуни V—IV вв. н. э.⁶ Аналогичные зооморфные ритоны воспроизведены на ассирийских рельефах VIII—VII вв. до н. э.⁷ К этому кругу памятников относятся ахеменидские ритоны с головками козла из Эрмитажа⁸ и, наконец, целая группа подобных сосудов из древней Фракии⁹. Согдийская головка ритона стилистически примыкает к более широкому кругу хрестоматийно известных памятников ахеменидского круга. Таковы стилизованные изображения быков на воротах богини Иштар в Вавилоне, на мозаичных панно Суз, на ахеменидских капителях. Обращаясь к стилистическим параллелям, мы привлекали ахеменидские памятники с изображением различных животных: быков, коней, козлов, баранов, газелей. В отличие от конкретных зооморфных изображений известных памятников протома согдийского ритона изображает не реальное животное, а скорее всего сложный гибридный образ, похожий общим обликом на коня, а деталями на изображения рогатых парнокопытных животных, выполненных в ахеменидском стиле. Составные элементы гибридного образа имеют аналогии среди предметов Амударьинского клада. Ближе всего к конеподобному скульптурному изображению из Согда стоит головка коня V в. до н. э. (№ 9)¹⁰. Она аналогична согдийской не только вытянутостью морды, но и другими характерными деталями: тисненными полукруглыми складками надглазий, врезанными линиями, идущими от глаз к низу морды и подчеркивающие с двух сторон тонкое переносье. Однако в амударьинской головке коня отсутствует важный признак ахеменидской пластики — стилизованная заскульная «скобка» схематизированной шерсти¹¹.

Следует отметить, что все кони в составе Амударьинского клада (№ 8, 9, 44—46), а также кони персепольских рельефов¹² изображены без этой характерной детали, т. е. без заскульной скобки. Именно отсутствие этого признака отличает их от согдийского экземпляра. Стилизованная заскульная скоба шерсти в ахеменидской анималистике присутствует на изображениях парнокопытных животных. Этой деталью анализируемая зооморфная скульптура из Согда напоминает не только известные монументальные памятники, но и аналогичное по стилю изображение оленя на бутероли из Тахти Сангин V в. до н. э., выполненное в традициях ахеменидского искусства¹³. Кроме того, необходимо

сказать, что два выступа, расположенных высоко надо лбом, изображают скорее всего не конские уши, а окольцованные у основания рога, выполненные в традициях древнемесопотамской пластики¹⁴. Эта традиция продолжает существовать и в пластике ахеменидского времени: окольцованность основания рогов присутствует в изображении животных в торевтике Ирана, на предметах Амударьинского клада¹⁵, на бронзовых скульптурах баранов Исфаринской долины Таджикистана, датированных исследователями V—III вв. до н. э.¹⁶

На фигурах козла и оленей (№ 10—12) Амударьинского клада присутствуют важные признаки согдийского экземпляра: 1 — окольцованные рога; 2 — скоба стилизованной шерсти (которая почти всегда присутствует в изображении травоядных животных: козлов, баранов, оленей в ахеменидской пластике); 3 — врезанные линии, подчеркивающие переносье; 4 — лобное орнаментальное украшение; 5 — многоскладчатые надглазья. Сочетание в согдийском экземпляре черт коня и рогатых животных позволяет определить его как гибридный зооморфный образ.

Вполне возможно, что перед нами рогатый конь — символ слияния солнечного божества (Митры) и родового тотема, известный в древнейших представлениях индоиранских племен. Синкретизм зооморфных идентичных образов представлен находкой головы лошади, облаченной в маску с оленьими рогами в Пазырыкском кургане. Саки изображали своего солнечного бога в образе коня с рогами парнокопытного животного. Таковы протомы крылатых коней с рогами горного козла, являющиеся элементами головного убора знатного сакского вождя, погребенного в Иссыкском кургане¹⁷. Об устойчивости этого образа свидетельствуют более поздние изображения рогатого коня на реверсе монет Антиоха I¹⁸. Несмотря на местные истоки образа, следует подчеркнуть, что рассматриваемая в настоящей статье деталь согдийского ритона из Казани выполнена в стиле ахеменидских традиций скульптурного анимализма. Протома гибридного зооморфного животного («коне-быка», «коне-козла» или «коне-оленя») иллюстрирует проникновение в Согд древневосточных традиций через ахеменидский Иран. Таким образом, в Согде наблюдается явление, аналогичное тому, которое имело место в художественной керамике Хорезма и соседних регионах, где в IV в. до н. э. появляются глиняные ритоны ахеменидского стиля с протомами животных¹⁹. Ахеменидские традиции в изобразительном искусстве Согда прослеживаются не только во второй половине I тысячелетия до н. э.²⁰, но и в эпоху раннего средневековья²¹. Однако наряду с этим зооморфные головки-носики ритонов раннего средневековья²² сильно отличаются по стилю от протомы ритона Казанского музея. При наличии отдельных типичных ахеменидских признаков анималистической скульптуры, переданных приемом линейного схематизма в поздних средневековых зооморфных головках, нет главного, характерного для согдийской головки коне-быка из Казани. Она, как и олень бутероли из Тахти-Сангина, является как бы копией монументальной зооморфной скульптуры, полностью выдержанной в ахеменидском стиле, отличающимся строгой лаконичной стилизацией. Это дает основание отнести терракотовую головку «коне-быка» (деталь ритона) из Согда к ранней ахеменидской фазе становления среднеазиатского искусства.

Обратимся к другому примеру зооморфной скульптуры из Согда, изображающей хищника кошачьей породы — тигра или львицы (рис. 3,1)²³. Объемная голова слитна с могучей шеей, выделяются надбровья, крупные глаза косога разреза стрельчатой формы заострены к внешним углам, выпуклые глазные яблоки с округлыми ямками зрачков, заскульная рельефная складка оконтурена с внутренней стороны у пасти желобком; горбоносый профиль и открытая пасть (контуры по верхнему краю). Образ тигроподобного хищника восходит к древнейшим прототипам Передней Азии. Зверь без гривы, похожий на

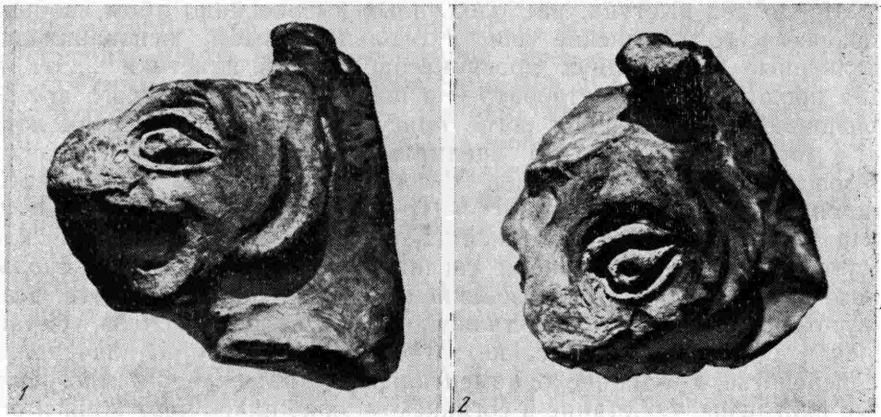

Рис. 3. Терракотовая головка хищника кошачьей породы

1 — профиль; 2 — анфас

львицу или тигра с мощной шеей, с рельефной складкой складки, окантовывающей скулы, встречается на ассирийских рельефах²⁴.

Монументальными статуями таких же зверей IX в. до н. э. оформлен вход в сиро-хетский город Каратепе на юге Малой Азии²⁵. Изваяния львов хорошо известны и в монументальной вавилонской скульптуре²⁶. Фигуры львов с мощной шеей и торчащими ушами украшают один из золотых сосудов из Калардашта в Тегеранском музее (VIII—VII вв. до н. э.)²⁷. Имеются аналогии и в монументальной пластике: таковы львиные протомы Персеполя²⁸, изображения львов в ахеменидской торевтике и монументальной скульптуре²⁹. В традициях ахеменидской пластики выполнены головки львов на керамике Хорезма IV в. до н. э.³⁰

Среди сходных черт можно назвать: торчащие уши, дугообразные заскульные рельефные складки, крутой выгиб могучей шеи.

Однако согдийский экземпляр отличается от пасаргадского изваяния иной трактовкой глаз — они сужены к внешним углам косога разреза и имеют углубленные зрачки, в то время как в пластике пасаргадского изваяния глаза округло-выпуклые и притом «слепые». Тем не менее экспрессивность в пластике глаз согдийского экземпляра находит параллель в ассирийском, ахеменидском и сакском искусстве. Такие же глаза мы видим на ассирийской бронзовой головке из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине³¹, а также на стилизованной маске льва Амударьинского клада, на пуговице-бляхе, которую Дальтон датирует V в. до н. э.³², на бляхах в виде головы тигра из кургана Иссык³³, на фигурах львов алтарей Семиречья и ювелирных изделиях Пазырыка³⁴, на изображениях льва Берккаринской пряжки³⁵, т. е. на предметах искусства, созданных в сакской среде под сильным влиянием художественных традиций ахеменидского Ирана. Это явление вполне закономерно, так как некоторые варианты образа кошачьего хищника, характерного для раннескифского искусства, целиком заимствованы из искусства Древнего Востока³⁶.

Приведенные аналогии позволяют высказать предположение либо о ранней датировке согдийской головки кошачьего хищника ахеменидским временем, либо об устойчивости древневосточных традиций в Согде в последующие эпохи, отражающие архаическую фазу в искусстве Средней Азии.

Итак, перечислим признаки двух уникальных изображений из Согды, которые позволяют связать их с ахеменидской традицией: 1. обобщенная стилизация, основанная на типизации образа без натуралистических подробностей; 2. строгая схематизация и орнаментальный характер деталей (многорядные надглазья, заскульная скоба шерсти или кожи, спиралевидные ноздри).

Открытие редких памятников согдийской анималистической скульптуры подтверждает ранее сформулированный вывод о том, что на изобразительное искусство Согда (на первоначальной стадии его становления) существенное влияние оказывала художественная культура древнейших стран Передней Азии и ахеменидского Ирана.

- ¹ Катанов Н. Ф. О некоторых предметах из китайской коллекции почетного члена Общества археологии, истории и этнографии, ордин. проф. Н. Ф. Высоцкого//ИОЛИЭ Казан. У. 1908. Т. 24. Вып. 5. С. 454—461; Варнеке Б. В. Античные терракоты из коллекции проф. Н. Ф. Высоцкого//Там же. 1906. Т. 22. Вып. 4. С. 231—248; Александров А. О трудах и занятиях по археологии, истории и этнографии заслуженного ордин. проф. императорского Казанского университета Н. Ф. Высоцкого//Там же. 1908. Т. 23. Вып. 1. С. 34—40.
- ² Поляков П. Самаркандский кружок любителей археологии, истории и этнографии//Там же. 1909. Т. 23. Вып. 5. С. 349—395.
- ³ Казанский гос. университет $\frac{\text{АМУ—17}}{20}$
(Ее размеры: дл.—7,4, в.—6,9, диам.—4,7).
- ⁴ Ghirshman R. Le Rhyton en Iran//Artibus Asiae. 1962. V. 25. P. 78—79. Fig. 29—30; Shepherd D. Two silver Rhyta//Bull. Cleveland Mus. Art. 1966. V. 53. N 8. P. 292. Fig. 2, A; P. 294. Fig. 4, A.
- ⁵ Луконин В. Г. Искусство Ирана. М., 1977. С. 34—36.
- ⁶ Там же. С. 72; Аракелян Б. Н. Клад серебряных изделий из Эребуни//СА. 1971. № 1. С. 144—157.
- ⁷ Луконин В. Г. Искусство Ирана. С. 36.
- ⁸ Смирнов И. Я. Восточное серебро. СПб., 1909. С. 15; SPA. L.; N. Y., 1938. V. 4. Tab. 113, B.
- ⁹ Маразов И. Ритоните в Тракии. С., 1978. С. 156, 157. Рис. 1—5, 16.
- ¹⁰ Dalton O. M. The treasure of the oxus with other examples of early oriental metalwork. 2nd ed. L., 1926; 3rd ed. L., 1964; Зеймаль Е. Б. Амударьинский клад. Л., 1979. С. 39. Кат. № 9.
- ¹¹ Ghirshman R. L'art animalier aulique achéménide//Monuments et Memoires l'académie des inscriptions et Belles-Lettres. Soixante; P., 1976. Fig. 1; P. 13. Fig. 7,8; Goldman B. Achaemenian chapes//Ars Orientalis. Michigan, 1957. V. 2.
- ¹² Dalton O. M. The treasure... P. 34; Зеймаль Е. Б. Амударьинский клад. С. 39, 50; Ajschar A., Lerner J. The horses of the ancient Persian Empire at Persepolis//Antiquity. Cambridge, 1979. V. 53. N 207. P. 44—47. Pl. 1—3.
- ¹³ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Открытие шедевров Бактрийского искусства//Памятники культуры: Новые открытия: Письменность, искусство, археология: Ежегодник, 1983. Л., 1985. С. 509.
- ¹⁴ Aynard J. Animals in Mesopotamia//Animals in archaeology. N. Y.; Wash. (D. C.), 1972. P. 52. Fig. 26.
- ¹⁵ Amandry P. Toreutique achéménide//Antike Kunst 2. Olten-Schweiz. Jg. 1959. H. 2. P. 52, 53. Pl. 29, 3—4; Зеймаль А. В. Амударьинский клад. С. 39, 40. Кат. № 10, 11.
- ¹⁶ Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана//Памятники культуры. С. 501—507. Рис. на с. 503.
- ¹⁷ Акишев К. А. Курган-Иссык. М., 1978. С. 24, 47, 57. Рис. 9; Он же. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983. Рис. 68, 69.
- ¹⁸ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад.
- ¹⁹ Воробьева М. Г. Керамика Кой-Крылган-Калы//ТХАЭЭ. М., 1967. Т. 5. С. 111—112. Рис. 47; Ставиский Б. Я. Средняя Азия и Ахеменидский Иран: История иранского государства и культуры—2500 лет иранского государства. М., 1977. С. 160.
- ²⁰ Мешкерис В. А. Ранние терракоты Согды: (К вопросу об истоках согдийской коропластики)//Искусство таджикского народа. Душанбе, 1964. Вып. 3. С. 4.
- ²¹ Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1974. С. 74.
- ²² Shepherd D. C. Two silver Rhyta. P. 284. Fig. 1, 3, 11; Belenickij A. Zentral-Asien. München etc., 1976. Bild. 114; Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962. Табл. 25, 365; Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977. Рис. 51 (4); Беленицкий А. М. Изображение быка на памятниках искусства древнего Пенджикента: (К истории зооморфизма в древнем изображении искусства Средней Азии)//Этнография археологии Средней Азии. М., 1979. С. 90. Рис. 2.
- ²³ Самаркандский музей 37—1 (пл.—5 см, в.—6 см, ш.—4 см).
- ²⁴ Рельеф IX в. из дворца царя Ашурбанипала II//Памятники мирового искусства. М., 1968. Табл. 238.
- ²⁵ Флитнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья. Л.; М., 1958. С. 243.
- ²⁶ Strommenger E. The art of Mesopotamia. L., 1964. Pl. 200, 201; Parrot A. Nineveh and Babylon. L., 1961. P. 27, 29. Pl. 31, 33; P. 141. Pl. 172.
- ²⁷ Codar A. Umetnost Irana. Beograd, 1965. S. 32—33.
- ²⁸ Berghe L. van den. Archéologie de l'Iran ancien. Brill; Leiden, 1959. P. 43; Herzfeld E. C. Iran in the ancient East. L.; N. Y., 1941. Pl. 83.
- ²⁹ Ghirshman R. L'art animales... Fig. 13, 14; Herzfeld E. C. Iran in the ancient East. P. 129.
- ³⁰ Воробьева М. Г. Изображения львов на ручках сосудов из Хорезма//КСИЭ. 1958. Вып. 30. С. 45—73.
- ³¹ Там же. С. 76.
- ³² Dalton O. M. The treasure... N 40; Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. С. 49. Кат. № 41.
- ³³ Акишев К. А. Курган-Иссык. С. 27, 29, 96, 97. Рис. 13, 14; Он же. Древнее золото... Рис. 90—93.

³⁴ Артамонов М. И. Сокровище саков. М., 1973. С. 39. Рис. 43, 44; С. 41. Рис. 49; С. 57. Рис. 71.

³⁵ Бернштам А. Н. Берккаринская пряжка: (О скифской традиции в сарматском ис-

кусстве)//КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 9—11.

³⁶ Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве//СА. 1971. № 2. С. 69.

Д. АБДУЛЛОВ

К СТРУКТУРЕ ТРОННЫХ ЗАЛОВ ДВОРЦОВ ПРАВИТЕЛЕЙ МАВЕРАННАХРА VII—VIII ВВ. Н. Э.

Среди архитектурных памятников, открытых на территории Средней Азии, особое внимание привлекают дворцовые постройки среднеазиатских правителей VII—VIII вв. н. э. Благодаря археологическим исследованиям появилась возможность не только судить об устройстве и убранстве этих дворцов, но и выделить в них общие признаки. В этом плане представляется важным вопрос о структуре тронных залов дворцов правителей Мавераннахра VII—VIII в. н. э. Ценные материалы для такого выяснения были получены при раскопках дворцов бухарских, уструшанских и пенджикентских правителей.

Дворец пенджикентских правителей находился на территории цитадели древнего Пенджикента и состоял из ряда парадных, жилых и хозяйственных помещений. В парадную часть дворца входили четыре больших зала, связанные между собой широкими проходами и длинным парадным коридором (рис. 1) ¹.

Главное место в этой части дворца занимал тронный зал (18,5×12,5 м) с нишей (4,70×4,50 м). Он имел два уровня пола. Низкая часть находилась у входа. Пологий, бесступенчатый подъем вел в более высокую часть, пол которой был приподнят на 0,6 м. В середине южной стены зала располагалась ниша, в которую вели две ступеньки. Вдоль стен зала, за исключением ниши, находились суфы. В нише помещался трон правителя (рис. 2).

Аналогичную структуру имел тронный зал (17,65×11,77 м) дворца правителей Уструшаны — Калаи Каххаха I². Отличие уструшанского тронного зала от пенджикентского состоит лишь в местонахождении прохода.

Другим ныне общеизвестным в науке является дворец «бухархудатов» — правителей Бухары в Варахше. Хотя последний был раскопан еще в 30-е годы нашего столетия, однако до сих пор не установлено местонахождение его тронного зала. Исследователи этого памятника В. А. Шишкин и В. А. Нильсен считали тронным залом так называемый «красный» зал (12×8,5 м). Вместе с тем они также отмечали, что в варахшинском дворце существовал и тронный двор. Им являлось помещение 29 (30×9 м) ³.

Следует отметить, что высказанное предположение относится ко времени, когда еще не были открыты подобные дворцовые комплексы в других областях Средней Азии, с которыми можно было бы сопоставить варахшинский дворец и его тронный зал. Что же касается точки зрения В. А. Шишкина и В. А. Нильсена по поводу «красного зала», то можно предположить, что небольшие размеры этого зала (12×8,5 м) не позволяют считать его тронным. Скорее всего тронным залом «бухархудатов» было помещение 29, в котором В. А. Шишкин и В. А. Нильсен видели тронный двор. В пользу этого говорят размеры помещения

(30×9 м) и самое главное — его структура, аналогичная структурам тронных залов дворцов Пенджикента и Уструшаны. Здесь также наблюдается расположение пола на двух уровнях. Южная часть зала была приподнята над остальной ее площадью образуя возвышение, на которое вели три ступеньки. Отличие заключается лишь в отсутствии ниши. Возможно, она была заложена при перестройке более позднего периода.

В отличие от Согда и Уструшаны, в Тохаристане была принята иная строительно-планировочная система тронных залов. Так, тронный зал, вскрытый на цитадели городища Кафыркала (Колхозабадский р-н ТаджССР), имеет прямоугольную форму (19×10 м). Вдоль всех стен прослеживаются суфы. В середине восточной и западной стен суфы имеют по два выступа, образующих прямоугольные площадки. Причем западный выступ (6,16×3,95 м) на 10—15 см выше уровня суф, в то время как восточный (5,25×3,45 м) на 20 см ниже их. В середине восточного выступа, примыкая к стене, находится очаг-алтарь⁴.

Следует отметить, что истоки рассматриваемой структуры тронных залов можно проследить в архитектурных памятниках Средней Азии

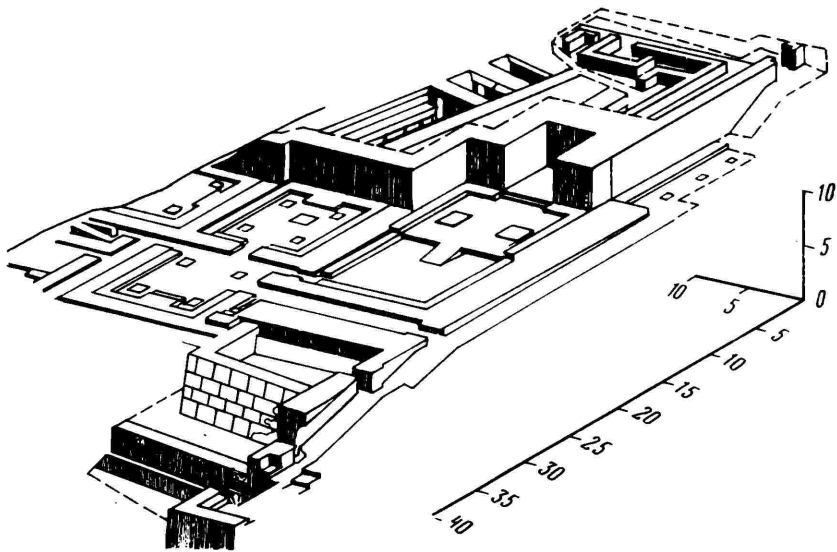

Рис. 1. Древний Пенджикент. Тронный зал. Реконструкция архитектора Л. Л. Гуревича

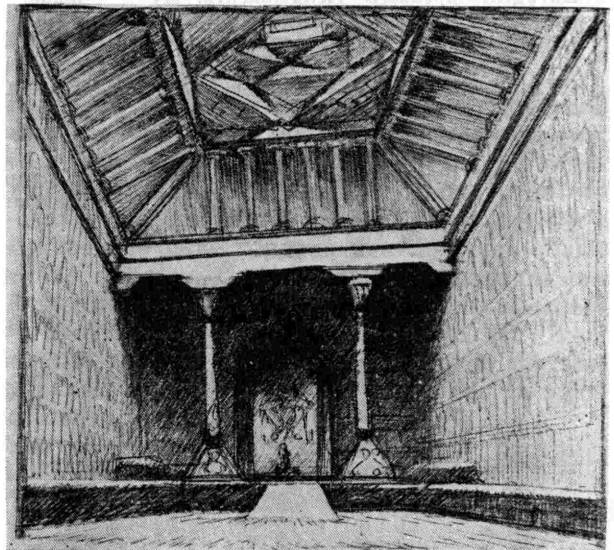

Рис. 2. Аксонометрия парадной части дворца пенджикентских правителей (помещение с нишей — тронный зал). Выполнил Л. Л. Гуревич

античного времени (Топраккала и Зартеле). В свою очередь, эта традиция продолжалась и в архитектуре X—XI вв. н. э. Например, структура тронного зала Газнавида Масуда II почти идентична структуре тронных залов правителей Согда и Уструшаны раннесредневекового периода.

Итак, в связи с вышеизложенным возникает вопрос: как объяснить наличие двух, четко выделенных, уровней полов тронных залов дворцов правителей Мавераннахра доисламского времени? Возможно, объяснение подобной структуры зала лежит в иерархическом делении высших слоев общества того времени. На официальных приемах и торжествах, происходивших во дворцах правителей, представители различных слоев общества должны были занимать соответствующее рангу место в зале. Важные сведения по этому поводу имеются в письменных источниках. Так, во время приема у наместника халифа в Хорасане Кутейбы ибн Муслима (700—715 гг.) прибыли общетохаристанский правитель и несколько правителей более низкого ранга. Увидев общетохаристанского правителя, они поцеловали его руку и сели ниже его⁵.

Ценные материалы о подобном сословном делении на церемониях и торжествах во дворцах правителей Мавераннахра и Ирана имеются в письменных источниках более позднего времени. Любопытно в этом отношении описание тронного зала одного из Зияридов, Мардавиджа (убит в 935 г.). Источник сообщает, что он сидел на золотом троне, установленном на золотом помосте. Ниже был возведен помост из серебра, покрытый коврами, еще ниже находились золотые кресла и прочие сидения. Эти кресла были расположены так, чтобы везири могли занимать места согласно своему рангу⁶. Не менее интересно описание пира во дворце Саманидов (IX—X вв. н. э.) поэтом Рудаки (858—941 гг.), который так сообщал о двух разрядах пирующих:

В одном ряду сидят эмиры и Балами,
В другом — азаты и старый дикхан Салих.
Царь на троне, на почетном месте,
Царь царей мира и эмир Хорасана⁷.

Итак, имеющиеся археологические материалы и сведения письменных источников свидетельствуют о том, что в структуре тронных залов правителей Мавераннахра нашло свое отражение иерархическое деление высших слоев общества того времени.

¹ *Исаков А.* Дворец правителей древнего Пенджикента//Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10. С. 76—81; *Он же.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.

² *Негматов Н. Н.* Исследования в северном Таджикистане//АО, 1971 г. М., 1972. С. 489—491; *Воронина В. Л., Негматов Н. Н.* Открытие Уструшаны//Наука и человечество. М., 1975. С. 51—71.

³ *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963; *Нильсен В. А.* Становление феодальной ар-

хитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.

⁴ *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Раскопки на Аджинатепе и Кафыркале в 1970 г.//АРТ. 1970. Вып. 10. С. 157, 158.

⁵ *Беленицкий А. М.* Историко-географический очерк хутталя с древнейших времен до X в. н. э.//МИА, 1950. № 15. С. 113.

⁶ *Буссе Г.* Возрождение персидской монархии при Буидах//Мусульманский мир 950—1150 гг. М., 1981. С. 70.

⁷ *Бертель Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 145.

ПРОБЛЕМА КОНТИНУИТЕТА
СОГДИЙСКОГО ГОРОДА

Проблема преемственности между древностью и средневековьем — одна из важнейших в истории Средней Азии. Для ее изучения широко используются археологические данные.

В. В. Бартольд — основоположник научного изучения Средней Азии считал, что арабы в Средней Азии столкнулись с теми же общественными условиями, что и Александр Македонский, и что прогресс городской жизни относится к периоду после арабского завоевания¹. Общая концепция исторического развития Средней Азии, по В. В. Бартольду, соответствовала концепции, распространенной в это время в изучении Западной Европы: от господства земледельческой аристократии к расцвету городов, который кладет конец этому господству. На Востоке соответствующие изменения происходили раньше, чем на Западе. Это были передовые для своего времени взгляды, которые стимулировали развитие науки, хотя теперь столь прямая аналогия между древним и раннесредневековым Востоком и позднесредневековой Западной Европой, как показали исследования последующих поколений ученых, потеряла свою актуальность.

Задача данной статьи — показать состояние вопроса о преемственности между древними и раннесредневековыми городами Согда. Этой проблеме уделяли внимание С. П. Толстов, М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский, А. Н. Бернштам, А. М. Беленицкий, В. М. Массон, Б. Я. Ставиский и др. В историографии науки большое значение имела концепция С. П. Толстова, который первым широко использовал археологические материалы. По его мнению, сведения письменных источников о раннесредневековых городах-государствах Согда могут быть использованы для реконструкции социального строя античной Средней Азии². С. П. Толстов считал, что раннее средневековье, сохраняя многие основные черты древности, в то же время было периодом глубокого общественного кризиса, связанного с гибелью рабовладельческой формации и возникновением раннефеодальной формации, причем для него раннее средневековье — период замков. Обследование хорошо сохранившихся замков без широких раскопок привело его к выводу, что в каждом замке жила большая семья — аристократа или крестьянина. Городов этого времени в Хорезме, где работал С. П. Толстов, обнаружено не было. Исходя из этого и опираясь на аналогии Западной Европы раннего средневековья, он считал, что центр общественной жизни в указанный период перешел из пришедшего в упадок города в деревню. Возник вопрос, как рассматривать хорошо известные по письменным источникам города Согда. Специально занимавшийся этим государством А. Ю. Якубовский считал, что раннесредневековый город принципиально отличался как от города античности, так и от города развитого средневековья, подчеркивая характерные для феодализма элементы в культуре³. Он отмечал важное значение городов как центров общественной жизни, однако не без влияния С. П. Толстова воспринимал раннесредневековый город как совокупность земледельческих замков-усадеб, окруженных общей стеной. В своих исследованиях А. Ю. Якубовский не ограничился рамками теории, а развернул широкие раскопки согдийского города Пенджикента, которые дали возможность проверить высказанные учеными предположения.

Таким образом, русская и советская востоковедная школа рассматривает историю Средней Азии как часть всемирной истории, учитывая опыт европейской медиэвистики.

В последние десятилетия накоплен значительный археологический материал по древним и раннесредневековым городам Центральной Азии, позволяющий сопоставлять их между собой. Здесь следует назвать раскопки древних городов Ай-Ханум, Дальверзинтепе, Дильберджин, Топраккалы, а для раннего средневековья — прежде всего Пенджикент. Благодаря этому материалу можно изучать преемственность не только между доисламским раннесредневековым городом и исламским средневековым, чем занимался О. Г. Большаков⁴, но и между древним и раннесредневековым городом.

Вопрос преемственности должен рассматриваться в двух аспектах: с точки зрения прямой преемственности (в градостроительстве, ремесле, искусстве и т. д.) и принципиального сходства (или различия) того, что возникло в раннем средневековье, с тем, что было характерно для древности. Ввиду отсутствия достаточных оснований для решения вопроса об общественной формации, целесообразно далее говорить о преемственности в конкретных явлениях общественной жизни и культуры.

Необходимо отметить ограниченность письменных источников, которая сказывается и в неравномерной освещенности разных регионов. Что касается Согда, то после сообщений авторов, описывавших походы Александра, некоторые косвенные данные о согдийских городах имеются в «старых согдийских письмах», которые, вероятно, надо относить (по Хеннингу) к началу IV в.⁵, хотя Я. Харматта предлагал датировать их концом II в.⁶ «Старые письма» показывают, что в момент предполагаемого археологами кризиса Самарканда жители этого города находились в самых тесных отношениях с поселившимися в Китае согдийскими торговыми колонистами. Колонии были обширны, имели самоуправление, причем торговцами были сыновья «свободных людей» или «знатных» в зависимости от того, как трактовать в данном случае термин «азат». Упоминаются свободные и рабы. Лучше освещены письменными источниками раннесредневековый период.

Серьезным дополнением к материалам, на которые опирался в своих исследованиях В. В. Бартольд, стали документы с горы Муг⁷. В них содержатся важные сведения по политической истории Согда, его социальному устройству и экономике. Однако к собственно городам бесспорно относятся лишь очень немногие документы. Таким образом, и для раннесредневекового периода письменные источники кратки и отрывочны, а следовательно, значение археологического материала весьма велико. Наиболее важны исследования на городище Афрасиаб — руинах столицы самаркандского Согда. Это уникальный памятник, на котором прослежены непрерывные культурные слои начиная с середины I тысячелетия до н. э. и до развитого средневековья. На основании изучения прежде всего крепостных стен исследователи городища установили, что к V—VI вв. н. э. его территория резко сократилась, а в VII в. н. э. вновь обрела размеры древнего города⁸. Характер исторических процессов, вызвавших эти изменения, пока совершенно неясен, поскольку о социальном развитии в какой-то мере позволяет судить изучение застройки города, и прежде всего жилищ, а их исследование затруднено многослойностью Афрасиаба и наличием в нем больших незастроенных участков. На памятнике для времени со II в. до н. э. до V в. э. разработана относительная хронология, но абсолютная — еще нуждается в доработке. Афрасиаб этого большого периода имеет мало собственных обоснований абсолютных дат. Разрабатывая хронологию Афрасиаба, А. И. Тереножкин использовал материалы могильника Туп-хона (раскопки М. М. Дьяконова), которые датировались рубежом II—I в. до н. э.⁹ Исследования могильников Южного Таджикистана последних лет, и прежде всего самой Туп-хоны, позволили Б. А. Литвинскому и А. В. Седову передатировать этот могильник на основании находок римских бус¹⁰. В связи с указанными источниковедческими трудностями представляется необходимым дополнительное подтверждение положения о кризисе Самарканда в III—IV вв.

В столице Южного Согда (городище Ер-курбан), где прослежены многовековые слои, в IV—V вв. наблюдается изменение в составе населения, о чем судят по массовому распространению в этот период лепной керамики¹¹. Городской храм с некоторыми перестройками продолжал функционировать и в это время. Около IV в. частичное запустение не только этих городов, но и некоторых сельских поселений зафиксировано в разных частях Согда. В их числе и городище Варахша¹². Вероятно, это связано с какими-то военными событиями, возможно, с вторжением кочевников. Китайские источники отмечают вторжение неких сюнну в страну Судэ, т. е., скорее всего, в Согд в IV в.¹³ К V в. относятся возникновение как целых городов, например, Пенджикент и Пайкенд, так и многих укрепленных поселений: Фильмандар, Актепе в районе Пенджикента, усадьба близ Кафыркалы под Самаркандом, Аултапе в бассейне Кашка-Дарьи и др.¹⁴ С этого времени наблюдается непрерывный и повсеместный рост городов и поселений вплоть до VIII в.

Кризисные явления были весьма кратковременными, а значит, говорить о целой кризисной эпохе во всей Средней Азии, как это делал С. П. Толстов, нельзя.

В раннесредневековом согдийском городе появляется много нового по сравнению с древним: в архитектуре, керамике, иконографии и стиле искусства и т. д. Если сравнить культуру конца VII—начала VIII вв. с культурой первых веков нашей эры, то между ними обнаружится довольно мало общего. Поэтому пока V, VI—первая половина VII в. в Согде были мало изучены, создавалось впечатление одновременной смены старого новым во всех сферах. Однако теперь мы знаем, что в монетной системе, например, в V в. еще целиком сохранялись старые традиции, что керамика кардинально меняется только во второй половине VII в., а костюм, судя по изображениям, претерпевает серьезные изменения не ранее конца VI в. Такого рода совершенствование — естественный процесс развития общества. Но при этом не наблюдается разрыва с древней традицией. Казалось бы, наиболее резкое обновление должно было произойти во вновь возникших городах. Однако, как показывает Пенджикент, здесь наблюдается сохранение традиций: планы храмов, структура укреплений, живопись и скульптура ранних периодов обнаруживают прямую преемственность с эллинистическим Востоком. Оба компонента культуры эллинистического Востока — греческий и древневосточный находят свое продолжение в раннесредневековом Согде, где наблюдается целый спектр вариантов преемственности — от прямого заимствования до глубокой переработки. В 1986 г. во II храме в Пенджикенте найдены два серебряных медальона-брактеата с изображением эллинистического правителя (рис. 1). Последние отражают сознательное стремление согдийского художника воспроизвести античный оригинал и в то же время в деталях проявляется раннесредневековая согдийская художественная манера, например, в рисунке складок одежды. Медальоны найдены среди votивных предметов в слое первой четверти VIII в. Медальон с античным профилем есть на согдийском серебряном сосуде, относящемся к VII в.¹⁵ Как отмечал профессор П. Бернар, глиняный скульптурный фриз из айвана ограды II храма Пенджикента по своей стилистике более эллинистический, чем кушанская скульптура на аналогичные сюжеты¹⁶. Между тем фриз датируется VI в. Отдельные детали, ставшие характерными для согдийского искусства, в конечном итоге восходят к эллинизму. Например, своеобразные угловатые, как бы гневно нахмуренные брови коней и львов живописи Пенджикента находят прямые аналогии в скульптуре собаки фонтана Ай-Ханум и в Нисе¹⁷. Древневосточные элементы, известные в эллинистическом мире, проявляются прежде всего в архитектуре. Достаточно сравнить планы храмов Пенджикента и Тахти-Сангина. Характерные пандусы и своды, сложенные поперечными отрезками, бойницы, расположенные в шахматном порядке, — все это в

конечном счете древневосточное наследие. Развитие согдийского города в раннее средневековье достигает апогея. Городское население было приобщено к искусству очень высокого качества. Как показывают раскопки Пенджикента, по крайней мере каждый третий дом был украшен росписью и скульптурой. Сложная планировка города в целом и отдельных многокомнатных жилищ свидетельствуют о высоком развитии городской жизни. Такой расцвет показался бы внезапным и неожиданным, если допустить, что ему предшествовал глубокий, вызванный внутренними причинами кризис. Скорее, здесь можно предположить, что внешние нашествия от Шапура I и до эфталитов и тюрков наносили временный ущерб, но не вызвали принципиальных изменений.

Рис. 1. Пенджикент. Объект II, помещение 2. Серебряные медальоны
а — серебро; б — серебро с позолотой

Комплексное исследование документов с горы Муг, древнего Пенджикента, сельских поселений верховьев Зеравшана наглядно демонстрирует город-государство Согда именно для периода раннего средневековья. Пенджикент был местом обитания знати, сосредоточия ремесла и торговли, обслуживавших прежде всего эту знать; это был город с элементами самоуправления. В одном из мугских документов упоминается пенджикентский народ и его доходы от пошлины за мост, причем документ дан от имени сборщика последней. Судя по раскопанным многочисленным домам, украшенным росписями и резным деревом, в Пенджикенте большую роль играли отдельные семьи, включавшие наряду с родственниками главы семьи многочисленную челядь. Самые большие дома имели жилую площадь до 1300 кв. м по первому этажу, тогда как рядовые дома были по большей части от 30 до 60 кв. м, причем в больших жилищах не выделяются ячейки для отдельных малых семей. Такой дом с одним входом был обиталищем *familie* городской аристократии. Едва ли число рабов в этих домах было намного меньше, чем в семьях Хорезма античной эпохи, известных по документам Топраккалы¹⁸. Даже в конце X в. частные рабы городской знати составили внушительную военную силу, использованную во время борьбы Саманида Мунтасира с Караханидами¹⁹.

Характер расселения в сельской местности V—VIII вв. сходен с таковым в античную эпоху, для которой также известны селения с цитаделью. Многочисленные античные тепе с площадкой и укрепленные усадьбы, как, например, Холик-назар в долине Магиана²⁰. Много укрепленных усадеб первых веков нашей эры открыто в северо-восточных областях Средней Азии.

Раскопанное Ю. Якубовым владельческое селение Гардони-Хисор (Мадмугские документы) состоит из жилища владельца, подобного богатым домам Пенджикента, и около трех десятков скромных, часто однокомнатных крестьянских домов²¹. Подобная же картина была полу-

чена при раскопках больших замков Хорезма²². Античные поселения такого типа, к сожалению, пока не исследованы в широком масштабе. На протяжении V—VIII вв. укрепления замков и цитаделей становятся более мощными. Появляются высокие массивные цоколи, в которых часто скрыты более ранние постройки. Обычно это связывают с развитием феодализма. Однако до обширных раскопок древних сельских поселений трудно судить о том, в какой мере принципиальны эти различия.

Для истории Согда вплоть до арабского завоевания характерна слабость государства, которой, вероятно, соответствовала устойчивость общинных традиций. С древних времен отдельные части Согда — Бухарский, Самаркандский оазисы, Южный Согд, как показал Е. В. Зеймаль, имели свой монетный чекан²³. Согдийские селения укреплялись подобно городам. Согдийцы не имели особого термина для обозначения городской общины и сельской, города и селения. Как разграничивали город и деревню сами согдийцы? Их взгляды, возможно, отразились в местных традициях, зафиксированных более поздними источниками. По сообщению Наршахи, жители Варахши в IX в. отказались от постройки соборной мечети на том основании, что их селение — не город. Варахша, как отмечал Мукаддаси, относилась к тем селениям, которые «больше городов» и которым, «чтобы быть городами недостает только соборной мечети». Интересно, что жители Пайкенда добивались статуса города. Мукаддаси пишет: «... и сколько пришлось помучиться жителям Пайкенда, прежде чем они установили мимбар»²⁴, т. е. построили соборную мечеть и обеспечили себе статут города. Такое различие во взглядах населения Варахши и Пайкенда может быть объяснено тем, что в доисламское время Пайкенд был самостоятельной городской общиной — городом купцов, а Варахша — загородной резиденцией могущественных бухархудатов.

Сохраняющий общинную основу, город в V—VIII вв. был в основных чертах сходен с древним. Поскольку согдийский античный город пока широко не раскопан, для сравнения необходимо привлечь городище Дальверзинтепе в Северном Тохаристане, активно изучаемое Г. А. Пугаченковой и Э. В. Ртвеладзе. Как показали раскопки этого памятника, для него, как и для раннесредневекового Пенджикента, характерны аристократические дома сложной планировки с богатым декором. В более отдаленных древних городах засвидетельствована поквартирная застройка с лавками и мастерскими вдоль улиц. Развитие товарно-денежных отношений в согдийском городе эпохи раннего средневековья было, согласно исследованиям Е. В. Зеймалю, выше чем в древности.

Арабское завоевание в отличие от более ранних вторжений включило Согд в большую империю, что привело к принципиальным изменениям образа жизни и соответственно характера городов. В государственной системе Халифата растворились обособленные города-государства Согда. В нем начали быстро расти крупные города — центры обширных областей.

В заключение надо отметить, что многие теоретические идеи исследователей, на чьи имена опирался автор статьи, нашли подкрепление новым материалом. При этом все более отчетливо выступает преемственность между древностью и ранним доисламским средневековьем.

¹ Бартольд В. В. История Туркестана: (Конспект лекций): В 9 т. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 117; *Он же*. История культурной жизни Туркестана//Там же. С. 173, 192—193.

² Толстов С. П. Тирания Абура: (Из истории классово-борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н. э.)//Ист. зап. 1938. Т. 3; *Он же*. Древний Хорезм: Опыт ист.-археол. исслед. М., 1948. С. 153, 269—276, 343.

³ Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века//КСИИМК. 1949. Вып. 28; *Он же*. Дофеодальный город в Мавераннахре в VII—VIII вв.//История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1. С. 204—216; *Он же*. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии//ТТФ АН СССР. 1951. Т. 29; *Он же*. Вопросы изучения пенджикентской

- живописи//Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. С. 11—18, 23—24.
- ⁴ *Большаков О. Г.* Город в конце VIII — начале XIII в.//Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 143—162, 211—255.
  - ⁵ *Reichert H.* Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museum. Heidelberg. 1931. Bd. 2; *Henning W. B.* The date of the Sogdian ancient letters//BSOAS. L., 1948. V. 12. P. 601—615; *Розенберг Ф. А.* Согдийские «Старые письма»: К ранней истории согдийских колоний в Центральной Азии//ИАН. Сер. VII. 1932. № 5.
  - ⁶ *Harmatta J.* Eine neue Quelle zur Geschichte der Seidenstrasse//Jahrbuch für Wissenschaftsgeschichte. L., 1971. Bd. 2.
  - ⁷ Согдийские документы с горы Муг: Чтение, пер., коммент. Вып. 1: *Фрейман А. А.* Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962; Вып. 2: Юридические документы и письма/Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962; Вып. 3: Хозяйственные документы/Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963.
  - ⁸ *Шишкина Г. В.* Города на Афрасиабе VI в. до н. э.—IV в. н. э.//Тез. докл. сес., посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 96—100; *Ташходжаев Ш. С.* Динамика развития раннесредневекового Самарканда//Там же. С. 100—103; К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981. С. 142—143; *Шишкина Г. В.* Древний Самарканд и его округа: Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н. э.—VIII в. н. э.)//Тез. докл. сов.-фр. коллоквиума, Самарканд, 25—30 авг. 1986 г. Ташкент, 1986. С. 116—118.
  - ⁹ *Тереножкин А. И.* Согд и Чач//КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 156—157; *Шишкина Г. В.* Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II)//Афрасиаб. Ташкент, 1974. Вып. 3. С. 50—51.
  - ¹⁰ *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984. С. 82—84.
  - ¹¹ *Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х.* Еркурган: (Стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984. С. 152.
  - ¹² *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963. С. 233—234, 239—241; *Кабанов С. К.* Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг.//ИИМКУ. Ташкент, 1959. Вып. 1. С. 152—153.
  - ¹³ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф): Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 260—261; *Мандельштам А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье//СА. 1954. № 20. С. 76—79; *Гафуров Б. Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 197; *Enoki K.* Sogdiana and the Hsiung-nu//Central Asiatic J. 1955. V. 1, N 1.
  - ¹⁴ *Семенов Г. Л.* Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 12—13; *Исаков А. И.* Фильмандарский замок//УСА. Л., 1979. Вып. 4. С. 50—51; *Он же.* Отчет о работах Косаторошского отряда за 1976 г.//АРТ. 1982. Вып. 16. С. 224 сл.; *Шишкина Г. В.* Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом//ИИМКУ. Ташкент, 1961. Вып. 2. С. 221; *Кабанов С. К.* Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарья (Узбекистана)//СА. 1958. № 3. С. 114—151.
  - ¹⁵ *Маршак Б. И.* Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. М., 1971. Рис. 23А.
  - ¹⁶ Доклад П. Бернара. Воздействие эллинизма на местные постэллинистические цивилизации Востока на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, 16 ноября 1984 г.
  - ¹⁷ *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура. М., 1973. Табл. 8; *Leriche P.* Les remparts et les monuments associés: Fouilles d'Al Khanoum. V//MDAFA. 1986. T. 29. Fig. 79; *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М., 1967. Рис. 15; Ср. также изображение коня на щите с горы Муг: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. 5.
  - ¹⁸ *Лившиц В. А.* Документы//Топраккала: Дворец. М., 1984. С. 265—277.
  - ¹⁹ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия: В 9 т. М., 1963. Т. 1. С. 330.
  - ²⁰ *Исаков А. И.* Работы Косаторошского отряда в 1975 г.//АРТ. 1980. Вып. 15. С. 250 сл.
  - ²¹ *Якубов Ю.* О работах Зеравшанского отряда на поселение Гардани Хисор в 1974 г.//Там же. Вып. 14. С. 188—201; *Распопова В. И.* К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового города//УСА. Л., 1979. Вып. 4. С. 22—26.
  - ²² *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976. С. 176. Рис. 105.
  - ²³ *Зеймаль Е. В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным//Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192—214.
  - ²⁴ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 165.

ТРАДИЦИИ ПРОРЕЗНЫХ ПОЯСОВ В ПАМЯТНИКАХ КУДЫРГИНСКОГО ТИПА

Эпоха переселения народов неравномерно документирована археологическими материалами и освещена письменными источниками. Особенно сложно соотнести эти группы источников для воссоздания истории племен и народов евразийских степей в эпоху господства Первого западнотюркского каганата, что является одной из самых запутанных проблемных ситуаций в археологии. Отмеченное обстоятельство объясняется не только и не столько малочисленностью археологического материала, сколько разногласиями исследователей относительно его даты и соответственно культурно-исторической интерпретации. Сложность анализа древностей раннесредневековых кочевников усугубляется нивелирующей ролью евразийской моды и наличием многочисленных и разновременных импульсов из различных точек цивилизованного мира (Византия, Китай, Ближний Восток, Средняя Азия), что заставляет рассматривать большую часть археологических артефактов (оружие, поясные наборы, украшения, погребальные сооружения и т. д.) по единой программе и в широких географических пределах.

Остановимся на одном достаточно специальном источниковедческом вопросе — анализе деталей поясных наборов, происходящих из Кудыргинского могильника, где они использовались главным образом для украшения оголовья уздечки коня. На прилагаемых рисунках возможно полно представлен материал из комплексов и случайных находок Алтая и Сибири, тогда как аналогичный — из Приуралья, Поволжья, Крыма, Кавказа, Приднепровья — приведен ограниченно лишь для уточнения датировок и уяснения эволюционных рядов по орнаментации. Однако в тексте при подсчетах этот материал использован полностью. Залог успеха анализа поясных наборов — в максимально полной классификации всех деталей (пряжки, накладки, наконечники, псевдопряжки) при возможно полном объеме собранного материала (со всей территории, где бытуют рассматриваемые вещи) и детальном анализе самих предметов в подлинниках, а не по изданиям.

Дата комплексов «кудыргинского типа» у разных исследователей имеет расхождение в 400—500 лет, хотя после публикации работы А. А. Гавриловой¹ большинство археологов приняло предложенную ею дату — VI—VII вв. Это позволяет относить рассматриваемые находки к эпохе Первого западнотюркского каганата. Между тем последнее требует уточнения, особенно в связи с омоложением рассматриваемых А. К. Амбросом комплексов на один-два века².

Иллюстрирующие основные положения статьи рисунки построены следующим образом (рис. 1, 3, 4). В правой их части в двух вертикальных столбцах изображены находки из Кудырге и материалы из коллекции Гуляева, хранящиеся в Горно-Алтайском музее и, возможно, происходящие из Нижних Елбан. В левой части помещены наиболее близкие стилистические аналогии, как одновременные (в частности, из различных районов Сибири), так и несколько более ранние (из Восточной Европы). Эти аналогии взяты из моей работы, посвященной поясным наборам дружинников Евразии IV—IX вв.³ и дополнены опубликованными позднее материалами. Рассмотрены все детали поясных наборов из погребений «кудыргинского типа» и синхронных алтайских памятников, имеющиеся для каждого экземпляра аналогии суммированы с точки зрения хронологии комплексов, из которых они происходят, с целью уточнения дат и определения направления и характера культурных связей.

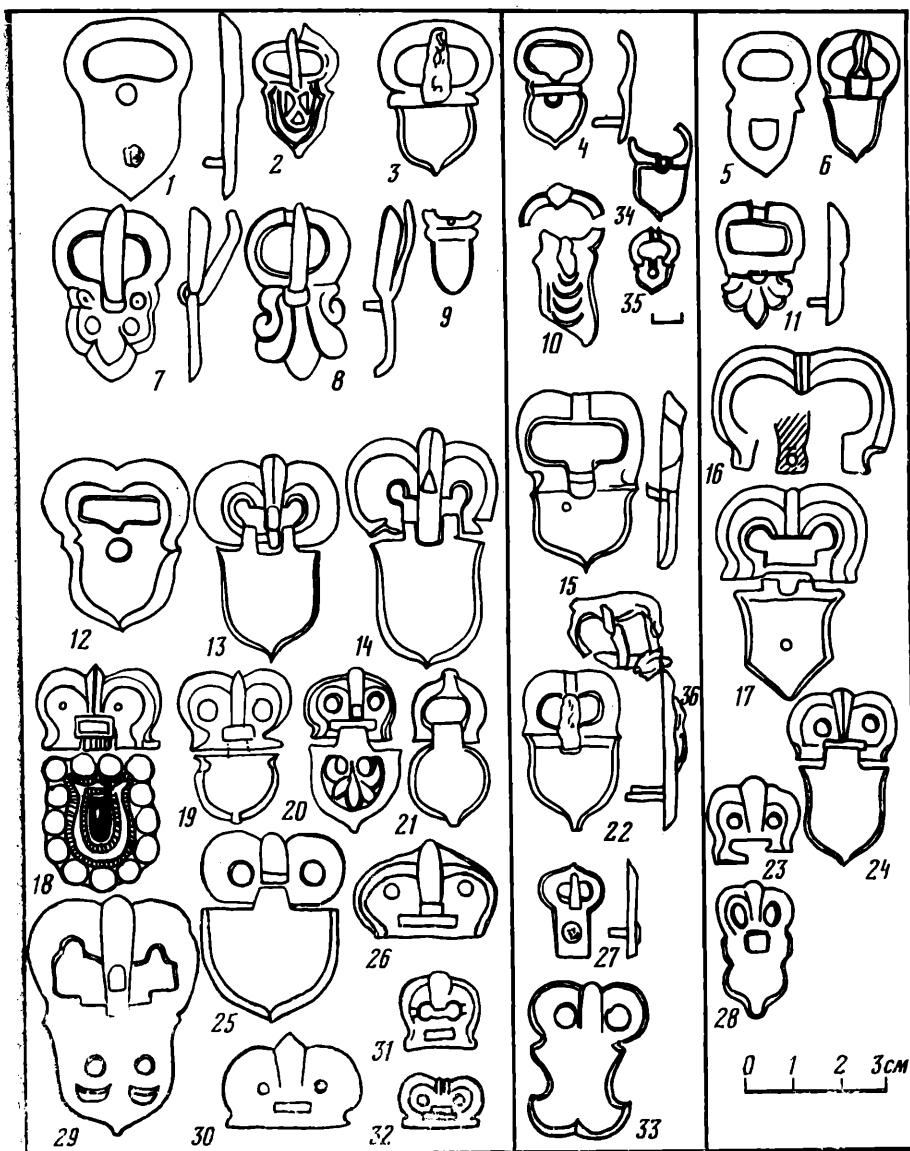

Рис. 1. Бронзовые поясные пряжки и псевдопряжки из Кудыргэ и из коллекций Горно-Алтайского музея и аналогии к ним

1 — Тимирязевский могильник; 2 — Дмитриевский, катакомба 10; 3, 9, 21, 26, 31 — Молчановский могильник «Рёлка»; 4, 10, 15, 22, 27, 33—36 — Кудыргинский могильник; 5, 6, 11, 16, 17, 23, 24, 28 — коллекция Гуляева из Горно-Алтайского музея; 7 — Минусинский округ; 8 — Томский, п. 28; 12 — Херсонес; 13 — Северный Кавказ; 14 — Томский могильник; 18 — Малая Перещепина; 19 — Подболотье, п. 220; 20 — Большая Ничка; 25 — Минусинский край; 29 — Комунта; 30 — Лихачевский, п. 9; 32 — Урья, клад

Бронзовые поясные пряжки из Кудыргэ немногочисленны (7 экз.), пять из них происходят из коллекции Гуляева. Их спецификой следует считать преобладание односоставных, использование железных язычков и нечеткое выражение формы рамки (В-образная и лировидная формы приближаются к овальной).

Овальнорамчатые пряжки (рис. 1, 4—6, 10, 11, 34; 2—8—8) * — небольшие, с гладким (или прорезным) щитком геральдической формы,

* В скобках после номеров рисунков даны номера отделов, типов и подтипов по указанному выше тому САИ с тем, чтобы читатель мог почерпнуть более подробную информацию о рассматриваемых предметах.

имеют аналогии в памятниках VII—IX вв. из Крыма, Кавказа, Прикамья и Сибири (рис. 1, 1—3, 7—9). Лировидные пряжки (рис. 1, 35; 3—1—1) подвижного щиткового соединения имеют очень близкие аналогии на Северном Кавказе (8 экз.), в Крыму (3 экз.), Подонье и Приднепровье (по 2 экз.), в Прикамье (3 экз.). Из них 9 экз. происходят из комплексов VI—VII вв., 4 экз. датируются VII—VIII вв., 2 экз.— VIII в., 3 экз.— VIII—IX вв. Лировидные одноставные пряжки (рис. 1, 11; 3—19—1) специфичны для Сибири (коллекция Гуляева, погр. 28 Томского могильника, случайные находки в Минусинске), имеют некоторые аналогии в пряжках Невольинского, Бродовского и Горбуняцкого могильников⁴, но у последних рамка имеет В-образную форму.

В-образные пряжки встречены как безщитковые (рис. 1, 16, 36; 5—1—0), так и с щитком геральдической формы (рис. 1, 15, 17), подвижного щиткового соединения (5—5—0) и одноставные (5—6—1). Наибольшее количество аналогий им происходит из Северного Кавказа (15 экз., в частности, рис. 1, 13, 29), меньше — из Крыма (7 экз., рис. 1, 12), еще меньше — из Башкирии (4 экз.), Поднепровья (4 экз.), Сибири (4 экз., рис. 1, 14) и Прикамья (1 экз.). 13 экз. относятся к VI—VII вв., по 2 экз. — к VII—VIII и VIII—IX вв. Примечательна близость таких пряжек к пряжкам Причерноморья, где они имеют наибольшее количество аналогий.

Особый интерес пряжек этого отдела заключается в их типологической близости и генетической связи с псевдопряжками, появившимися в VII в. в нескольких регионах евразийских степей (Подунавье, Приднепровье, Прикамье и Сибирь) (рис. 1, 18—21, 23, 25—28, 30—33). Эти образцы высокохудожественного ювелирного производства (в частности, рис. 1, 18) давно привлекали к себе внимание исследователей. В настоящее время мы располагаем достаточно полным их компендиумом, позволяющим очертить ареал с выделением ряда локальных ва-

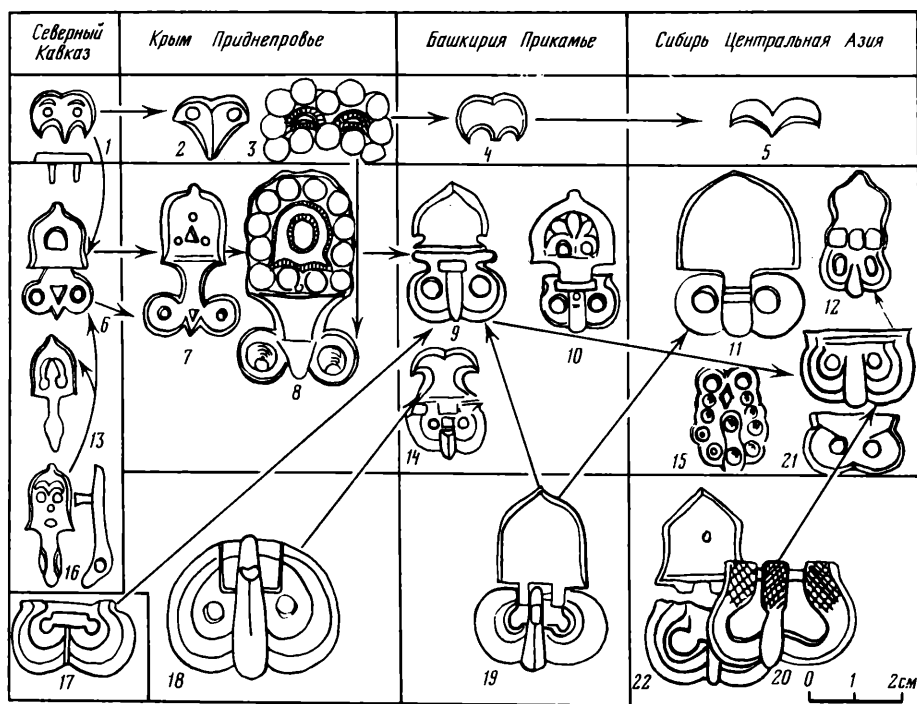

Рис. 2. Происхождение псевдопряжек (9—12, 14, 15, 21) и их связи с накладками в виде личин (1—5), Т-образными накладками (6—8, 13, 16) и В-образными пряжками (17—20, 22)

риантов⁵. Наиболее полный их обзор принадлежит Н. Феттиху, опирающемуся в своих заключениях на Б. Пошту и Л. А. Мацулевича⁶. Его работы надолго укрепили точку зрения о возникновении псевдопряжек в Причерноморье (район Мартыновки) и распространении оттуда, с одной стороны, на Дунай, с другой — в Прикамье и Сибирь. И. Эрдели, Е. Ойтози и В. Ф. Генинг, рассматривая эту проблему, высказали предположение о связи псевдопряжек с гуннским переселением из Азии⁷. А. К. Амброз первоначально писал о псевдопряжках как «завершении развития В-образных пряжек»⁸, но в дальнейшем пришел к отрицанию их связи с развитием геральдических поясов, связав появление псевдопряжек в евразийских степях с переселением кочевников из Азии. Прототипы их он видел в шарнирных бляхах Кореи, Китая и Японии IV—VI вв.⁹ С этим положением не могу согласиться. На рис. 2 можно видеть, как складывались псевдопряжки из В-образных пряжек — бляшек в виде личин (рис. 2, 1—5), Т-образных бляшек в их ранних вариантах, когда вместо перекладины была птичья головка с отверстием (рис. 2, 13, 16), перешедшая позднее в стилизованную личину, типологически идентичную нижней части псевдопряжек (рис. 2, 6—8). При этом прототипы псевдопряжек находятся в основной зоне существования геральдических поясов — на Кавказе (рис. 2, 17), в Крыму и в Приднепровье (рис. 2, 18), а сложившиеся нормы, хотя и различающиеся стилистически, — в Подунавье (типа Малая Перещепина, рис. 2, 8) и на Урале (рис. 2, 19), в Средней Азии и Сибири (рис. 2, 11, 12, 15, 20—22). Наибольшее стилистическое разнообразие псевдопряжек приходится на Алтай и Сибирь, где следует выделять не менее пяти их типов, отражающих особенности местного производства. В Прикамье и Башкирии они более стандартны, укладываясь в два типа (рис. 2, 9, 10, 14)¹⁰. Аналогии к пряжкам и псевдопряжкам, картография последних, время их появления и типологические особенности для памятников «кудыргинского типа» не дают основания для принятой широкой даты в виде VI—VII вв. Ее следует ограничить VII в.

Посмотрим, какую информацию можно извлечь из анализа накладных бляшек, наконечников и аналогий к ним (рис. 3, 4; таблица). Но прежде следует остановиться на поясных наборах геральдического типа в Евразии, их происхождении, периодизации, путях распространения и принадлежности¹¹.

Исследователи справедливо пришли к выводу об их византийском происхождении, что, однако, не исключало и местного производства в разных районах¹². Для нас главным является место рассматриваемой коллекции в системе поясной гарнитуры Евразии прежде всего в плане хронологии. Мною была предложена математическая процедура анализа изображений на поясных наборах с целью определения направления эволюции изображения человеческого лица на всех типах поясной гарнитуры («масковые» пряжки, разных типов накладки и наконечники) до не читающегося геометрического орнамента или неорнаментированных образцов (см. рис. 3, 15 → 23 → 25 → 38 → 46 → 47 → 50 → 49, 52 → 53 → 59 → 60 → 72 → 65 → 66 → 67 → 69 → 56; рис. 4, 17 → 18 → → 16 → 26 → 27 → 28 → 29 → 32, 34 → 35 → 40^{*}). При обсуждении этой процедуры на коллоквиуме Национального центра научных исследований Франции «Счетные машины и археология» один из крупнейших специалистов по применению математики в археологии Д. Доран счел указанный способ единственно возможным не только при подсчете характера и степени стилизации, но и для объективного вычисления направления движения времени как вектора¹³. Имея в качестве отправной точки середину VI в. (время появления данных поясов), когда изображения имели легко опознаваемое сходство с человеческим лицом, можно быть уверенными, что редуцированные (до сохранения двух-трех позиций)

* Стрелки показывают постепенное изменение изображения человеческой личины для различных типов поясных накладок и наконечников.

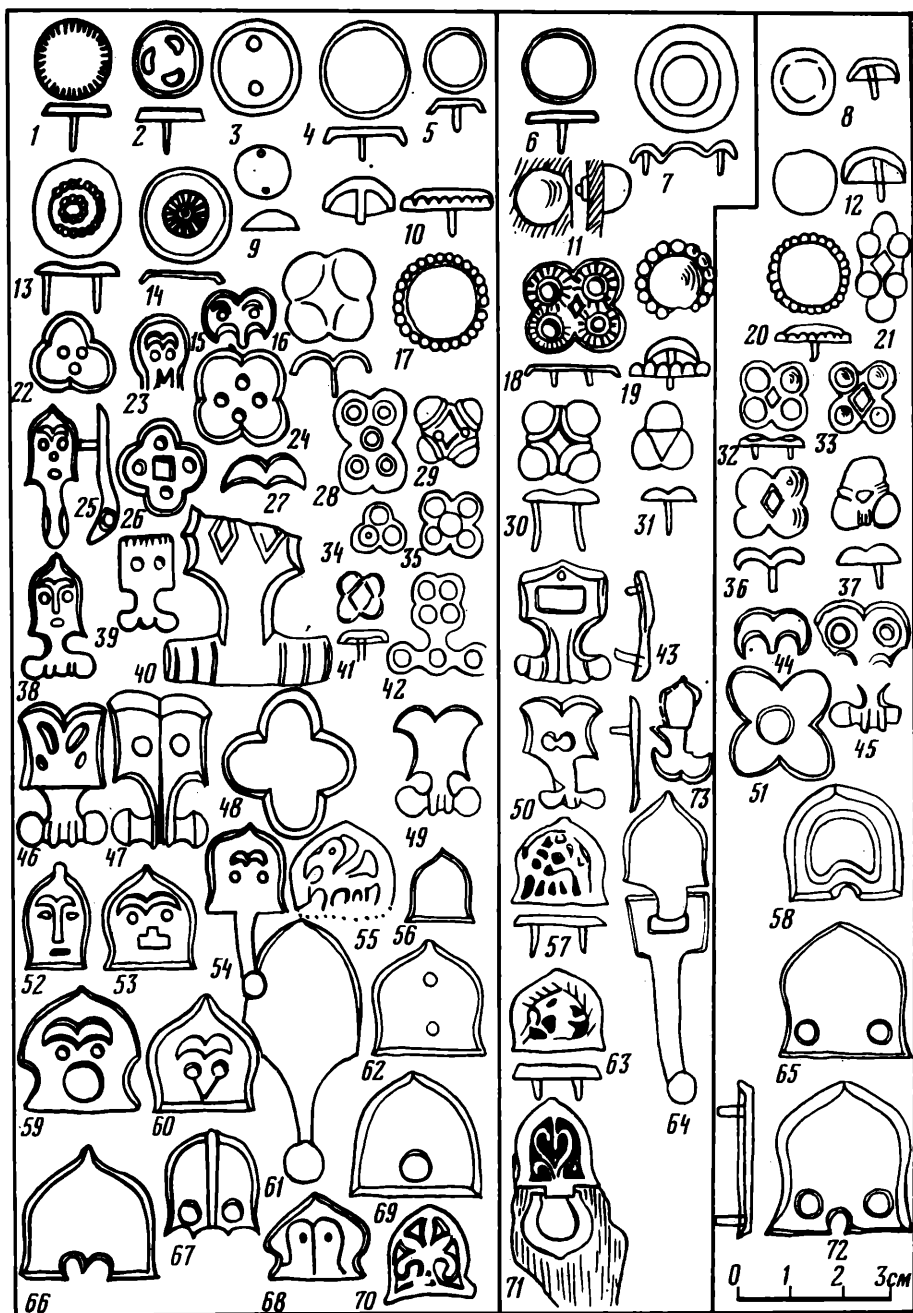

Рис. 3. Серебряные и бронзовые накладные бляшки из Кудыргэ (6, 7, 11, 18, 19, 30, 31, 43, 50, 57, 63, 64, 71, 73), коллекций Гуляева Горно-Алтайского музея (8, 12, 20, 21, 32, 33, 36, 37, 44, 45, 51, 58, 65, 72) и аналогии к ним

1, 54 — Борисовский могильник; 2 — Чир-Юрт, п. 59; 3 — Красный Яр, кург. 20; 4 — Чми, п. 12; 5 — Сротки I, кург. 2; 9 — Чир-Юрт, п. 4; 10, 27 — Скалистенский, п. 422; 13 — Скалистенский, п. 420; 14 — Больше-Тарханский, п. 256; 15 — Чуфут-Кале, п. 34; 17 — Молчановский могильник; 22 — Бирский, п. 166; 23 — Суук-Су, п. 56; 24, 28, 29, 34, 35, 42, 56 — Тимирязевский могильник; 25 — Комунта; 38, 52 — Борисовский, п. 59; 39 — Скалистенский, п. 449; 40 — Васюганский клад; 46, 59 — Чми; 47 — Хасаут; 48 — Ачинская степь; 49 — Умна 3, п. 20; 53 — Осетия; 55, 68 — Томский могильник; 60 — Керчь, п. 31; 61 — Бродовский, п. 1; 62 — Северный Кавказ; 66 — Тахмутинский могильник; 67 — Подболотьевский могильник; 69 — Иловатка; 70 — Кара-Куджур, п. 1

(рис. 3, 2, 3; 4, 21) изображения характеризуют уже начало и середину VII в., тогда как сохранение одной (реже двух) позиций (рис. 3, 22, 24, 26, 28, 39, 40, 45, 46, 47, 51; 4, 5, 7—12, 39, 49) характерны для второй половины VII в. Гладкие экземпляры изредка появляются также в VII в., но в основном характерны уже для более позднего периода (рис. 3, 1, 4, 5, 8—12, 16, 17, 20, 21, 27, 29—37, 41, 42, 44, 48, 49, 56, 61, 64; 4, 19, 20, 31, 32, 33, 36, 46). Следует иметь в виду, что различные по форме накладки изменялись в разном ритме. Так, поясные наконечники дольше сохраняют нередуцированную форму изображения человеческой личности. Поэтому разнообразные детали одного и того же поясного набора могут иметь разное число позиций¹⁴. Эти выводы подкреплены проведенными автором статьи исследованиями поясов из могильников северокавказских алан: при систематизации комплексов на хронологической оси в нашем распоряжении оказываются параллельные эволюционные ряды, где распределение по типам деталей поясных наборов иллюстрирует факт постепенной стилизации изображения.

Исходя из этого, следует сравнивать образцы поясных наборов из Кудыргэ не с аморфной, а с упорядоченной системой аналогий, т. е. сопоставлять по типам с учетом одного уровня стилизации. В этом случае становится очевидна принадлежность их к завершающей стадии развития поясных наборов с прорезной орнаментацией (рис. 3, 18, 36, 43, 45, 50, 58, 65, 72) VII в., а не к гладким образцам прикамского круга VIII—IX вв.¹⁵ Таким образом, не представляется возможным согласиться с предложенным А. К. Амброзом членением геральдических поясов на пять групп¹⁶ и с датировкой комплексов кудыргинского типов VIII—начала IX в.

После сделанного экскурса, разъясняющего характер таблицы, останемся на выводах, вытекающих из ее рассмотрения. Круглые накладки (рис. 1—4) по количеству (166 экз.), разнообразию (4) и сложности типов (рис. 3, 30—37; 4, 13, 15) являются наиболее массовыми. Накладки типа 1—1 появляются в наиболее ранних комплексах Крыма и Кавказа (рис. 3, 1—5), причем, возможно, до формирования основной массы других форм (Чми-Беахникуп в Северной Осетии, Едыс в Южной Осетии), почти полностью выходят здесь из употребления в VIII—IX вв., но сохраняются в большом количестве на памятниках Прикамья и Сибири того же времени. Другое распределение во времени и пространстве имеют полшаровидные накладки типа 1—5 (рис. 3, 8—12). Единичные их экземпляры найдены в комплексах Крыма и Кавказа конца VI—VII вв., а также на Волге и на Дону в VIII—IX вв.

Таблица
Серебряные и бронзовые накладные бляшки из Кудыргэ
(по погребениям) и аналогии к ним

№№ п/п	Отдел, тип, вариант	Рис.	Сибирь					
			Кудыргэ	Коллекция Гуляева	Релка	Тимирязевский	Томский	Лихачевский
1	1—1	3, 6	5, 9*		+	+	4*	1, 13, 15*
2	1—5	3, 11	1, 6, 8, 9, 12	+	+		4, 14, 28	
3	1—6	3, 7	11					
4	1—7	3, 19	9, 11	+	+			
5	10—4—2	3, 65	—	+	+	+	28	1
6	13—1	4, 9	6, 10				+	
7	32—1	3, 31	12	+		+	+	
8	33—1	3, 18	5, 22	+				
9	39—2	4, 16	5	+		+		+

* № погребения.

Основная же их масса относится к Сибири. В еще большей мере связаны с Сибирью (Горный Алтай, районы Томска, Новосибирска) накладки типов 1—6 и 1—7, аналогии которым на других территориях единичны.

В целом анализ всех типов круглых накладок Евразии (416 экз.) показывает, что они возникли в VI—VII вв. в Северном Причерноморье (гладкие, с прорезями и насечками по краю), в это же время проникли в Башкирию, где на их основе возникали локальные типы, далее — в Приаралье (Джеты-Асар), Западную Сибирь, Казахстан, Алтай, Туву. С конца VII—VIII вв. в Сибири бытуют различные местные типы круглых накладок, тогда как в Причерноморье они выходят из употребления.

Накладки в виде геральдического щитка в евразийских памятниках конца VI—IX вв. известны в количестве около 200 экз., из которых на Сибирь приходится лишь очень небольшая часть, причем сибирские экземпляры стилистически и по размерам ближе к щиткам пряжек (ср. рис. 3, 58, 62, 65, 66, 69, 72 и рис. 1, 3, 12—15, 17, 22, 24, 25), чем к поясным накладкам. Ранние типы (рис. 3, 52—54, 59, 60) встречены только в циркумпонтийской зоне и датируются VI—VII вв., накладки типа 10—4—2, широко представленные в Сибири, имеют единичные аналогии, хронологически не выходящие за рамки VII—VIII вв. Геральдические щитки с растительным или зооморфным орнаментом единичны (рис. 3, 57, 63, 71), составляя в целом всего 1,9% от общего числа находок, и являются наиболее поздними образцами (рис. 3, 55, 68, 70). На примере этого отдела накладок особенно наглядно видно, как много промежуточных с точки зрения упрощения стиля образцов заключено в эволюционном ряду от полного изображения человеческой личины до гладкого щитка-накладки. Картография данных по средним размерам накладок показывает, что для Крыма характерен размер 1,6×2,1 см, для Кавказа — 1,8×2,2 см, а для Сибири и Прикамья 1,9×2,4 см, т. е. сибирские экземпляры отличается более крупный размер.

Накладки в виде схематизированных птичьих головок, смотрящих в разные стороны (иногда называются «ласточкиным» или «рыбьим хвостом»), типа 13—1 входят в группу накладок (рис. 4, 1—4, 8—9) с прорезной орнаментацией. Большая часть евразийских накладок с четырьмя прорезями относится к VI—VII вв., а треть — к VIII—IX вв. Неорнаментированные накладки этой формы появляются в комплексах VI—VII вв., но в своей массе типичны для погребений VII—IX вв. И в этом случае основная область их распространения — Сибирь и Прикамье.

Крым	Кавказ	Башкирия	Поволжье	Поднепровье	Прикамье	Конец VI—VII в.	Конец VII—VIII в.	VIII—IX вв.
6	20	2	9	8	6	34		17
2	1		1	1		9		2
1	1		3	1	3	2		7
			1				1	1
			1					
5	6	3	5	2	10	21	2	8
1	16		12	1		10	2	18
		4	4			5		
2		2	2				2	

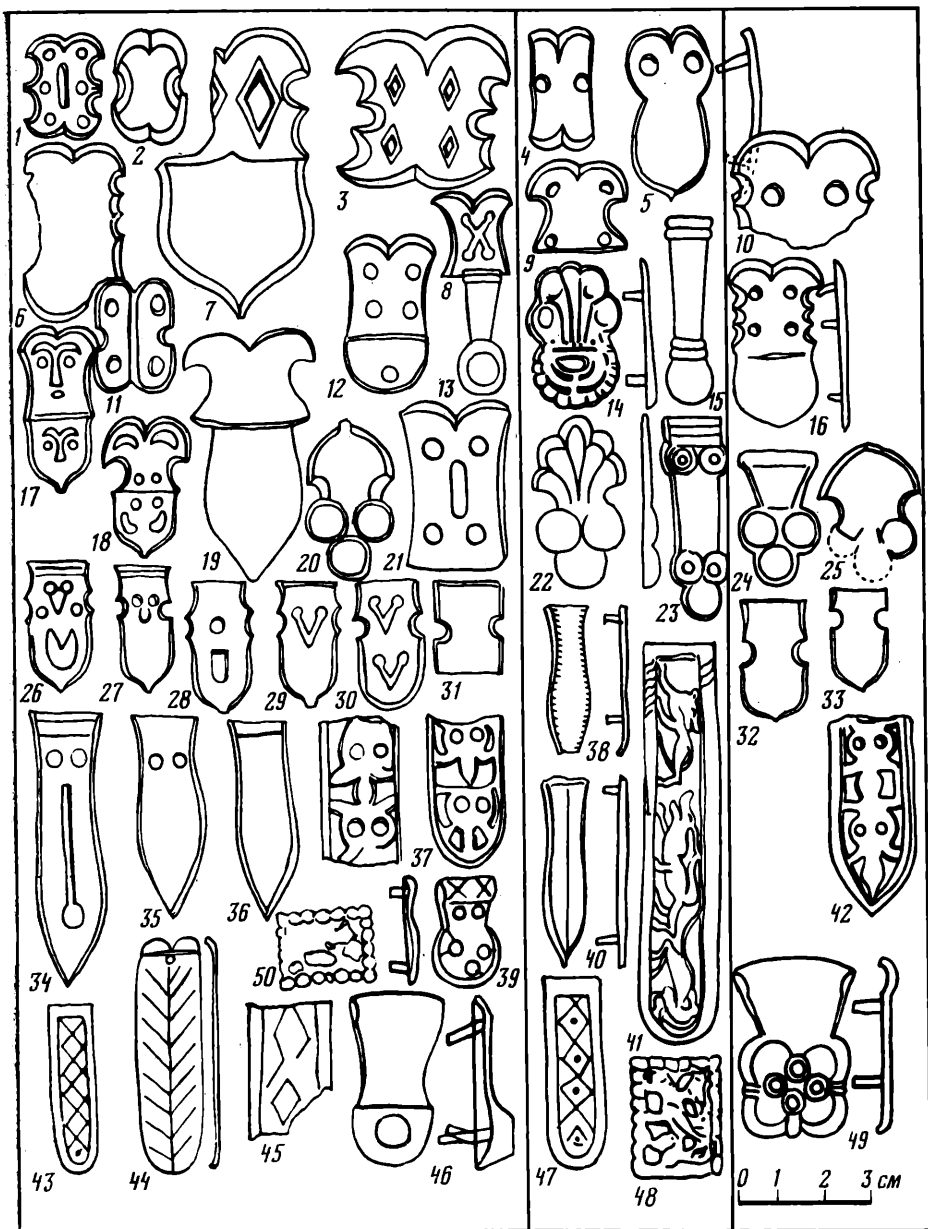

Рис. 4. Серебряные и бронзовые накладные бляшки и наконечники из Кудыргэ (4, 5, 9, 14, 15, 22, 23, 38, 40, 41, 47, 48), коллекций Гуляева Горно-Алтайского музея (10, 16, 24, 25, 32, 33, 42, 49) и аналогии к ним

1 — Скалистский, п. 449; 2 — Усть-Большая речка; 3 — Томский, п. 5; 6 — Скалистский, п. 185; 7 — Васюганский клад; 8, 26 — Уми, п. 11; 11 — Иловатка; 12 — Елизавет-Михайловский, п. 105; 13, 50 — Томский могильник; 17 — Комунта; 18 — Чир-Юрт, п. 59; 19 — Тимирязевский могильник; 20 — Поломский могильник; 21 — Младший Селиксенский, п. 38; 27 — Керчь, склеп 1867 г.; 28 — Большой Буйнакский, п. 2; 29 — Керчь, п. 31; 30, 31 — Чми, п. 16; 34 — Чир-Юрт, п. 3; 35 — Осетия; 36 — Чир-Юрт, п. 114а; 37 — Гарбунята; 39 — Чми, п. 17; 43 — Дмитриевский, п. 55; 44 — Слтовский п. 5; 45 — Скалистский, п. 641; 46 — Чир-Юрт, п. 4

Накладки, состоящие из комбинаций трех кружков (32—1), встречаются отдельно (рис. 3, 31, 37) и входят в комбинации (рис. 4, 20, 22, 24). Стилистически их открывают накладки с изображениями бровей и глаз на каждом из полушарий (рис. 3, 23), но в нашем случае они неорнаментированы. Накладки из комбинаций четырех полушарий (рис. 3, 24, 29, 30, 32, 33, 35, 36, типа 33—1) распределены аналогич-

ным образом. Сдвоенные накладки, являющиеся схематизацией птичьих головок, найденные в Сибири (типа 38—1), являются завершающим этапом развития этого отдела (рис. 4, 1, 2, 3, 4, 6), дающего ряд специфических форм на Каме и в Сибири. Таковую же линию развития накладок отдела 39 — комбинации геральдического щитка со сдвоенными птичьими головками — представляют собой накладки, изображенные на рис. 3, 73 и 4, 16. Как правило, они прикреплялись на основном ремне в месте скрепления последнего с подвесным ремешком. В целом накладки, отнесенные к этому отделу, распространены в VI—VII вв. (51 экз.) и продолжают бытовать в VIII—IX вв. (35 экз.), правда в основном в Прикамье и Сибири. В Причерноморье на накладках VI—VII в. они дают весь эволюционный ряд изображений человеческого лица (рис. 4 → 17 → 18 → 12 → 16), стилистически экземпляры из Сибири относятся к последним этапам этого развития и могут быть датированы не ранее второй половины VII в. Неорнаментированные накладки дают по форме два варианта, поскольку следует отличать между собой накладки со слабо изогнутой боковой линией (рис. 4, 17) и с сильным изгибом боковых краев верхней части (рис. 3, 72). И те и другие встречены в Сибири, но первые находятся ближе к причерноморским образцам и имеют аналогии в комплексах VII—VIII вв. Крыма (1 экз.) и Северного Кавказа (2 экз.), тогда как вторые имеют более поздние (VII—IX вв.) и более близкие территориальные аналогии (Мордовия и Прикамье). На современном уровне развития научных знаний целая серия накладок остается спецификой алтайско-сибирских памятников (рис. 3, 43; 4, 14, 22—25), тогда как поясные наконечники с изогнутым краем и боковой выемкой являются завершением эволюции наконечников подвесных ремешков (прежде всего типичных для Северного Кавказа) с прорезной орнаментацией (рис. 4, 26—31, 34—36, 38, 40) и свидетельствуют в пользу VII—VIII вв. Иная линия развития у наконечников с изображением звериных сцен: в них следует видеть сохранение местных традиций¹⁷ (рис. 4, 37, 41, 42, 48, 50), тогда как штампованные с геометрическим орнаментом связаны с Причерноморьем (рис. 4, 43—45, 47).

Таким образом, в поясных наборах из Алтая исследователи справедливо видели пример взаимосвязей тюркского населения этих отдаленных районов с Северным Причерноморьем. Усиление таких контактов приходится на время военно-политической деятельности Первого западнотюркского каганата. Впрочем, это не мешает датировать рассмотренные детали поясных наборов VII в. с возможным заходом в начало VIII в., но никак не в VI в. Памятники катандинского типа являются верхней датой существования памятников кудыргинского типа — это доказано А. А. Гавриловой, подтверждается всем накопленным материалом и не требует ревизии.

¹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

² Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы//СА. 1971. № 2—3.

³ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв.: Пряжки//САИ. М., 1979. Вып. Е1—2.

⁴ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. 8, 10; 20, 13—15.

⁵ Амброз А. К. [Рецензия]//СА. 1973. № 4. Рец. на кн.: Erdélyi J., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Вр., 1969.

⁶ Fettich N. Die metallkunst Landhemen den Ungarn//АН. 1937. V. 21. P. 280.

⁷ Erdélyi J., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Вр., 1969.

⁸ Амброз А. К. [Рецензия]...

⁹ Археология СССР. Стелы Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 17.

¹⁰ См. также: Голдина Р. Д. Ломоватовская культура... Табл. 11, 29—81.

¹¹ Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 145—155.

¹² Werner I. Slavische Bugelfibeln des 7. Jahrhunderts//Reinecke Festchrift. Mainz, 1950. P. 169.

¹³ Archeologie et calculateurs//Problemes semiologiques et mathematiques. P., 1970. P. 191.

¹⁴ Археология СССР. Степи Евразии...
Рис. 61, 1, 3, 4.

¹⁵ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв.: (По материалам поясных наборов)//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

¹⁶ Амброс А. К. [Рецензия]...

¹⁷ Добжанский В. Н. Наборные пояса Южной Сибири и Центральной Азии как исторический источник (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.

Н. Л. ЧЛЕНОВА, В. Д. КУБАРЕВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

В инвентаре нескольких памятников IV—II вв. до н. э. в юго-восточной части Горного Алтая неоднократно были найдены вещи, типичные для VII, VIII—VII вв. до н. э. и даже более ранние, причем в условиях, исключающих возможность случайного их попадания в могилу. Настоящая статья имеет целью ввести в научный оборот эти памятники и обратить на них внимание археологов.

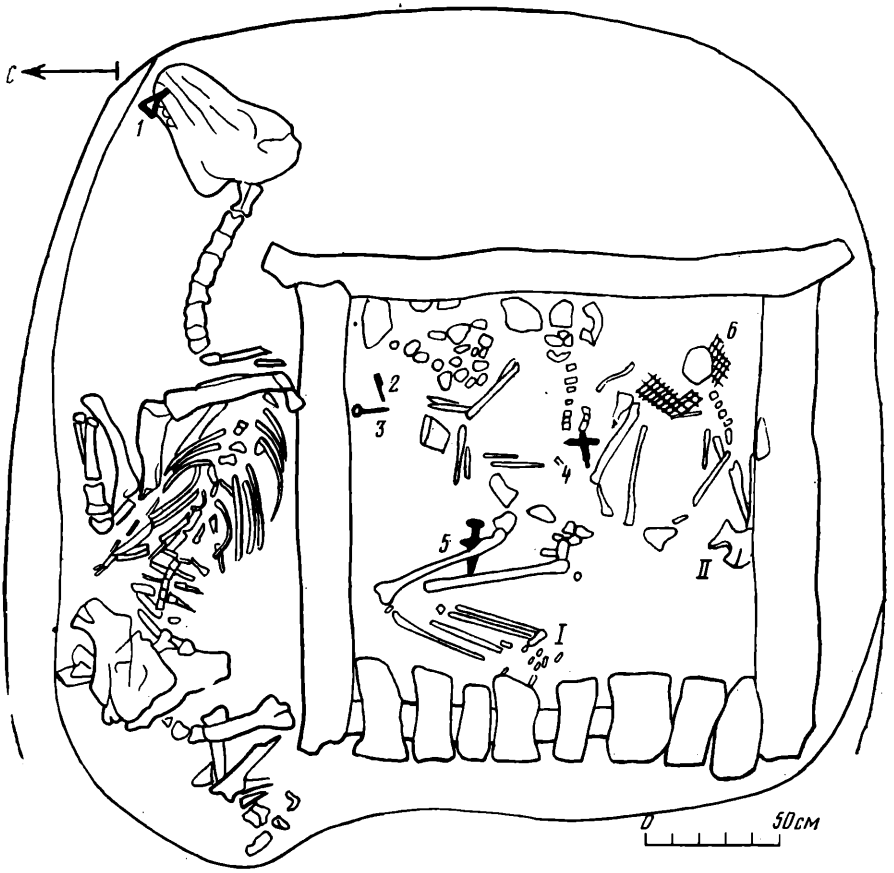
1. Джолин I, курган 6, раскопки В. Д. Кубарева 1984 г. Памятник расположен в урочище Джолин, в верховьях р. Юстыд, в 1—1,5 км к северу от правого берега, почти у слияния рек Нарынгол и Богуты. Могильник представляет собой прерывистую цепочку из 10 каменных курганов, в основном вытянутую в направлении север—юг. Курган 6 был в ней третьим с севера, представлял собой круглую насыпь из валунов, принесенных с близлежащих моренных гряд диаметром 10 и высотой 0,7 м и имел в центре ее неглубокую западину. Под центром насыпи находилась могильная яма размером 3,4×2,8 и глубиной 1,3 м от уровня погребенной почвы, заполненная суглинком, мешанным с галечником. Следов грабительского хода не отмечено. На глубине 1,10—1,40 м в северной части ямы на невысокой приступке лежал скелет коня с поджатыми ногами, головой на восток. В его челюстях найдены бронзовые удила со стремечковидными концами и деревянными псалиями с фигурно вырезанными концами. Основную часть могильной ямы занимал квадратный одновенцовый сруб из лиственницы, рубленный в обло с остатком. Внешние размеры его — 1,7×1,7 м (внутренние — не установлены из-за плохой сохранности дерева). Покрытие, остатки которого сохранились в западной части, состояло из восьми плах, уложенных поверх сруба в направлении восток—запад. Дно было покрыто настилом из досок или плах, уложенных в том же направлении (сохранились остатки настила). В срубе найдены останки двух скелетов, мужского и женского, оба лежали головами на восток, мужчина — на правом боку скорченно, женщина — у южной стенки сруба, ничком, ноги неестественно подогнуты под живот. Сохранность костей плохая (рис. 1, 1). К северу от черепа мужчины найден раздавленный керамический сосуд, позвонки барана, а в них — два железных ножа (рис. 2, 7). Под правым бедром мужчины лежал миниатюрный бронзовый кинжал (рис. 2, 6), на левом боку, несколько выше пояса — аналогичный чекан с остатками деревянной рукоятки (рис. 2, 5). При женском скелете находок не было; под черепом обнаружено интенсивное пятно черной краски диаметром 30 см, мощностью 1—2 см¹.

Найденные в погребении вещи — миниатюрные бронзовые кинжал и чекан, железный нож с кольцом — позволяют отнести их к концу второй половины I тысячелетия до н. э., точнее — к III—II вв. до н. э. Действительно, железные ножи с кольцами характерны для ряда па-

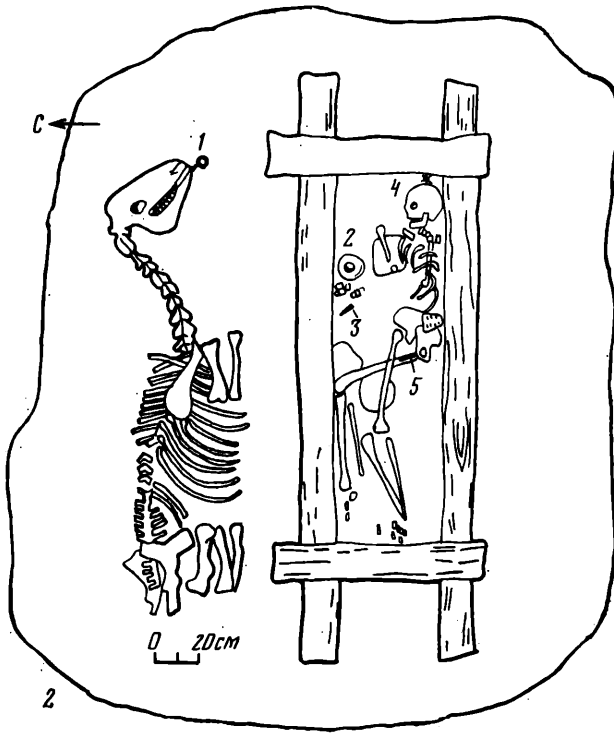
мятников этого периода (ближайшие аналогии в могильниках Боротал III и Алагаил, Бийском, Ближние Елбаны III на Алтае, Катонском и Копайском могильниках в прилегающей части Восточного Казахстана)². В то же время существуют еще миниатюрные бронзовые кинжалы и чеканы, изготавливаемые для погребений. Специально для этой цели изготовлены были и деревянные псалии, найденные в могильнике Джолин I (рис. 2, 2, 3); их фигурно вырезанные концы можно рассматривать как деградацию подобных же, но более сложных, изображающих головки грифонов на деревянных псалиях из I Туэктинского кургана³. В памятниках, откуда происходят перечисленные выше железные кольчатые ножи, всегда встречаются железные удила с круглыми кольцами (могильники Боротал III, Алагаил, Бийский, Катонский и Копайский)⁴. Эти последние, а также бронзовые удила с круглыми кольцами найдены даже в более ранних пазырыкских памятниках V—IV вв. до н. э.⁵ В Арагольских и II Башадарском кургане также найдены бронзовые удила с круглыми кольцами⁶. Вообще эта форма удил была широко распространена в Евразии с VII в. до н. э. до средневековья как в европейской, так и в азиатской частях СССР⁷. Но в кургане 6 могильника Джолин I найдены не железные, а бронзовые удила и не с круглыми кольцами, а со стремечковидными окончаниями (рис. 2, 1). Такие удила бытуют лишь в VII—VI вв. до н. э. и позже нигде до сих пор не были известны. Поскольку последние были найдены в зубах коня, сопровождающего погребения людей в срубе, — обряд, типичный для Горного Алтая, и случайное их попадание в этот комплекс исключено, то, следовательно, они являются составной его частью.

2. Алагаил III, курган 2, раскопки В. Д. Кубарева 1975 г. Памятник расположен в долине Алагаил, в 12 км к юго-юго-востоку от пос. Акташ Улаганского р-на Горно-Алтайской АО в бассейне р. Чуи. Курган 2 был вторым с севера в цепочке каменных курганов, вытянутой в направлении север—юг и содержавших обычный инвентарь V—III вв. до н. э. Насыпь его округлая, из речных валунов, размеры 7,5 × 6 м, высота 0,3 м. Под насыпью обнаружена яма подпрямоугольной формы, ориентированная в направлении восток—запад, размерами 3,2 × 2,7 м, глубиной 1,9 м от уровня погребенной почвы, заполненная мешаным суглинком с включением камней и мелкого гравия. В северной части ямы на глубине 1,7 м — погребение лошади на левом боку, головой на восток. Череп ее пробит чеканом, в челюстях — железные удила плохой сохранности. Ниже, в южной половине могильной ямы, находился сруб из лиственничных бревен. В срубе на дощатом настиле, лежащем на нескольких крупных валунах, обнаружено погребение человека, лежащего скорченно на правом боку, головой на восток. Положение многих костей было нарушено, череп в области темени пробит ударами чекана с круглым бойком (рис. 1, 2). К северу от покойника, у северной стенки сруба, стоял кувшин, украшенный по основанию горла налепным валиком с насечками; в верхней его части — пара отверстий для крепления ременной ручки (рис. 2, 8). Рядом с кувшином лежали позвонки барана и бронзовый петельчатый нож (рис. 2, 10). Вторым бронзовый нож, довольно массивный, с «аркой на кронштейне», был обнаружен в остатках деревянных ножен на правом бедре покойника. Особенностью его является то, что клинок заточен на обе стороны (рис. 2, 9). Над черепом костяка найдены мелкие фрагменты золотой фольги, по-видимому, украшавшие головной убор⁸. Основной инвентарь этого кургана — железные удила, бронзовый петельчатый нож, золотая фольга, кувшин с валиком под горлом — типичен для курганов IV—II вв. до н. э. Горного Алтая. Железные удила, как уже отмечалось, появляются еще в пазырыкскую эпоху и продолжают бытовать в III—II вв. до н. э. То же следует сказать о кувшинах с валиком под горлом: они известны во II Башадарском кургане⁹ и продолжают бытовать позднее, например в могильнике Барбургазы III (курган 3), где найдены вместе с восьмерковидной серьгой¹⁰; время их бытования — IV—III или IV—II вв. до

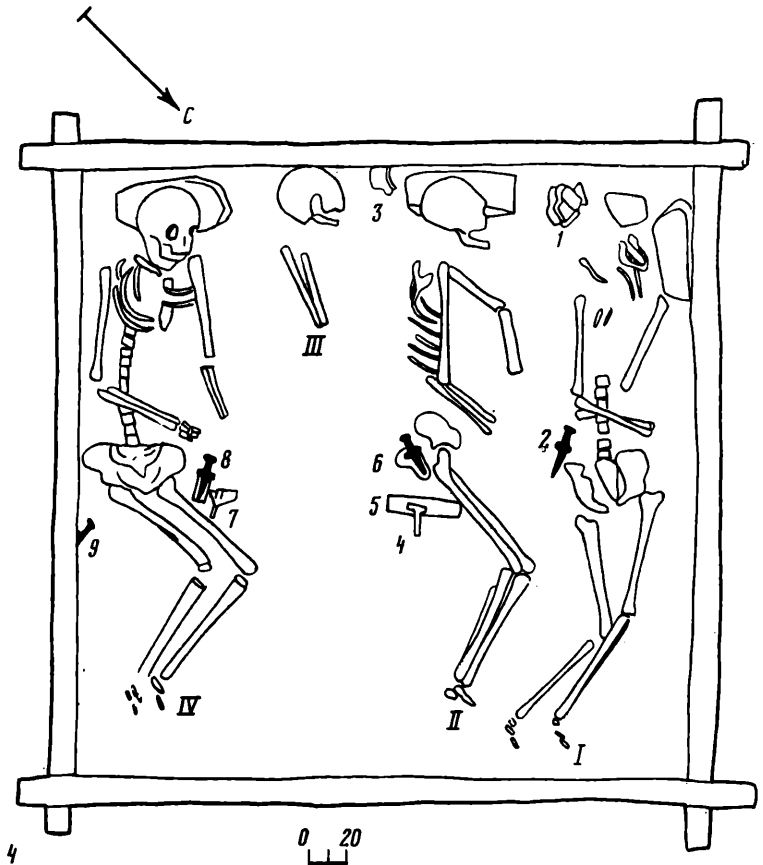
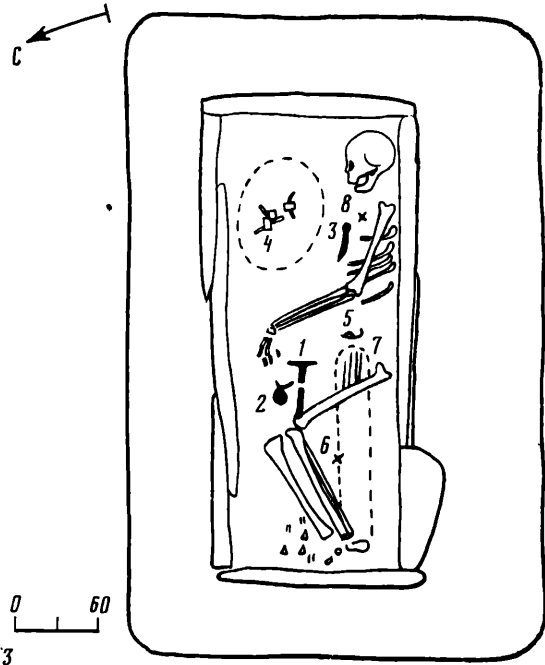
1

2

Рис. 1. Планы погребений

1 — Джолин I, кург. 6 (1 — удила; 2, 3 — железные ножи; 4 — чекан; 5 — кинжал); 2 — Алагаил III, кург. 2 (1 — удила; 2 — сосуд; 3 — нож; 4 — золотая фольга; 5 — нож на бедре покойника); 3 — Кызыл-Джар V, кург. 2 (1 — чекан; 2 — кожаный мешочек; 3 — нож; 4 — фрагменты деревянного блюда; 5 — крючок от колчана; 6, 8 — бусы; 7 — остатки колчана со стрелами); 4 — Узунтал I, кург. 3 (1, 3 — обломки сосудов; 2, 6, 8 — кинжалы; 4 — чекан; 5 — кусок пояса; 7 — ручка чекана и кусок шерстяной материи; 9 — карасукский нож)

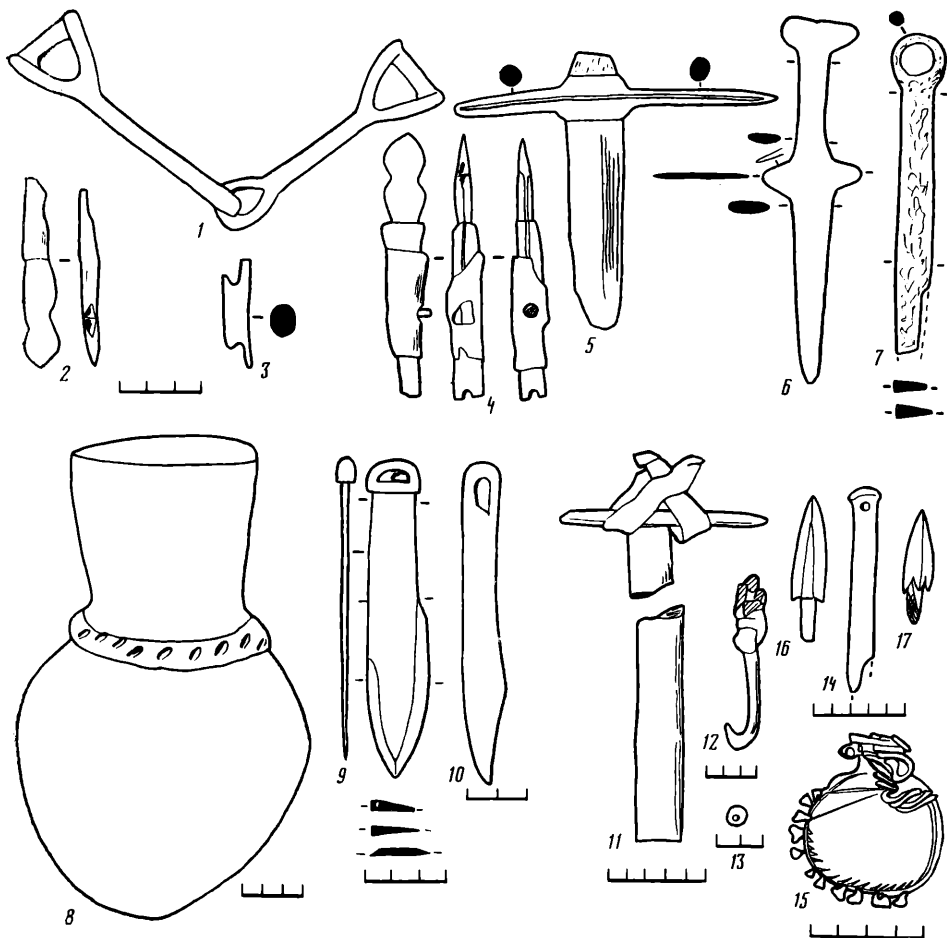

Рис. 2. Инвентарь погребений

1—7 — Дзюли I, курган 6; 8—10 — Алагаил III, курган 2; 11—17 — Кызыл-Джар V, курган 2
 1, 6, 9, 10, 14 — бронза; 2, 4 — дерево и кожа; 3 — дерево; 5 — бронза и дерево; 7 — железо; 8 —
 глина; 11 — бронза, дерево и кожа; 12 — бронза и кожа; 13 — стекло; 16, 17 — кость; 15 — кожа и
 зубы животных

н. э.¹¹ Кувшины такого типа распространены в этот период и на смежных территориях — в Туве, Монголии, Восточном Казахстане¹². Бронзовые ножи с петелькой бытуют также в V—III вв. до н. э. на очень широкой территории, включающей, кроме Алтая, Тувы, Монголии и Восточного Казахстана, еще и Минусинскую котловину в эпоху тагарской культуры. На Алтае к III в. до н. э., как видно, последние выходят из употребления, заменяясь железными¹³. Что касается золотой фольги, то она более характерна для памятников IV—III вв. до н. э. («озен-ала-белигского этапа» в Туве¹⁴) и I—II вв. до н. э.¹⁵ Таким образом, видимо, можно ограничить дату кургана 6 в могильнике Алагаил IV—III вв. до н. э. Однако в этом же комплексе найден бронзовый нож «с аркой на кронштейне», или группы 15, по Н. Л. Членовой, которые по комплексам и аналогиям хорошо датируются VIII—VII вв. до н. э.¹⁶ Формы этих ножей довольно разнообразны, но объединяет их навершие в виде «арки». По форме нож из Алагаила ближе всего к ножам из кургана 2 в Банное устье и Туиме в Минусинской котловине¹⁷. В Восточном Казахстане, на Иртыше восемь таких ножей найдено в комплексе VIII—VII вв. до н. э. могильника Зевакино¹⁸. На Алтае также известно несколько подобных ножей из случайных находок. Условия, в которых найден рассматриваемый нож из кургана 6 в Алагаиле, относящемся к IV—III вв. до н. э., — в ножнах на бед-

ре погребенного,— исключают возможность его случайного попадания туда.

3. Кызыл-Джар V, курган 2, раскопки В. А. Могильникова 1977 г. Памятник расположен в урочище Кызыл-Джар, в северной части высокогорной долины, ограниченной с одной стороны длинным выступом горного хребта, а с другой — левым берегом р. Ак-Кель (система р. Башкауса), в 7—8 км от д. Бельтир (Кызыл-Маны) Кош-Агачского р-на Горно-Алтайской АО. Он был третьим с севера в цепочке из восьми курганов, вытянутой в направлении север—юг. Насыпь кургана круглая, диаметром 8 м, высотой 0,65 м, образована из валунов и лёссовидного суглинка. По краю кургана лежали более крупные камни, но четкого кольца не образовывали. В центре насыпи — небольшое углубление диаметром 2 м и глубиной около 6 см — след оседания заполнения могильной ямы. Последняя имеет прямоугольную форму, размеры — 1,9×1,2 м, глубина 2 м от уровня материка, ориентирована в направлении запад—северо-запад — восток — юго-восток. Яма заполнена лёссовидным суглинком и большими камнями, на дне ее прямоугольный ящик размерами 1,65×0,7 м, высотой 0,25 м из поставленных на ребро каменных плит, ориентирован так же, как и могила. В ящике был похоронен мужчина старше 30 лет. Он лежал на правом боку, в слабо скорченном положении, головой на восток, руки были слегка согнуты в локтях и вытянуты вперед перед туловищем, кисти рук опущены вниз. Перед лицом и грудью покойника стояло овальное деревянное блюдо, на котором лежали три позвонка барана (рис. 1, 3). Возле блюда найден бронзовый нож (сохранилась его ручка с навершием и часть клинка — рис. 2, 14). У левого бедра обнаружены остатки кожаного колчана длиной 70 см со стрелами, имевшими костяные трехгранные наконечники (рис. 2, 16, 17). У пояса, против устья колчана, лежал бронзовый крючок с остатками ремня (рис. 2, 12), с помощью которого колчан подвешивался к поясу. В средней части колчана найдена круглая голубая бусина (рис. 2, 13), другая такая же лежала у шеи. С правой стороны к поясу с помощью ременной петли был подвешен бронзовый миниатюрный чекан с деревянной рукояткой (рис. 2, 11) и округлый кожаный мешочек, обшитый снизу зубами животного (рис. 2, 15). В ногах погребенного, у западной стенки ящика, попадались зола и мелкие угольки¹⁹. Автор раскопок датирует всю группу курганов Кызыл-Джар V временем около III в. до н. э., исходя из того, что весь ее инвентарь характерен для эпохи V—III вв. до н. э., а в кургане 1 имелась золотая бляшка с изображением рогатого животного, по стилю близкая к гуннской²⁰. С этой датой следует согласиться. Однако ножи с валиком-навершием или узкой шляпкой-валиком и отверстием под ним относятся к числу хорошо известных в памятниках VII—VI вв. до н. э. как в Минусинской котловине²¹, так и на Алтае (погребение в Усть-Куюме; пещера Каминная в бассейне р. Каракол, большебереченский слой, раскопки Ю. В. Гричана; случайные находки)²². В свете сказанного становится понятен и следующий комплекс.

4. Узунтал I, курган 3, раскопки Д. Г. Савинова 1973 г. (долина Узунтал, к востоку от пос. Кокорю, Кош-Агачского р-на Горно-Алтайской АО). Курган 3 расположен в цепочке других курганов, среди которых есть и древнетюркские, вытянутой в направлении с юго-востока на северо-запад, и представлял собой каменно-земляное сооружение из валунов и колотых плит диаметром 8,5 м, высотой 35 см. Посредине была глубокая задернованная западина. На уровне древней поверхности в северной части кургана была обнаружена могильная яма подквадратной формы, ориентированная углами по странам света, размерами 2,2×2,05 м, глубиной 1,85 м, заполненная светлой супесью со щебнем и отдельными крупными камнями. Могила ограблена. В заполнении ее на разной глубине обнаружены отдельные человеческие кости и фрагменты керамики. На дне ямы — подквадратный сруб в два-три венца из тонких бревен, рубленый с «остатком», ориентированный углами по странам света. Внешние размеры сруба 1,8×1,8 м, внутренние — 1,6×1,6 м, высота стенок 0,15—

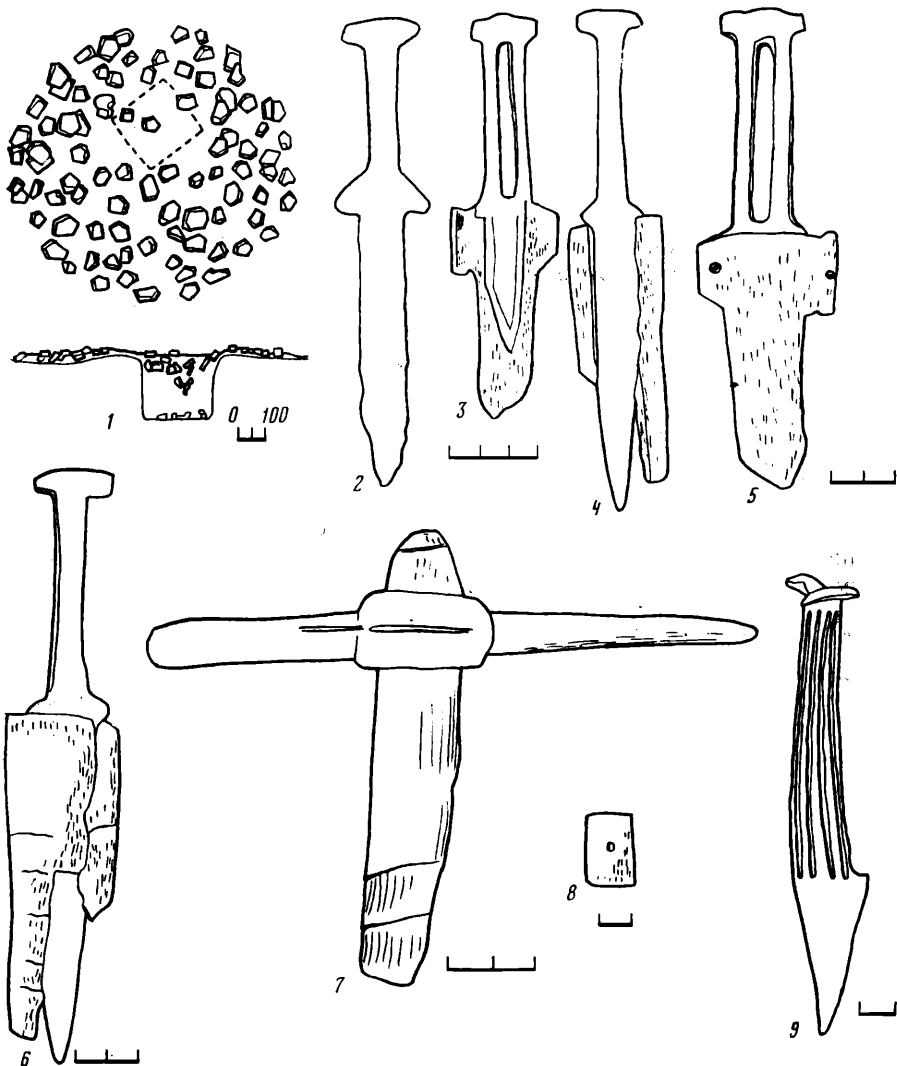

Рис. 3. Курган 3 могильника Узунтал I

1 — план и разрез кургана; 2 — кинжал, скелет I; 3, 5 — кинжал в деревянных ножнах, скелет II; 4, 6 — кинжал в деревянных ножнах, скелет IV; 7 — чекан, скелет II; 8 — деревянная бляха от пояса, скелет II; 9 — карасукский нож
2, 9 — бронза, 3—7 — бронза и дерево, 8 — дерево

0,30 м. Перекрытия не было. Дно грунтовое. В срубе было четыре погребения, все слабо скорченные, на левом боку, головами на юго-запад (рис. 1, 4). Под головами скелетов I и III — камни-«подушки». От скелета II сохранились только череп и кости рук. Скелет IV — у северо-западной стенки сруба был, вероятно, нарушен при захоронении последующих погребений: кости верхней его части сдвинуты с места, череп разбит. При скелете I у левого бедра найден бронзовый кинжал (рис. 3, 2) и деревянная рукоять чекана с куском шерстяной ткани, при скелете III у таза — бронзовый кинжал в деревянных ножнах (рис. 3, 3, 5) и бронзовой проушной чекан, лежавший на кожаном поясе с деревянными пластинами, а у затылка — круглый деревянный сосуд (рис. 3, 7, 8). У пояса скелета IV также обнаружен бронзовый кинжал в деревянных ножнах (рис. 3, 4, 6). Кроме того, под юго-восточной стенкой сруба, близ скелета I найден карасукский нож (рис. 3, 9). Не разбирая детально инвентарь, автор раскопок относит «скифские» погребения Узунтала к V—IV вв. до н. э. по аналогии с «большими и малыми» курганами скифского

времени на Алтае (Пазырык, Туэкта, Уландрык)²³. Думается, что геометризованные формы узунтальских кинжалов (рис. 3, 2, 3), сильно отличающиеся от уландыркских, в частности от кинжала из кургана 7 могильника Уландрык II (раскопки В. Д. Кубарева), и сближающиеся с кинжалами из Боротала и Алагаила III—II вв. до н. э.²⁴, и в то же время преобладание в узунтальских курганах бронзовых предметов вооружения (в то время как в Боротале и Алагаиле преобладают железные вещи) позволяют ограничить время бытования этих курганов IV в. до н. э.

Что же касается карасукского ножа, то, к сожалению, авторы знакомы с ним лишь по увеличенной фотографии Д. Г. Савинова, что не позволило сделать его измерения. Судя по форме, это нож с большим центральным углом, небольшим прямым уступом, очень коротким клинком (возможно, он сильно сточен, хотя известны и ножи с заранее изготовленными короткими клинками), ручкой с четырьмя продольными желобками (орнамент одинаков с обеих сторон) и грибовидной шляпкой (форма ее в плане неизвестна) без колечка (петельки) для подвешивания. На шляпке остался необрубленным литник (рис. 3, 9). Ножи такой формы, с большими центральными углами, относятся к группе 7 минусинских карасукских ножей, дата которых весьма широка: от анянского периода (XIII—XI вв. до н. э.) до X—VIII вв. до н. э. (такой нож, также с рубчатой ручкой, найден в ограде 33 могильника Карасук IV, для которого имеются две радиоуглеродные даты: 2930 ± 60 , т. е. 980 г. до н. э. и 2710 ± 75 , т. е. 760 г. до н. э.)²⁵ В более поздних, чем X—VIII вв. до н. э. комплексах, аналогичные ножи пока не были найдены. Если для датировки карасукского ножа из Узунтала принять самую позднюю из всех возможных дат — VIII в. до н. э., то все же он будет на 400 лет старше остальных вещей этого погребения. Найден он под стенкой сруба, напротив бедра скелета I, и принадлежность его к комплексу кургана 3 не бесспорна. Не исключено, что нож попал под стенку сруба случайно. Однако никаких других следов комплекса карасукской эпохи при раскопках десяти курганов могильника Узунтал не обнаружено, а выше рассмотренные комплексы — из Джолына, Алагаила и Кызыл-Джара, где «более ранние» предметы безусловно синхронны «более поздним» вещам, позволяют думать, что и в Узунтале наблюдается то же явление. Авторам известен целый ряд аналогичных случаев, как в Горном Алтае, так и за его пределами.

Итак, во всех рассмотренных случаях в погребениях IV—II вв. до н. э. найдено по одной вещи VIII—VI вв. до н. э. (карасукский нож из кургана 3 могильника Узунтал I может быть и гораздо более ранним). Поскольку по крайней мере в трех случаях из четырех типологически «более ранние» вещи синхронны «более поздним», входят в эти поздние комплексы, их присутствие в них требует объяснения. Быть может, эти предметы «антикварные», случайно найденные людьми более поздней эпохи? Однако трудно представить, что, найдя последние в какой-то разрушенной древней могиле, люди впоследствии не только использовали их в быту, но и положили в погребения: это противоречит религиозным представлениям самых разных народов и эпох. Тогда надо думать, что эти вещи продолжали бытовать в условиях Горного Алтая, что они пережили свое время на 300—400 лет, что их продолжали изготавливать. Но кто и как их изготавливал? Существовала ли какая-то особая этническая группа людей, сохранившая в условиях изоляции Горного Алтая типы вещей своих далеких предков? В пользу этого как будто говорит их сравнительно компактное расположение на юго-востоке Горного Алтая, в долинах бассейнов Чуи и Башкауса, а также нахождение в самых разных типах погребений — в курганах со срубом с погребением коня и без него, в каменных ящиках. Исследователи рассмотренных памятников склонны относить эти три вида погребений к трем различным культурам²⁶. В любом случае условия изоляции, вероятно, сыграли свою роль. Известно, например, что к горным таджикам в труднодоступной долине Хуф некоторые

равнинные изобретения (деревянные калоши, колыбель на полозьях и др.) доходили лет через 200—300 после того, как на равнине они уже вышли из употребления. В быту горных таджиков встречаются и еще более древние вещи — кельтообразные орудия, мотыги и топоры, употреблявшиеся с крючкообразной ручкой из ветки дерева как известные кельты раннего железного века²⁷. В Дагестане, где изоляция населения всегда была велика, до современности дожили бронзовые котлы, напоминающие скифские, а в горных районах Осетии почти до наших дней дошли ручные зернотерки и музыкальный инструмент типа арфы (распространенный также у балкарцев, сванов и абхазов), восходящий к скифской эпохе²⁸. Возможно, впрочем, и другое предположение: вещи карасукского типа попадают в Горный Алтай IV—II вв. до н. э. с какой-то другой территории (может быть, Монголии), где культура типа карасукской или ее пережитки еще продолжали существовать. В любом случае правомерен вывод о том, что бронзовые вещи большеберченского и карасукского типов существуют в условиях Горного Алтая до IV—II вв. до н. э. Это важно еще и потому, что пока не известно, когда бронзы карасукского типа начинают проникать в Горный Алтай.

- ¹ *Кубарев В. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской АО в 1984 г. // Арх. ИА. Р-1. Д. 10448. Л. 1—4, 26. Рис. 7.
- ² *Могильников В. А., Суразаков А. С.* Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. 1980. № 1. С. 185. Рис. 5, 7; С. 189, рис. 7, 8, 9; *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 100. Рис. 4, 11, 12; *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. Табл. 26, 12, 13; *Сорокин С. С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 53. Рис. 13, 1, 10; С. 55. Рис. 16, 7, 8; С. 56. Рис. 17, 3; С. 58. Рис. 18, 17.
- ³ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. Табл. 78, 3, 79, 4, 86, 4.
- ⁴ *Могильников В. А., Суразаков А. С.* Археологические исследования... С. 187, Рис. 6, 4, 5; С. 189. Рис. 7, 2, 3; *Завитухина М. П.* Могильник... С. 102. Рис. 5, 7.
- ⁵ *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 54, 55. Рис. 20; *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. С. 11. Табл. 1, 2, 3. Дата Пазырыкских курганов V—IV вв. до н. э. лучше сего обоснована археологическими методами в статье: *Azarpay G.* Some classical and Near Eastern motifs in the art of Pazyryk // *Artibus Asiae.* Ascona, 1959. V. 22.
- Радиоуглеродные даты для II и V Пазырыкских курганов были получены С. В. Бутомо в 1959—1961 гг., они таковы: 2350 ± 140 лет (540—260 гг. до н. э.) для II Пазырыкского кургана и 2440 ± 50 лет (540—440 гг. до н. э.) для V Пазырыкского кургана. См. об этом: *Бутомо С. В.* Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 25.
- ⁶ *Руденко С. И.* Культура населения... Табл. 23, 1—3, 39, 6.
- ⁷ Сводки находок см.: *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. № 18. С. 52; *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 383—387. Рис. 60.
- ⁸ *Кубарев В. Д.* Научный отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1975 г. Ч. 2 // Арх. ИА. Р-1. Д. 5378. Л. 4, 30. Рис. 52, 53.
- ⁹ *Руденко С. И.* Культура населения... Табл. 25, 5.
- ¹⁰ *Кубарев В. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской АО в 1979 г. // Арх. ИА. Р-1. Д. 7444. Л. 48. Рис. 81, 2; 82.
- ¹¹ *Вайнштейн С. И.* Памятники казылганской культуры // ТТКАЭ. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 173. Табл. 9, 2, 3; *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 32, вкладка III, Озен-ала-белгийский этап, 163.
- ¹² *Членова Н. Л.* Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии // УЗТНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. 9. Табл. 4, 12—15; *Грач А. Д.* Древние кочевники..., вкладка III, 105, 107, 135.
- ¹³ *Могильников В. А., Суразаков А. С.* Археологические исследования... Рис. 2, IV, 4, 10; VI, 2, 5, 7, 8.
- ¹⁴ *Вайнштейн С. И.* Памятники... Табл. 9, 10.
- ¹⁵ *Могильников В. А., Суразаков А. С.* Археологические исследования... Рис. 2, VII, 6; IV, 1, 3, 9.
- ¹⁶ *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. 1972. № 182. С. 124—126. Табл. 7, 28—39, 41, 44, 57, 17—63.
- ¹⁷ Там же. Табл. 37, 21, 57, 24.
- ¹⁸ *Арсланова Ф. Х.* Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. Табл. I, 1—3; II, 2; III, 1—3, 14.
- ¹⁹ *Могильников В. А.* Курганы Кызыл-Джар II—V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.

- Горно-Алтайск, 1983. С. 52, 54—55, 66. Рис. 5, 1; 3, 59; *Он же*. Отчет о полевых исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1977 г.// Арх. ИА. Р-1. Д. 6677. Рис. 73; 77, 5—10.
- ²⁰ Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар... С. 57.
- ²¹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 174, классы П/15, П/16, П/17.
- ²² Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае//КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 12. Рис. 5, 7; С. 16. Рис. 6, 8; Кочеев В. А. О некоторых случайных находках из Горного Алтая//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 158, 161. Рис. 1, 2; Нож из пещеры Каминной был показан мне Ю. В. Гричаном в апреле 1987 г. в ИИФФ СОАН.
- ²³ Савинов Д. Г. Отчет о полевых исследованиях Алтайского палеоэтнографического отряда в 1973 г.//Арх. ИА. Р-1. Д. 5219. Л. 1—4; 5219-а. Рис. 15—20; *Он же*. Скифские курганы Узунтала//СЭА 1986. С. 11—12. Авторы благодарят Д. Г. Савинова за разрешение опубликовать комплекс из кургана 3 могильника Узунтал-1.
- ²⁴ Могильников В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования...
- ²⁵ Членова Н. Л. Хронология... С. 39, 43, 44, 158. Табл. 2.
- ²⁶ Суразаков А. С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I: (К вопросу о выделении кара-кобинской культуры)//АИГА, 1983. С. 42—52; Могильников В. А. Курганы Кара-Коба II//Там же. С. 52—65; Савинов Д. Г. Скифские курганы Узунтала. С. 12, 13; Могильников В. А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время//Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 20; *Он же*. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 53.
- ²⁷ Андреев М. Ф. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958. Вып. 2. С. 47—50, 259—260.
- ²⁸ Марковин В. И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия)//СА. 1965. № 2. С. 173. Рис. 12; Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973. С. 17, 33. Табл. 102.

М. А. ДЭВЛЕТ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДРЕВНЕМ КУЛЬТЕ БЫКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Тувинской АССР на вершине горы Хайыракан (бассейн р. Улатай) была найдена плоская каменная плита, на обеих сторонах которой находились изображения быков (рис. 1). Ее обнаружили в 1978 г. школьники из пос. Хандагайты во время экскурсии, которой руководила П. С. Донгак. Согласно легенде, этот камень был принесен когда-то на вершину горы Хайыракан из местности Оваа-Даш. Находка была доставлена в Тувинский республиканский краеведческий музей известным писателем и ученым М. Б. Кенин-Лопсаном, знатоком фольклора, автором исследования об обрядовой практике тувинского шаманства¹.

На одной стороне плиты представлена мощная фигура комолого быка, на другой изображен бык меньших размеров, но увенчанный парой рогов, которые параллельными дугами поднимаются над головой. Животные показаны в статичной позе, обращены мордами вправо. Техника выполнения изображений на плите необычна по сравнению со способом нанесения на скалу петроглифов, которые обозначались контурной линией или выбивались по всей поверхности и тем самым заглублялись в скальную плоскость. Фигуры на плите объемны, барельефны; древний мастер достигал этого посредством понижения фона путем сплошной выбивки с последующей подшлифовкой, причем на той стороне плиты, где выбит комолый бык, фон понижен по всей плоскости, а на той, где находится фигура рогатого быка, фон понижен только на участках, непосредственно примыкающих к изображению. Отдельные детали проработаны резными линиями.

Комолый бык имеет массивное и тяжелое сложение. Передняя часть туловища мощно развита, на спине в области холки имеется горб. Голова

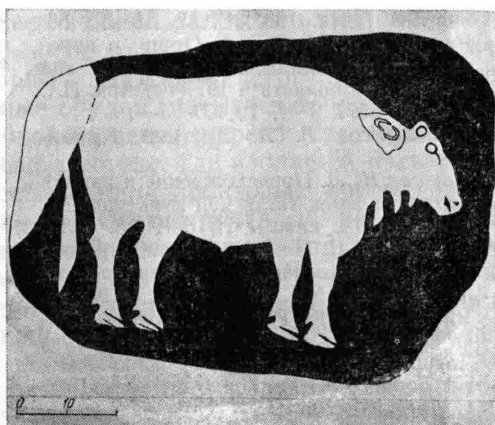
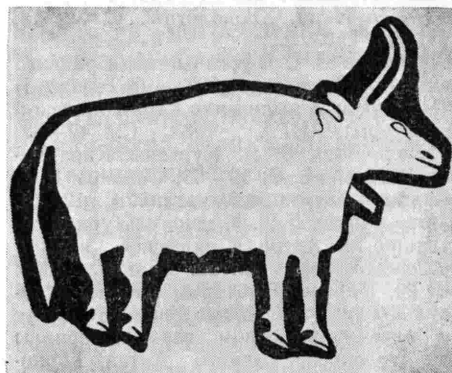

Рис. 1. Изображения быков с горы Хайыракан

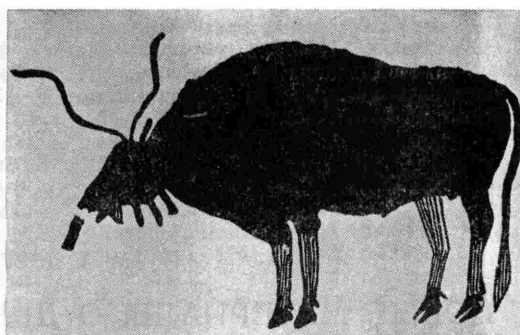
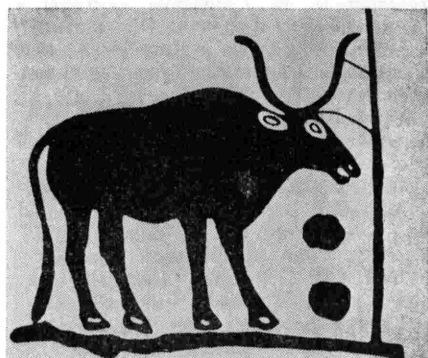

Рис. 2. Изображения быков

1 — Стела с р. Теньга (по В. Д. Кубареву); 2 — Мугур-Саргол

низко посажена и слегка опущена вниз, на затылке находится бугор округлых очертаний. Рот и ноздри намечены углублениями, круглый глаз выполнен резной линией. Уши животного, шишка на голове выполнены в низком рельефе. Обозначены три подшейные складки или удлиненные волосы на нижней стороне шеи. Конечности развитые, сильные, с выделенными суставами. Хвост тонкий, длинный, конец его спускается ниже скакательных суставов, расширение в нижней части означает кисть волос на конце хвоста. В области крупа животного поверхность плиты повреждена и часть изображения утрачена.

Бык, представленный на другой стороне плиты, имеет несколько более легкое сложение по сравнению с комолым, хотя фигура его все же достаточно массивна. Спина слабо повышается в холке, круп почти прямой. Голова крупная, посажена низко, шея короткая, удлиненная морда вытянута вперед. У основания рогов имеется слабый изгиб, затем рога плавно загибаются вверх и немного назад. В совершенно необычном ракурсе изображены уши. Древний мастер, пытаясь показать оба уха быка, сместил их по сравнению с естественным положением. Уши находятся как бы с одной стороны шеи животного, одно над другим. Ноги короткие с детально проработанными копытами. Тонкий длинный хвост заканчивается кистью, обозначенной расширением на конце хвоста. От груди быка наклонно книзу отходит короткая линия. Что она означает, определить трудно: то ли петля из веревки на шее домашнего быка, то ли ботало, то ли украшение священного животного.

Фигуры быков на двух сторонах каменной плиты по общему облику, складу, отдельным особенностям различаются между собой. Возможно, над их изготовлением трудились разные мастера. В то же время нельзя отрицать, что оба изображения выполнены одновременно, в одной стилистической манере. Стилистические особенности исполнения позволяют датировать их бронзовым веком. Плита уникальна как в отношении техники и совершенства исполнений фигур животных, так и в том, что она двусторонняя. Изображения быков на этой плите отличается первобытный реализм, сочетающийся с определенной стилизацией. Они почти не имеют аналогов в искусстве бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии. Их можно сопоставить только с быком на камне № 108 святилища Мугур-Саргол (рис. 2, 2), а также со своеобразными фигурами, выбитыми на стеле с р. Теньга в Онгудайском р-не на Алтае² (рис. 2, 1).

Исследователи, анализирующие наскальные рисунки быков, при их хронологическом определении и выявлении круга аналогий прежде всего обращают внимание на форму рогов. Между тем в обоих вышеотмеченных случаях головы животных увенчаны могучими рогами лировидной формы, в то время как на тувинской двусторонней плите один бык комолый, а у другого пара параллельно идущих серповидной формы рогов. Представляется, что в данном случае их форма не может являться главным, определяющим признаком для сопоставлений и хронологических заключений. В Туве в эпоху бронзы на скалах выбивались в одних и тех же композициях изображения быков, форма рогов которых существенно различалась. Одновременно сосуществовало несколько вариантов трактовки бычьих рогов на наскальных изображениях, что могло быть связано с индивидуальными различиями в размере и форме у реальных животных. К примеру, в Саянском каньоне Енисея на горе Алды-Мозага (камень № 130) представлена композиция, где наряду с другими животными выбиты восемь фигур быков. Эти наскальные рисунки интересны в том отношении, что рога у каждого из них различаются между собой, имеют индивидуальную форму. Встречаются изображения быка с рогами лировидной формы, подобно мугур-саргольскому и теньгинскому, а также рисунки быков с серповидной формой рогов, которые параллельными дугами поднимаются над головой, как в случае с хайыраканским вариантом. То же самое можно сказать об изображениях на скалах Мозага-Комужап (камень № 118). Близкие параллели бычьим рогам хайыраканской плиты имеются на горе Алды-Мозага (камни № 55 и 56), а также среди петроглифов бронзового века на скалах Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык, тем более что там имеются также и фигуры комолых быков.

Образ быка занимал важное место в идеологических представлениях и культах древнего населения Центральной Азии. Подтверждением тому являются археологические и этнографические материалы, а также данные тюрко-монгольского эпоса. «Нет надобности говорить о том, насколько распространены и развиты были культы быка и связанные с ними обряды у разных народов в древности,— писал М. П. Грязнов.— Исследование их во всем их разнообразии могло бы составить многотомный труд многих авторов»³.

Обстоятельства находки плиты с изображениями быков получают свое объяснение в свете материалов тувинской этнографии. Обычай помещать фигурки животных, в том числе быков, на горных перевалах, на особых культовых сооружениях в виде кучи камней и хвороста, носящих название «оваа», связан с древним обрядом поклонения духам гор. Даже если, согласно версии легенды, этот камень действительно был перенесен на гору Хайыракан из другой местности, то вывод о связи его с культовым сооружением оваа остается в силе, о чем свидетельствует само название данной местности — Оваа-Даш («даш» по-тувински означает камень). Некогда в Туве, на месте, выбранном для сооружения оваа, вкапывали столб, на котором устанавливалась рельефная фигура быка, вырезанная из дерева⁴. Считалось, что обряд установки фигурок в оваа

способствует размножению изображаемых животных и ниспращивает покровительство духов⁵. В других случаях на предназначенном для оваа месте вырывали яму и закапывали живого быка красной масти⁶. Предсмертный рев животного должен быть услышан и благосклонно воспринят духом — хозяином местности. В награду он пошлет людям изобилие и благополучие, обеспечит размножение стада. У оваа происходили моления. Шаман обращался к духу — хозяину данной местности, которому посвящали специальное животное⁷. Им был обычно бык, отличающийся особыми приметами, в частности окраской. Животное, посвященное божествам, носило у тувинцев название «ыдык». На шею ему привязывали к волосяной веревке цветные ленты, после чего отпускали в стадо. Состарившегося быка-ыдыка после специального моления умерщвляли, шкуру вывешивали около оваа и заменяли молодым⁸. О том, что обряд выставления шкуры быка восходит еще к эпохе бронзового века, можно судить по тому, что на скалах Мугур-Саргола изображены бычьи шкуры⁹.

Бык-производитель, по повериям тувинцев, являл собою символ добра и благополучия, образ его воплощал величие и могущество шамана. Во время камлания последний, в соответствии с принятой звуковой символикой, имитировал голос птиц и зверей. Демонстрируя свою мощь, он подражал реву быка¹⁰. Среди культовой тувинской пластики имеются фигурки зооморфных духов — помощников шамана, ээренов, в том числе в виде быков. Такие изображения изготовляли для шаманов народные резчики по дереву. На шею быка надевали ожерелье, что одновременно являлось его освящением¹¹. Этот обряд имеет очень глубокие корни¹².

Представляется, что основной внутренней смысл изображений на двусторонней плите с горы Хайыракан заключается в противопоставлении образов комолого и рогатого быков. На вопрос, какое отражение в древних обрядах находила подобная оппозиция, ответить в настоящее время крайне сложно. Однако, основываясь на данных этнографии и эпоса, можно высказать предположение, что древнейшие обряды включали в себя ритуальное единоборство быков, олицетворяющих в конкретных образах какие-то противостоящие друг другу высшие силы.

Легенды о шаманах, соперничавших друг с другом, повествуют о том, что сила шамана в борьбе за превосходство над соперником заключалась в его содружестве с духами-помощниками. Бык также участвовал в этой борьбе, причем бык сильного шамана побеждал быка духа — помощника слабого шамана¹³.

В эпосе народов Центральной Азии содержится много примеров противопоставления двух быков, обычно различавшихся окраской¹⁴. Это были быки гении — хранители божеств, героев, а также их врагов, иногда легендарные братья-соперники превращаются в быков и бьются между собой. В монгольском героическом эпосе о Гесере двенадцатиголовый Мангус в числе хубилганов имеет гения — хранителя черного быка, который на берегу трехцветного Великого моря постоянно борется с белым быком — гением-хранителем Гесера¹⁵. На берегу Байкала, по преданию, борются сивый бык Буха-нойон-бабай, первопродок бурят, являющийся воплощением одного из светлых западных тэнгриев — бурятских божеств, с пестрым быком — воплощением одного из темных восточных тэнгриев¹⁶. В этом сюжете фольклористы усматривают символическое отражение борьбы реальных бурятских родов или же солярного мифа, где Буха-нойон-бабай персонифицирует день, а пестрый бык — звездную ночь¹⁷.

Согласно бурятской легенде, сын восточного неба черное злое божество Бохо-Тэли и сын западного неба доброжелательный дух Бохо-Муя совместно изобрели кузнечество. После того как благожелательное людям божество отняло кузницу у злого, тэнгрии превращаются в быков и борются между собой. Победа досталась доброжелательному духу Бохо-Муя¹⁸. Бурятский генеалогический миф рассказывает о двух братьях — Булагате и Эхирите, предках-прародителях бурят, найденных двумя шаманками на берегу Байкала. Братья вступают в единоборство, приняв облик быков¹⁹.

В Тибете известно повествование о быкоголовом Масанге, который помогает светлому богу в его борьбе с демоном, имеющим облик черного яка²⁰. Сражающийся светлый бог Хормуста и его противник демон шимнус в сюжете о Масанге представлены как белый и черный быки, поочередно осиливающие друг друга²¹.

В одном из алтайских сказаний повествуется о борьбе двух быков — черного, хозяина Алтая²², с сивым, хозяином моря:

На вершинах двух гор	Из рогов пламя вылетело,
Друг против друга остановились	Из лбов искры брызнули.
Два быка великана.	Семь лет быки бодались —
Рогами о рога ударили —	Ни один с места не сдвинулся ²³ .

В бурятском эпосе *улигере* о Гесере, который исследователи называют «Илиадой Центральной Азии», повествуется о единоборстве быков двух небожителей. Один из них с темно-синей пятнистой шкурой, другой — красно-бурого цвета. Бой начинается так:

Выйдя издалека,	Будто в бой не решаются,
Сходятся два быка.	Исподлобья смотря,
Два быка, два царя,	Тихо, грозно сближаются ²⁴ .

Подобная картина противостояния двух готовых к бою быков вызывает ассоциацию с композицией на бронзовых прямоугольных сибирских пластинах рубежа нашей эры, на которых встречаются сцены борьбы и противостояния животных (быки, лошади Пржевальского, верблюды). Сражаются куланы или кони; «кошачий хищник» и копытное животное; тигры и дракон; фантастические животные²⁵. Высказывалось мнение, что быки мирно пасутся на лугу, между тем тематика ряда пластин с сюжетом борьбы свидетельствует скорее об обратном, о том, что позы быков предвещают начало схватки.

При рассмотрении семантики изображений на хайыраканской плите особенно примечательны сюжеты эпических сказаний об окаменевших после сражения быках. Небесный бык Буха-нойон, забодав своего извечного врага Черного быка Тайджи-хана, лег отдохнуть на месте сражения и окаменел²⁶. Согласно другой легенде, Буха-нойон, победив противника — монгольского быка-сабдака (хозяина земли), отправился в Тунку, по пути поставив свое изображение из камня. Достигнув скал Белый Камень в Саянах, Буха-нойон окаменел. Теперь там находится его основное культовое место с «двумя рогами» — скалами²⁷.

Обратимся теперь к тувинской народной игрушке в виде быка. В прошлом традиционные игрушки в виде животных не столько приобщали ребенка к хозяйственной деятельности, сколько вводили его в мир важнейших идеологических представлений, связанных с образами сакральных животных²⁸. Еще на памяти старшего поколения у тувинских детей была игра, смысл которой заключался в единоборстве быков. М. Б. Кенин-Лопсан, уроженец пос. Хандергей Дзун-Хемчикского р-на, рассказал о старинной детской игре, носившей название «бугалыр ускулештирип ойнаары», с изображениями быков и связанной с народными обычаями, с верой в красоту и мощь этого животного. М. Б. Кенин-Лопсан вспоминает, что родители дарили детям игрушки в виде скульптурных фигурок быков, которые они заказывали специально мастеру, изготовлявшему их на основе народных художественных традиций. Фигурки животных делали на подставке из коры березы, в отличие от культовых — их иногда раскрашивали. Игрушечные быки бывали белые, полосатые, на концах ушей встречались черные пятна, морда закрашивалась в красный цвет. Фигурки были парными: один бык безрогий, другой с рогами. У комолого быка могучие грудь, морда, лоб. У второго быка основная символика мощи — это большие и кривые рога. Но самое главное это глаза: разъяренные, могущественные. Дети устраивали бои игрушечных быков, в которых почти всегда побеждал комолый бык. Детские игры связаны с жизнью скотоводов. Архаичные игры быстро уходят в прошлое, этой игры уже не существует, она забыта. В детские и юношес-

кие годы сверстники М. Б. Кенин-Лопсана устраивали бои не только игрушечных, но и реальных быков. Юные пастухи находили комолого быка и быка с рогами и заставляли их сражаться. Животные сражались иногда с утра и до полудня, а иногда и дольше, к вечеру ребята с палками разводили свирепых животных в разные стороны.

М. П. Грязнов проследил один из аспектов культа быка — обряд жертвоприношения, заключающийся в поединке человека и жертвенного животного²⁹. Представляется, что в изображениях на плите с горы Хайыракан отражен другой аспект культа быка — ритуальное единоборство животных, которое, подобно схватке человека с жертвенным быком, могло стать с течением времени общественным зрелищем.

Таким образом, в шаманских легендах, в центральноазиатских эпических сказаниях и, наконец, в недавнем прошлом в тувинских детских играх мы находим отзвуки древних культов и обрядов, связанных с образом быка, которые уходят корнями в эпоху первобытности, в бронзовый век.

- ¹ Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987. Приношу глубокую благодарность М. Б. Кенин-Лопсану за предоставленную возможность скопировать изображения и за сообщение ценных сведений.
- ² Кубарев В. Д. Чашечные камни Алтая// Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. Рис. 3, 4.
- ³ Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов//Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 80.
- ⁴ Дьяконова В. П. Культовые сооружения тувинцев//Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М., 1975. С. 163.
- ⁵ Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974. С. 188.
- ⁶ Дьяконова В. П. Культовые сооружения тувинцев. С. 161; Потапов Л. П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 10.
- ⁷ Дьяконова В. П. Религиозные культы тувинцев//МАЭ. 1977. Т. 33. С. 186.
- ⁸ Там же. С. 182—183.
- ⁹ Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980. Рис. 19.
- ¹⁰ Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика... С. 128.
- ¹¹ Там же. С. 68.
- ¹² Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979. С. 54; Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры//Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск. 1978. Рис. 12, 4.
- ¹³ Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика... С. 78.
- ¹⁴ Майногашева В. Е. Некоторые сюжеты сивого (синего) и черного быков в фольклоре саяно-алтайских тюркоязычных народов//Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1982. С. 137—148.
- ¹⁵ Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984. С. 123.
- ¹⁶ Там же. С. 199—200.
- ¹⁷ Жуковская Н. Л. Буха-нойон-бабай// Мифы народов мира. М., 1987. С. 200.
- ¹⁸ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 235, 237; См.: Азанитов Н. Н., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства Сибири//ИВСОРО. 1983. Т. 14, № 1/2. С. 2—3.
- ¹⁹ Золотарев А. М. Родовой строй... С. 237.
- ²⁰ Неклюдов С. Ю. Героический эпос... С. 217.
- ²¹ Там же. С. 218.
- ²² Слово «Алтай» в эпосе имеет смысл: «территория», «земля» рода или племени. См.: Каташ С. С. Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1978. С. 49.
- ²³ Малчы-Мерген: Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 1974. С. 37.
- ²⁴ Гэсэр: Бурятский героический эпос. М., 1973. С. 62.
- ²⁵ Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины//САИ. М., 1980. Вып. Д4-7.
- ²⁶ Боргояков М. И. Гунско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке)//Сов. тюркология. 1976. № 3. С. 58; Окладников А. П. Олень Золотые Рога. М.; Л., 1964. С. 118—119.
- ²⁷ Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в.: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск, 1983. С. 136.
- ²⁸ Павлинская Л. Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири//Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 233.
- ²⁹ Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах... С. 80—88.

ПОГРЕБЕНИЯ МУЖЧИН И ДЕТЕЙ В ДРЕВНИХ МОГИЛЬНИКАХ ПРИБАЙКАЛЯ

Вопросы палеосоциологической интерпретации своеобразных погребальных комплексов с захоронением мужчины и ребенка в могильниках Прибайкалья эпохи неолита-палеометалла тесно связаны с рядом актуальных проблем социологии первобытности¹. В числе ведущих аспектов научного поиска назовем моделирование патрилинейных связей и ранних форм патриархальной доминантности в коллективах таежных охотников и рыболовов бассейнов Ангары и Верхней Лены. Рассмотрим имеющиеся материалы согласно их традиционной культурно-хронологической позиции².

Один из древнейших для Прибайкалья комплексов изучаемого вида можно обнаружить в ранненеолитической, исаковской группе могил Пономаревского могильника (правобережье Верхней Ангары), где погребение № 10—12 содержало мужчину и двоих детей³. Захоронения в позе вытянуто на спине с ориентировкой на восток, совершено последовательно, под отдельными каменными кладками, расположенными с интервалом 0,4—0,5 м по линии север—юг (рис. 1, 1). При мужчине выдающийся инвентарь производственного и охотничьего (боевого?) назначения: 4 сланцевых долотовидных тесла, 2 вкладышевых копья на костяной основе (одно — из бивня мамонта), до 10 кремневых наконечников стрел, сосуд, а также костяные изделия производственной оснастки; из украшений-амулетов — лишь резец бобра. При ребенке подросткового возраста, центрального в группе, инвентарь аналогичного характера, хотя и меньший количественно: сланцевое тесло, костяные вкладышевые нож и кинжал; 2 клыка кабана украшали головной убор и одежду умершего. Замыкающее группу захоронение ребенка снабжено крупным сосудом, 3 шильями, кремневым ножом, 2 бусинами из клыков оленя (украшали обувь?); у таза ребенка, под особой плиткой — скопление охры.

Перед нами захоронение мужчины-доминанта с наиболее многочисленным в могильнике инвентарем и двоих детей, пол которых, судя по инвентарю, может быть определен как: подросток — мальчик и ребенок возраста I детства — девочка. Трехактность формирования комплекса исключает насильственное «сопровождение» мужчины детьми и делает вероятным предположение о предковом, патрилинейном родстве между ними.

Примечательно принципиальное сходство характера инвентаря мужчины и подростка, косвенным образом также подчеркивающее предковые черты ритуала комплекса в целом. В то же время, очевидно, что лишь выдающийся лидер охотничьего коллектива мог обладать преимущественной прерогативой совместного захоронения со своим потомством, и это сообщает данному комплексу неординарный характер. Более того, определенный культовый оттенок придает комплексу сакральная конструкция при младшем ребенке, связанная, не исключено (учитывая пол ребенка, наличие охры и местоположение у бедра), с кругом репродуцирующих природных культов плодородия. Как стадийно, так и структурно близкую, хотя территориально и удаленную, аналогию рассмотренному комплексу из Пономаревского могильника можно обнаружить в могильнике Гедик (Французская Бретань, пренеолит), где в погребении

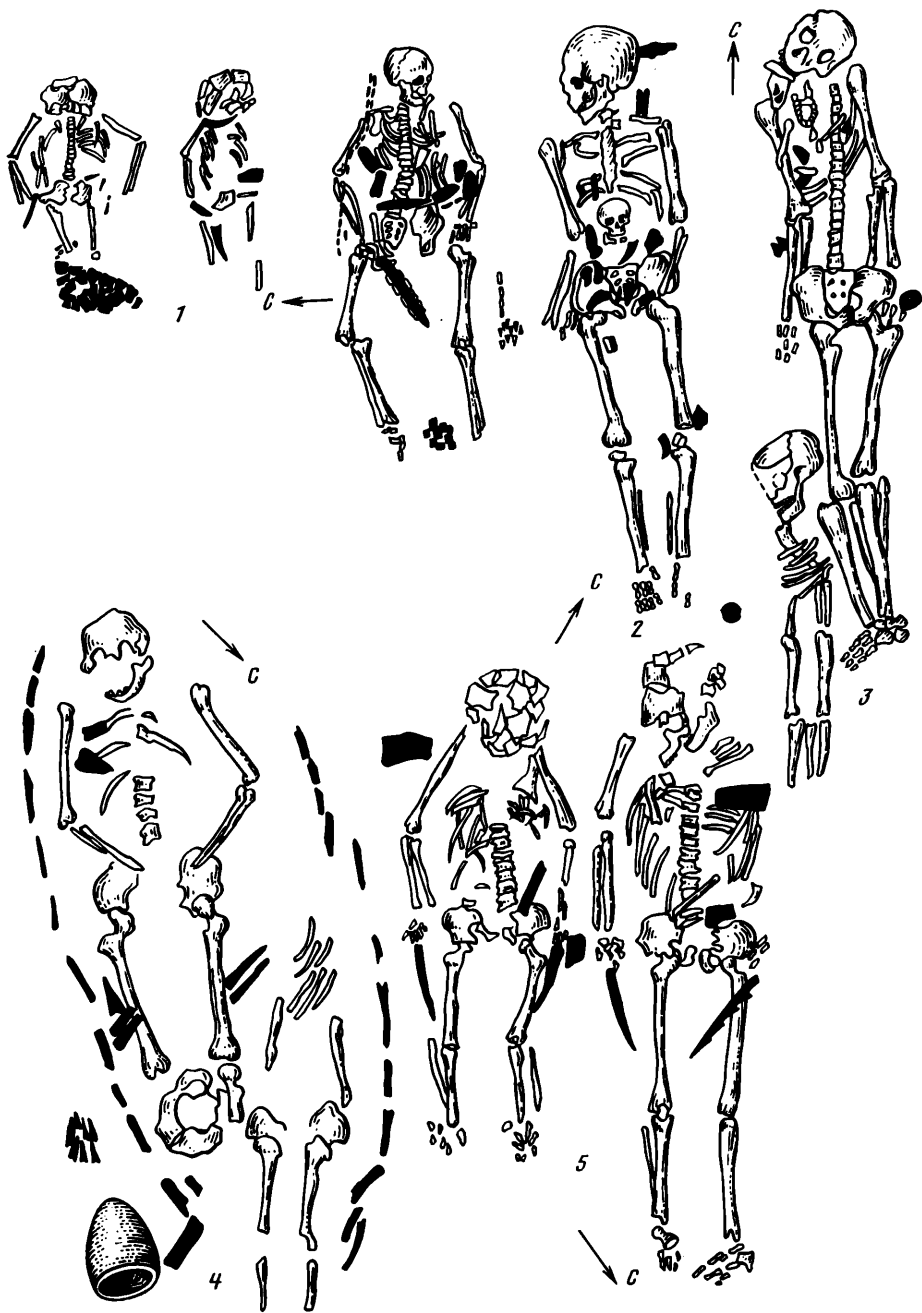

Рис. 1. Детско-мужские погребальные комплексы из могильников Приангарья (1, 2, 4, 5) и Верхней Лены (3)

1 — Пономарево, погребения 10—12; 2 — Циклодром (Локомотив), погребение 4 (1948 г.); Верх-
ленье, погребение 26; 4 — Серово, погребение 2; 5 — Братский Камень, погребение 13

С к мужчине 20—30 лет и годовалому ребенку, снабженными просверленными раковинами и рогом оленя, подхоронены двое детей в обильной охре, с множеством просверленных раковин, кремневым и костяным инвентарем, в том числе с пятью наиболее крупными в могильнике кинжалами⁴.

В серовской культуре эпохи развитого неолита, в могильнике Братский Камень (левобережье Нижней Ангары, устье р. Оки) также отметим совместное погребение, совершенное в могиле 13⁵. Под каменной кладкой, в общей могильной яме помещены рядом мужчина и ребенок в возрасте I детства (длина костяков соответственно 1,8 и 0,87 м), в позе вытянуто на спине, ориентированные на юго-запад (рис. 1, 5). При мужчине производственный и рыболовческий инвентарь: сланцевые тесло и нож, костяные гарпун, проколка, игла, 2 игольника; 2 кремневых наконечника стрел, не исключено, являются свидетельствами гибели погребенного. При ребенке инвентарь производственного характера: сланцевые тесло и нож, костяные игольник и 2 проколки. Примечателен такой ритуальный момент, как вложение в руки обоих умерших предметов, отразивший, очевидно, с наибольшей полнотой характер их основной прижизненной деятельности: в левой руке мужчины — гарпун, в обеих руках ребенка — по крупной проколке. Заметим в этой связи, что приобщение малолетних к производственным процессам в коллективах таежных охотников и рыболовов было весьма ранним, равняясь 3—5 годам, причем строго соответствовало полу ребенка⁶. Не исключено, что мужчину в данном комплексе «сопровождает», судя по инвентарю, девочка, бывшая малолетней «женой», согласно широкой брачной практике аборигенных обществ, чья культура стадильно близка мезо-неолиту⁷. Обратим также внимание на крупный рост мужчины-доминанта, наибольшего среди погребенных в могильнике, что, согласно свидетельствам этнографии, должно было сообщать особую престижность его обладателю в глазах коллектива (отметим в этой связи что рост выдающегося охотника из Кубенина превышал 1,9 м)⁸. Выразительной аналогией детско-мужскому комплексу нерядового характера из Братского Камня выступает детско-мужской комплекс № 84—85 из Оленеостровского могильника на Онежском озере (Карелия, неолит)⁹, близкий к восточносибирскому по своей социальной окраске.

В рамках каких общественных структур стало возможным появление совместного погребения мужчины и ребенка в могильнике Братский Камень? Перед нами пример детского—мужского комплекса, сформированного в условиях рыболовческого, по преимуществу, коллектива, практиковавшего, заметим, архаичные способы промысла. Действительно, добыча рыбы осуществлялась гарпуном и, очевидно, была делом мужчины: всех 4 взрослых мужчин, погребенных на этом памятнике, сопровождали гарпуны (№ 7, 12, 13/2, 20), при № 12 их было даже 2 экземпляра¹⁰. Классический серовский пластинчатый лук сопровождал лишь мужчину из погребения 7¹¹. Крайне немногочисленны в составе инвентаря наборов и наконечники стрел. Можно предположить существование определенного разделения труда между полами в коллективе, оставившем древнее кладбище: гарпуны и орудия труда — при мужчинах, тогда как при женщинах, кроме маленьких тесел, костяная оснастка, связанная с шитьем кож и шкур, ножи для обработки продуктов промысла. Существовала, однако, и определенная социальная неравнозначность коллектива: не только девочка (?) из комплекса 13 была умерщвлена в связи со смертью мужчины-доминанта, но и подросткового возраста девочка (судя по инвентарю) из погребения 11 погибла от наконечника стрелы, пробившего тазовую кость¹². О глубоких генетических корнях, связывавших коллектив, оставивший могильник Братский Камень, с миром тайги свидетельствуют следы почитания соболя, по 2 костяка которого были помещены в погребениях 10 (подростков) и 3 (женщина?). Находки целых костяков, черепов и челюстей этого животного в серовских погребениях по всему приангарскому ареалу распространения данной куль-

туры позволяют видеть в соболе одного из общеплеменных тотемов сакрального характера (по классической классификации А. Элькина)¹³. Не исключено, что перед нами мифический персонаж этногенетических преданий этого таежного этноса, отличающегося определенной специфичностью антропологических характеристик¹⁴.

В эпонимном для развитого неолита Прибайкалья Серовском могильнике (Нижняя Ангара, устье р. Задырма) совместное погребение мужчины и ребенка совершено в могиле 2¹⁵. Под каменной кладкой, в общей могильной яме помещены рядом мужчина и ребенок (сместен) в позе вытянуто на спине, ориентированные на юго-запад (рис. 1, 4). При мужчине обильный инвентарь, включающий артефакты производственного, охотничьего (боевого?) и рыболовческого назначения, из которых основные: сланцевое долотовидное орудие, нефритовый топорик, 2 кремневых наконечника копий, сосуд, гарпун, а также лук (длина костяных накладок до 1,5 м) и более 50 наконечников стрел, частью — в «колчане»; из украшений-амулетов — кости соболя, челюсть и резец бобра, подвески из резцов лося. При ребенке аналогичный по характеру инвентарь: кремневый скребок, сланцевый нож, лук, практический равный по длине мужскому (?), несколько наконечников стрел; фаунистические останки — череп и челюсть соболя. Отметим, что совокупно при обоих умерших инвентарный набор включает более 70 единиц предметов и около 10 фаунистических останков.

Судя по наличию лука, пол ребенка можно считать мужским, возраст (по длине костяка) II детским или подростковым. Вновь подчеркнем факт сопровождения ребенка качественно равнозначным с мужчиной инвентарным набором, что может косвенным образом свидетельствовать о существовании предковой, патрилинейной связи между ними. Особо впечатляет присутствие лука: по данным этнографии, дети таежных народностей начинали участвовать в охоте уже с 10—12 лет¹⁶. В то же время данный детско-мужской комплекс, единственный в могильнике, мог быть сформирован и из престижных целей. Действительно, судя по исключительному обилию инвентаря, перед нами могила выдающегося охотника, чья гибель могла предопределять такой ритуальный акт, как «сопровождение» насильственно погребаемым малолетним.

Какие общественные структуры и соответствующие им обрядовые нормы сделали возможным совершение подобного неординарного захоронения мужчины и ребенка? Как можно заметить, Серовский могильник представляет собой достаточно крупный (по масштабам Восточной Сибири) территориальный комплекс погребений, в котором абсолютно преобладают могилы мужчин, подростков и детей. Действительно, из 13 умерших 6 являются мужчинами-лучниками (№ 1, 2/1, 3, 7, 10, 12), 2 — подростками, судя по инвентарю, мужского и женского пола (№ 5 и 6), 3 — детьми (№ 2/2) либо подростками (№ 11, 13) (кремирован); пол погребенных в могилах 8 и 9 (кремирован) известен¹⁷. Таким образом, данные погребального обряда могут свидетельствовать о тесном взаимодействии в охотничьем коллективе группы взрослых мужчин с группой подростков и детей, что неизбежно следовало из особенностей таежного промысла, требующего неукоснительной передачи охотничьих навыков. Подобным достаточно мобильным коллективам оказываются присущи тенденции патрилинейности и патрилокальности, фиксируемые этнографически для аборигенных обществ, в которых мужчины могут продуктивно охотиться лишь на территориях, изученных с детства¹⁸.

Отметим, наконец, что если детско-мужской комплекс Серовского могильника имеет аналогю в детско-мужских комплексах все того же Оленеостровского могильника (погребения № 84—85 и № 80—81), то крупные территориальные комплексы с погребениями мужчин и детей можно обнаружить в мезолитическом Васильевском 3-м и неолитическом, днепро-донецком Деревинском 1-м могильниках юга европейской территории страны¹⁹.

Наконец, в эпонимном для культуры развитого неолита Приангарья

Китайском могильнике (левобережье Верхней Ангары, устье р. Китоя) погребение мужчины и ребенка совершено в могилах 1—2²⁰. В грунтовой могильной яме 1 мужчина помещен в позе вытянуто на спине, ориентирован на северо-восток и снабжен обильным разнохарактерным инвентарем, включавшем орудия труда, рыболовства, а также сакральные артефакты. Основные изделия: 2 нефритовых топора с нефритовой заготовкой, костяные вкладышевые орудия и шилья, гарпун и рыболовные составные крючки китайского типа; культовый комплекс составили каменные плитки с пестиком, куски кровавика со следами распила, фрагмент рога изюбра. На обоих предплечьях костяка мужчины—по костяному браслету с пунсонным орнаментом, на лобных костях и шее—по клыку кабана; из фаунистических останков—кости зайца и челюсть бобра. Грунтовая могильная яма № 2 с нарушенным костяком ребенка с сильными охристыми включениями; инвентарь отсутствует. Перед нами престижный комплекс, в котором мужчина-доминант, судя по характеру инвентарного набора, совмещал прижизненные функции рыболова, изготовителя нефритовых орудий с определенной культовой деятельностью. Захоронение ребенка, безынвентарное и засыпанное охрой, имеет характер сопроводительной «жертвы».

В целом детско-мужской комплекс Китайского могильника оригинален по своим параметрам, своеобразию которых, однако, органично вписывается в общую картину самобытных обрядово-ритуальных норм китайской культуры Прибайкалья.

В китайском могильнике Циклодром («Локомотив») в г. Иркутске погребение 4 (по раскопкам 1948 г.) содержало мужчину и ребенка²¹. В грунтовой могильной яме мужчина чрезвычайно крупного роста, в позе вытянуто на спине, ориентированный на северо-запад, сопровождался ребенком 2—3 лет, помещенным с аналогичной ориентировкой у него на груди (рис. 1, 2). При мужчине выдающийся инвентарь, включающий сакральные изделия (костяные голова лося и антропоморфная фигурка, сланцевая «рыбка», кусок кровавика), а также орудия труда и рыболовства (белонефритовый нож, стержни от составных рыболовных крючков); из украшений-амулетов—резцы бобра, клык кабана, зуб марала. Кремниевый наконечник стрелы, не исключено, является свидетельством гибели погребенного. Ребенок, сопровождающий мужчину, лишен инвентаря. Перед нами престижный комплекс, в котором мужчина-доминант (превышающий своим ростом всех прочих погребенных кладбища)²² имел выдающийся культовый статус, вновь совмещаемый с прижизненными функциями рыболова. Подобное органичное сочетание ролей культового лица и рядового добытчика жизнеобеспечивающего продукта является типичным для культур аборигенных народностей, в частности сибирских²³. Не исключено, что сакральные изделия мужчины-«жреца» демонстрируют образы тотемных персонажей, связанные со стихиями воды и леса, а также антропоморфный образ нарочито бесполого существа, сопоставимый с многочисленными скульптурками так называемых «эмбрионов» с неолитическими памятников Севера Восточной Европы и Фенно-Скандинавии²⁴. Безынвентарное, одновременное с мужчиной захоронение ребенка вновь может быть определено как «жертвенное».

Своеобразное по своим обрядово-ритуальным особенностям захоронение мужчины и ребенка могильника Циклодром входит в серию детско-мужских престижных комплексов Северной Евразии, объединяемых между собой, помимо прочих черт, таким ритуальным нюансом, как помещение малолетнего на грудь взрослого. Названная серия включает погребения широкого культурно-хронологического и территориального диапазонов: могильник Тевьек, погребение Е (Французская Бретань, Морбиган, пренеолит), Звейниеки (Латвия, мезолит). Александрия, № 10—10а и Деревка I, № 43—43а (днепро-донецкая культура Украины, неолит), Мариупольский могильник, погребение 50 (культура типа Средний Стог II, энеолит), Северный Оленеостровский могильник, по-

гребение № 8—8а (культура арктического палеометалла, побережье Баренцева моря), а также некоторые древнеямные (Ясырево) и фатьяновские комплексы (Кузьминский могильник в Подмосковье)²⁵.

В глазковских погребениях эпохи восточносибирского палеометалла из Верхоленского могильника привлекает внимание детско-мужской комплекс 26 (№ 18, по раскопкам 1951 г.)²⁶. Под кладкой из плит красного песчаника, в общей могильной яме располагались костяки мужчины и ребенка 7—8 лет, оба в позе вытянуто на спине, ориентированы на север (рис. 1, 3). В инвентаре мужчины выдающееся сакральное изделие — костяная «пряжка» с двумя антропоморфными фигурами, а также мраморное «точильце» для стрел и 18 кремневых наконечников, 3 из которых поразило тазовую и локтевую кости умершего. Погребение ребенка, подвергнутого, вероятно, ритуальному убийству и «сопровождающего» мужчину-«жреца» (?), лишено инвентаря. Данное престижное погребение занимает центральное положение в небольшом территориальном комплексе глазковских могил, расположенных в ряд и принадлежащих исключительно мужчинам и подросткам (№ 22 — мужчина, № 25 и 29 — старики, № 27 и 28 — подростки женского пола, соответственно 12—14 и 14—16 лет)²⁷. Детско-мужской территориальный комплекс Верхоленского могильника находит выразительные структурные параллели в могильнике Черемушный Лог (Средний Енисей, культура палеометалла окуневского типа) и фатьяновском Воронковском могильнике (Верхневолжская группа)²⁸. В заключение обратим внимание на сугубо мужской характер инвентаря в погребении 37 недавно раскопанного глазковского могильника Шумилиха, содержавшего, очевидно, детско-мужской комплекс²⁹.

В целом можно констатировать определенную равнозначность инвентарных сопровождений и предлагаемый «предковый» характер детско-мужских исаковского и серовских комплексов, сочетающихся с рядом признаков семейно-социальной неординарности. Названные комплексы резко контрастируют с безынвентарностью и «жертвенным» характером захоронений детей в детско-мужских погребениях китойской и глазковской культур, отличающихся культовыми чертами инвентаря мужчин-доминантов. Подобные признаки могут свидетельствовать как о явлениях патрилинейности, так и о начальных формах процесса ранней социальной стратификации.

¹ Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы истории докапиталистических обществ//Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй: (Основные этапы и локальные варианты)//Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. Гл. 8.

² Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974; Он же. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976; Он же. Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978.

³ Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. С. 80—90. Табл. 96—103.

⁴ Requart M., Requart Et.-J. Hoëdic. Anvers, 1954.

⁵ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. С. 136, 137. Рис. 63. Табл. 154—156.

⁶ Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.

⁷ Роуз Ф. Аборигены Австралии. М., 1981. С. 39—44 сл.

⁸ Фосс М. Е. Погребения на стоянке Кубенко//Тр. ГИМ. 1938. Вып. 8.

⁹ Гурина Н. Н. Оленостровский могильник//МИА. 1956. № 47. С. 326.

¹⁰ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. С. 128—130, 135, 137, 143.

¹¹ Там же. С. 128, 129. Табл. 143, 1.

¹² Там же. С. 132, 135. Рис. 61. Табл. 149, 1.

¹³ Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952. Гл. VI.

¹⁴ Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

¹⁵ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. С. 18—21. Табл. 8—12; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР//ТИЭ. 1948. Т. 4.

¹⁶ Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969.

¹⁷ Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. С. 13—62, 82; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.

¹⁸ Румянцев А. М. Первобытный способ производства. М., 1987. С. 153; Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987. С. 84, 91 сл.

- ¹⁹ Телегін Д. Я., Жилієва С. І. Деревський неолітичний могильник//Археологія. 1964. № 16 (западний комплекс вокруг № 42—45); Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятники социальной истории//СА. 1979. № 3. С. 57.
- ²⁰ Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. С. 50.
- ²¹ Там же. С. 42. Табл. 13.
- ²² По материалам раскопок 1920—40-х годов.
- ²³ Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- ²⁴ Студзицкая С. В. Изображения человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР//Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60. С. 100—118. Рис. 1.
- ²⁵ Pequart M., Pequart St.-J., Vallois H., Boul M.//Mem. Arch. Inst. Paleonthol. humaine. 1937. N 18. P. 39, 40; Телегін Д. Я. Середньо-Стогівська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 110; Телегін Д. Я., Жилієва С. І. Указ. соч. С. 158, 159. Рис. 4; Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966. С. 164—166; Хлобыстина М. Д. Северный Оленеостровский могильник Баренцева моря как палеосоциологический источник//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 128; Бадер О. Н. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой//АСГЭ. 1962. Вып. 5.
- ²⁶ Окладников А. П. Верхоленский могильник ... С. 40—42. Табл. 74.
- ²⁷ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья//МИА. 1955. № 43.
- ²⁸ Хлобыстина М. Д. Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее//СА. 1971. № 4; Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. Табл. 3, 4.
- ²⁹ Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 14, 15.

ПУБЛИКАЦИИ

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О СОСТОЯНИИ ИСТОЧНИКОВ
ПО НЕОЛИТУ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Исследователи отмечают малую изученность и слабую источниковедческую базу неолита Минусинской котловины. Тем не менее в последние годы А. В. Виноградов выделил три типа керамики, отражающие, по его мнению, хронологические поздненеолитические стадии региона, а Л. Р. Кызласов обосновывает наличие даже четырех культур позднего неолита¹, что в принципе противоречит мнению о его плохой изученности. Отсутствие единства взглядов по данному вопросу объясняется субъективностью трактовки понятия «энеолит» и объективной сложностью методического анализа каменных неолитических и энеолитических изделий. Отсюда разное представление об однородности либо смешанности культурных слоев стоянок, датирование комплексов по случайным находкам и как результат — различная оценка состояния неолитических источников. Цель статьи — прокомментировать источниковедческую базу минусинского неолита, указав на спорные и даже ошибочно отнесенные к этому периоду памятники.

Источниками изучения проблемы являются: не имеющие аналогов могилы, полузамкнутые поселенческие комплексы, стоянки со смешанным слоем и подъемный материал с разрушенных стоянок. Все категории источников немногочисленны, фрагментарны и часто дискуссионны.

Хронологическая схема археологических культур котловины, предложенная еще С. А. Теплоуховым, построена на погребальных памятниках, но в ней до сих пор отсутствует нижнее звено — могилы неолита. Поэтому вполне понятны попытки среди могил, не имеющих аналогов в существующей схеме, выявить неолитические. Отсутствие эталонных погребений, с одной стороны, и генетическая близость местного неолита и энеолитической окуневской культуры, в которой отражено мозаичное переплетение охотничьих и скотоводческих традиций, — с другой, привели к тому, что некоторые окуневские могилы раскопок первых лет были приняты за неолитические либо за самые ранние из энеолитических. Это касается центрального погребения в окуневском кургане, раскопанном Я. А. Шером в 1963 г. в урочище Черемушный Лог, двух оград, исследованных М. Н. Комаровой в 1958, 1962 гг. и содержавших по одной окуневской могиле на р. Карасук, а также разрушенного ящика у пристани старого с. Новоселово. В дальнейшем выяснилось, что их своеобразие и богатство обусловлены не хронологическими причинами, а социальным статусом лиц, в них погребенных. В могилах найдены окуневские культурные реликвии (клюв журавля от маски, каменные шарики, ритуальные топоры, остов вкладышевого ножа), украшения и амулеты из зубов таежных и лесных животных. Окуневское происхождение памятников подтверждается антропологическим типом погребенных и порядком размеще-

ния могил внутри ограды (Черемушный Лог), сосудами и вещами. В частности, каменные тесла и топоры, впервые найденные здесь в дальнейшем, стали известны как в неолитическом поселении Унюк, так и в других окуневских могильниках. Бронзовому ножу из коллекции разрушенной могилы у с. Новоселово нашелся аналогичный в окуневском могильнике Черновая VIII².

Таким образом, сомнения в окуневской культурной принадлежности всех выше указанных могил относятся уже к области историографии, поэтому их не следует смешивать с теми могилами, которые своими «неолитическими признаками» действительно могут быть дискуссионны: Батени, Подгорное Озеро, Чегерак.

Погребение, обнаруженное при копке погреба в с. Батени, принято считать неолитическим. Напомним, что крестьянин Кожуховский собрал все кости в таз и передал С. А. Теплоухову. Много позже череп скелета был определен Г. Ф. Дебецем, кости животных — В. И. Громовой и С. И. Оболенским, а коллекция орудий и вещей, оказавшихся среди человеческих костей, опубликована М. П. Грязновым. Выводы последнего были осторожными: каждая вещь в коллекции отлична от выявленных в неолите Прибайкалья районов гг. Томска и Красноярска, но арханчешский облик коллекции позволяет ее считать более древней, чем все другие известные в Енисейских степях эпохи бронзы. Имелась в виду и энеолитическая афанасьевская культура, поскольку физический тип погребенного из Батени, по заключению Г. Ф. Дебеца, был смешанным, но отличался от мужского афанасьевского³. В свете современного материала состав батеневской коллекции можно разделить на две группы. К первой относятся 2 кинжаловидных орудия и 2 стержня из костей лося, по-прежнему не имеющие где-либо прямых аналогов. Вторую группу составляют находки, специфические для окуневских погребений: кучка из 4 астрагалов козули и 8 астрагалов барана (правильнее овцы); 2 заготовки подвесок из подъязычных костей лося, 2 роговые гладкие пластины. Астрагалы овцы как игровые или культовые кости, использовали афанасьевцы, окуневцы и андроновцы. Однако только у окуневцев в равной степени употреблялись и астрагалы козули, и именно для их могил характерны кучки смешанных астрагалов обеих особей. Для изготовления подвесок, амулетов, ожерелий последние использовали не только зубы, клыки, челюсти, когти диких животных, но и фаланги, эпифизы метаподий, грифельные, пястные, плюсовые и подъязычные кости. Так 20 обломков подъязычных костей оленя найдены в окуневском ящике в кургане Черемушный Лог, а 8 подвесок из аналогичных костей быка — в кургане Усть-Бюрь. Остановимся на роговых батеневских пластинках. Они линзовидные в сечении, размерами 12×7 см и 10×2,5 см. Меньшая на одном конце с обеих сторон украшена еле намеченными зарубками. Этим пластинам можно подобрать похожие по размерам, форме и сечению среди окуневских. Последние бывают даже крупнее, до 15×5 см; на них часто имеются штриховые рисунки человеческого лица, однако встречаются и без изображения (Черновая VIII к. 3, м. 9; к. 5, м. 6,9; Уйбат). Помимо перечисленного, в батеневской коллекции оказался отщеп от валуна чрезвычайно грубой обработки. Это аморфное орудие не может быть использовано для датировки. Подобные скребки для обработки шкур бытовали очень долго, что, безусловно, не противоречит омоложению батеневской коллекции в целом, поскольку идентичные изделия известны как в афанасьевских, так и окуневских могилах (Красный Яр I—II). Находки астрагалов домашней овцы, казавшиеся случайными в коллекции, получают объяснение, если видеть в батеневском погребении древнейшее из окуневских, что согласуется и со смешанным типом погребенного. Напомним, что у окуневцев, в свою очередь, зафиксирована значительная монголоидная примесь⁴.

В 1965 г. Г. А. Максименков на берегу оз. Подгорное расчистил в песке три могилы, две детские и одну взрослую. Скелет взрослого человека, вытянутый на спине, был густо окрашен охрой. При нем найдены костя-

ная проколка и каменный шарик. По положению скелета, окраске и проколке Г. А. Максименков в очень осторожной форме предположил неолитический возраст погребения. К сожалению, материал утерян, но по косвенным признакам могила не могла быть более ранней, чем окуневская. Во-первых, она была выкопана, видимо, в окуневском культурном слое. Рядом с могилой на выдувах с черными пятнами от жилищ и пережженными камнями от очагов собраны отщепы и обломки окуневской керамики⁵. Во-вторых, в могиле найден каменный шарик, принадлежавший к разряду окуневских культовых изделий.

Еще одно погребение раскопано С. Г. Скобелевым в 1985 г. у нового с. Новоселово, в 2,7 км к северу от устья р. Чегерак. Оно было перерезано тыштыкской могилой, сруб которой разрушил верхнюю часть черепа скелета и ноги ниже колен. Скелет лежал на глубине 135 см от древней поверхности, вытянуто на спине. Кости окрашены охрой и имели красновато-бурый цвет. У правого локтя была аморфная костяная пластинка, по мнению автора раскопок, напоминающая профильное изображение летящего гуся или лебедя. У нижней челюсти в непотревоженном состоянии находилась массивная изогнутая подвеска с отверстием с одной стороны закругленного конца. Очертания этой пластинки схожи с имитацией клыка кабана, которые составляют часть ожерелья в неолитических-энеолитических могилах под г. Красноярском⁶. Дата могилы неясна.

Обе могилы объединяются тремя «неолитическими признаками»: грунтовая яма, вытянутая поза скелета, сильно окрашенного охрой. Два первых признака возможны и для окуневских погребений. Но существовали ли у последних обычай засыпать могилы охрой? Известно, что окуневцы раскрашивали лицо и тело мертвеца, однажды встретились окрашенные голени и несколько раз — стопы. К сожалению, последние принадлежали костякам, от которых других костей не сохранилось (Черновая VIII, к. 8, м. 7). Возможно, что в ранний период культуры этот обряд был известен окуневцам, а позже заменен художественной раскраской тела мертвого. Но отрицать возможность неолитического возраста могил с окрашенными скелетами нельзя.

В 1975 г. Л. Р. Кызласовым была раскопана могила на Чульском чаатасе, которую теперь автор раскопок относит к неолиту. Это очень узкий каменный ящик, почти на поверхности земли. Последний закрыт плитами и каменной насыпью, в изголовье вкопана плита. Захоронена женщина в вытянутом положении, без вещей. На одной из плит покрытия выбита окуневская личина. Хорошо сохранилась ее верхняя половина, даже охра в желобках, но нижняя половина изображения осыпалась. Значит, плита, до того как попасть в могилу, где-то долго стояла вкопанной вниз личиной, часть изображения при этом находилось на поверхности, а другая в земле. Следовательно, плита с личиной после изготовления использована не вторично, а по крайней мере в третий раз, и могила не только не имеет «неолитических признаков», но, наоборот, имеет признаки значительно более позднего возраста. В культурном слое, где выкопана ямка, найдены кости лошади и овцы, а также мелкие черепки неоднородных сосудов, большинство которых без орнамента, похожи на тагарские. Череп погребенной, европейский с монголоидной примесью, схож с неолитическими черепами Прибайкалья, но не с окуневцами. Это обстоятельство, а также сходство устройства ящика с лодкообразными могилами таежной зоны неолита или раннего энеолита определяют, по мнению Л. Р. Кызласова, неолитический возраст Чульского погребения. Можно предположить, что кости домашних животных в культурном слое и неоднократное употребление плиты с личиной устанавливают нижнюю временную границу погребения — не раньше окуневской культуры. Другая вероятная датировка указана мне Ю. С. Худяковым. Каменная насыпь, конструкция ящика и его покрытия, поза погребенной, вертикальная плита в изголовье гроба (очень поздний признак), расположение погребения на окраине чаатаса, т. е. уже после того, как последний сформировал-

ся,— вот те черты, которые позволяют датировать Чульское погребение эпохой... развитого средневековья. Аналогичные могилы раскопаны Ю. С. Худяковым на р. Табат и Чулым, под с. Аскизом. Сходные с ними исследовались и раньше, например, женские погребения XIII—XIV вв. на г. Суханихе, мужские у р. Черновой, Ташебинском чаатасе и т. д. В некоторых из них встречены железные стрелы и луки⁷.

В целом при датировке могильных комплексов методически правильное ориентироваться на вещи, отражающие более поздний возраст, так как архаические могут доживать и использоваться в более позднее время, а обратная ситуация невозможна. Отсутствие безусловных неолитических погребений, к сожалению, мало компенсируется поселенческим материалом, происходящим, как говорилось, из единичных культурных слоев (а чаще из смешанных комплексов) либо сборов из разрушенных стоянок. Относительно легко датируются ранние стоянки по отсутствию в них керамики. Одна такая раскопана М. П. Грязновым на площади 100 кв. м. Находки (роговое острие с пазами для вставки кремневых лезвий, скребок, наконечник стрелы, обломки пластин, нуклеусы) располагались в нижней части почвенного слоя. Поверх стоянки были размещены курганы афанасьевской культуры, в насыпях которых найдены кости зубра, кулана и сайги, происходящие из культурного слоя⁸.

В предгорьях Саян в 1984 и 1987 гг. С. А. Васильевым вскрыты две стоянки — Майнская и Уй II. На первой (площадь 36 кв. м) обнаружены остатки мастерской. На второй — жилой слой с очагом и хозяйственной ямой. Обе стоянки не имеют керамики и расположены над палеолитическим слоем. Их материал близок к стоянке Усть-Хемчик в Туве⁹.

Датировка поздненеолитических стоянок чрезвычайно затруднена из-за сложности отличить неолитические каменные орудия от неолитических. Известно, что в энеолите не только не наблюдается еще упадка каменной индустрии, но даже, наоборот, отмечается ее некоторый дальнейший прогресс, поскольку знакомство человека с металлом произошло неожиданно и не по линии замены основных категорий каменных орудий. Так в Южной Сибири получает распространение новый способ изготовления каменных орудий — «точечная техника», а также развивается техника скальвания и ретуши. Наиболее виртуозно обрабатываются кремневые лезвия, появляются наконечники стрел со струйчатой ретушью¹⁰. Следовательно, каменные орудия не всегда могут быть показателем неолитического или энеолитического возраста памятника вне сочетания с другими признаками: стратиграфией, костями животных, керамикой. Убеждают в этом и стоянки энеолита (афанасьевские и окуневские), где найдены не только каменные колотушки, песты, топоры, кремневые стрелы, но и кремневые и галечные скребла, скребки, отщепы, ножевидные пластины, крупные и миниатюрные ножи, нуклеусы (Мочеркина Горка, Мензот, Тагарский Остров, Кадат V и т. д.). Значит, смешанные стоянки следует, как и могилы, датировать, ориентируясь на более поздние вещи.

Главным датирующим признаком для таких стоянок служит керамика. К сожалению, очень невыразительные и малочисленные фрагменты не позволяют твердо датировать небольшие раскопы, заложенные на стоянках в предгорьях Саян (Сосновка-Джойская, Усть-Канбегир, Створ II). Кроме того, имеются определенные трудности: какую именно керамику считать неолитической. В частности, А. В. Виноградов на стоянке со смешанным культурным слоем у оз. Карасево обнаружил черепки унюкские неолитические и окуневские, а также кремневые и галечные орудия, не расчленившиеся по эпохам. Здесь же находились черепки еще одного типа керамики, «карасевские», которые он тоже отнес к неолиту. Соответственно еще две стоянки, где была найдена карасевская керамика, А. В. Виноградов датировал неолитом (Туба, Тагарский Остров). По самой отличительной особенности — одному, реже несколькими рядами ямок поверх основного орнамента «карасевская» керамика оказалась сходна, а порой и тождественна байрыкской, относящейся к эпохе метал-

ла Западной Сибири. Значит, независимо от того, местная эта керамика или принесена населением с запада, как считает В. И. Молодин, стоянки, где она обнаружена, нельзя относить к неолиту. Вероятнее, эта керамика сосуществовала с афанасьевской¹¹. Стоянка со спорной датировкой раскопана Л. Р. Кызласовым на вершине горы Оглахты, на площади 42 кв. м под остатками каменного сооружения. Кремневый инвентарь составляли 2 наконечника стрел, скребок, 5 отщепов, осколки. Черепки принадлежали к двум типам сосудов: банки без орнамента и сосуды с вытянутым туловищем, покрытые оттисками веровочки. Последние похожи на афанасьевские. Л. Р. Кызласов посчитал оправданным подключить для датировки вещей из раскопа сборы из насыпей средневековых курганов, расположенных на горе на протяжении 800 м. Это несколько увеличило коллекцию, но не уточнило ее дату. В частности, собранные черепки дали еще большую разновидность сосудов по форме, орнаменту, тесту, качеству обожженности. Признать все сборы за одну неолитическую стоянку мешают находки в культурном слое костей лошади и овцы, наличие сосудов без орнамента, неизвестные в неолите, наконец, то обстоятельство, что А. В. Виноградов, который продолжил исследования стоянки, нашёл на ней «карасевскую» керамику¹².

Единственное поселение позднего неолита с культурным слоем раскопано в 1967—1968 гг. Л. П. Зяблиным на первой пойменной террасе правого берега Енисея у бывшей д. Унюк. Неолитический слой толщиной 30—35 см расположен под культурным слоем железного века и наносами песка. Часть коллекции собрана с размытого берега или извлечена из воды, другая из раскопов общей площадью более 1000 кв. м. Поскольку слой разделен прослойкой песка, а с берега собраны черепки, похожие на афанасьевские и даже металлургические поделки, очевидно, слой все же местами был смешан. Л. П. Зяблин предложил неолитическую датировку, исходя не из каменных орудий (топоров, тесел, кремневых наконечников стрел, копий, вкладышей, ножей, скребков), типологически трудно отличающихся от энеолитических, а по обломку плоскодонного сосуда и общему сходству унюкской керамики с посудой приангарских и прибайкальских неолитических стоянок¹³. Позже А. В. Виноградов проанализировал 88 сосудов унюкского поселения по технологическим, морфологическим и декоративным признакам и почти половину из них реконструировал. Керамика грубая и толстостенная, вылеплена ленточным способом, тесто рыхлое. Сплошь орнаментирована оттисками гребенки, гладких штампов, палочек. Особенно примечателен один обязательный орнаментальный мотив — поясok круглых ямок под венчиком поверх основного орнамента¹⁴. Преобладают сосуды в виде яйца со срезанным верхом, иногда у них встречается плоское дно. Керамика унюкского типа обнаружена А. В. Виноградовым и на других стоянках открытого типа на правом берегу Енисея, что дает определенное основание считать ее эталонной для минусинского неолита. Неолитический возраст унюкского поселения подтверждается и остеологическим материалом: преобладают кости зубра и полностью отсутствуют кости домашних животных.

Подъемный материал с разрушенных стоянок, преимущественно с дюн, многочислен. Но сами коллекции небольшие, без керамики и костей животных, в них мало отходов производства и заготовок. За редким исключением, они происходят из разных слоев поселения или одного смешанного, что подтверждается материалами раскопок. Использовать этот материал можно лишь как дополнительный источник. В свое время С. В. Киселев критиковал произвольную схему Г. Мерхарта о взаимодействии нескольких, якобы неолитических, культур, поскольку эта последняя была построена на материалах разрушенных стоянок¹⁵. Ту же ошибку повторяет Л. Р. Кызласов, который в основу своих неолитических датировок кладет сборы с дюн или из насыпей поздних курганов. Публикуя некоторые описи подъемного материала Минусинского музея им. Н. М. Мартынова, он автоматически считает все каменные, кроме палеолитических, коллекции, неолитическими. Даже те из них, которые, со-

гласно описям музея, пересмотрены «в пользу бронзы» в силу сходства отдельных изделий с энеолитическими обломками предметов из металла (деревни Казанцева, Саянская, Сарагаш, Малая Минуса) либо в результате дальнейших сборов и раскопок (озера Малый и Большой Кызыкуль). Л. Р. Кызласов явно переоценивает значение подъемного материала и абсолютизирует каждое каменное орудие при его датировке. Это особенно показательно при попытке пересмотреть хронологию окуневских стел. В трех метрах от одной из них, под дерном в неглубокой ямке среди останков приношения хакассов, костей животных и черепков посуды было найдено скребловидное кремневое орудие. В свете этой находки Л. Р. Кызласов пришел к мысли, что предмет утерян строителями стелы, которая (и следовательно, и другие окуневские стелы) относится к эпохе позднего неолита, а именно к четвертой из выделяемых им поздненеолитических культур Хакасии. Причем иных памятников этой культуры пока не выявлено¹⁶. Более вероятно, что орудие попало в ямку из культурного слоя, но даже если оно обронено, то непонятно, почему именно в неолите. Кремневые скребки широко используются и в эпоху бронзы, например на Алтае и Западной Сибири¹⁷. Что же касается Енисея, то здесь особенно живуча традиция каменной индустрии. Кремневые наконечники стрел еще не выходят из употребления в карасукский период, а скребки и скребла на отщепах найдены в закрытых комплексах VIII—IX вв. до н. э., в частности в погребении у с. Байкалово и в землянке Каменный Лог I.

Таким образом в Минусинской котловине пока нет безусловных неолитических могил и лишь одно поселение с культурным слоем относится к позднему неолиту. Наиболее показательным неолитическим признаком сегодня является керамика унюкского типа. К сожалению, неолитический материал котловины не только малочислен, но и совсем не опубликован. Поэтому нет сравнительного анализа каменной индустрии раннего неолита, позднего, а также энеолита. Вместо изучения источниковедческой базы предлагаются поспешные схемы и общие рассуждения о месте минусинского неолита, влияния на него со стороны соседних культур и т. д. Все это тормозит изучение неолитических племен района.

Согласно принятым в археологии критериям, вопросы хронологии и культурной принадлежности каменного века того или иного региона могут решаться лишь на основании твердо датированных стоянок с хорошо сохранившимся слоем. Пока такие стоянки не будут найдены, никакого выделения культуры, а тем более нескольких, быть не может. Применительно к Минусинскому району сейчас речь может идти лишь о выделении памятников унюкского типа.

¹ *Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982; *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.

² *Хлобыстин Л. П., Шер Я. А.* Неолитическое погребение близ д. Байкалово на Енисее//КСИА. 1966. Вып. 106. С. 51—54; *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 112. Рис. 5; *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее//Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76—90. Коллекция вещей из могилы у с. Новоселово была передана в Эрмитаж; нож опубликован Г. А. Максименковым как андроновский. См.: Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. С. 187. Рис. 5. На эту ошибку мне указал М. П. Грязнов.

³ *Грязнов М. П.* Неолитическое погребение

в с. Батени на Енисее//МИА. 1953. № 39. С. 332—335.

⁴ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология окуневской культуры//Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 7—8; *Зубов А. А.* Характеристика зубной системы в черепной серии из окуневских могильников//Там же. С. 9—18.

⁵ *Максименков Г. А.* Раскопки в долине речки Черновой//АО 1965 г. М., 1966. С. 7—9. В отчете о раскопках указан кремневый наконечник стрелы вместо каменного шарика. См.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986. С. 38.

⁶ Благодарю С. Г. Скобелева за разрешение использовать материалы его полевого отчета; *Глусская Э. К.* Новое в искусстве неолита на Енисее//Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 39—48.

- ⁷ *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. С. 162—168; Благодарю Ю. С. Худякова за полученные сведения.
- ⁸ *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники ... С. 13.
- ⁹ Благодарю С. А. Васильева за представленную мне информацию.
- ¹⁰ *Грязнов М. П.* Саяно-Алтай в эпоху бронзы и раннего железа. 1979 г. // Арх. ЛОИА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 2531. Л. 37.
- ¹¹ *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 27.
- ¹² *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. С. 19—33; *Виноградов А. В.* Исследование древних поселений в Минусинской котловине // АО, 1981 г. М., 1983. С. 193.
- ¹³ *Зяблин Л. П.* Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 65—73.
- ¹⁴ *Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины; *Он же.* Опыт реконструкции керамических комплексов древних поселений по фрагментам // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. С. 121—140.
- ¹⁵ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. С. 9.
- ¹⁶ *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. С. 93.
- ¹⁷ *Иванова Г. Е.* К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 41; *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы, С. 21, 41—43.

Ю. Е. ВОСТРЕЦОВ, И. С. ЖУЩИХОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О КАНАХ НА ПАМЯТНИКАХ КРОУНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИМОРЬЯ

Памятники кроуновской культуры раннего железного века Приморья характеризуются высокой степенью сохранности жилищных комплексов. В большинстве случаев жилища на поселениях погибали внезапно, в результате пожара, что обеспечивало консервацию конструктивных деталей и инвентаря. Материалы памятников дают ценную информацию для изучения архитектурно-планировочных традиций домостроительства населения юга Дальнего Востока в эпоху железного века. Пожалуй, самым ярким элементом жилищ кроуновской культуры является их отопительная система — кан. Этот признак отличает кроуновские комплексы как от более ранних культур Приморья, так и от синхронных культур бассейна Амура¹. Накопленные к настоящему времени наблюдения и факты позволяют уделить особое внимание кановой отопительной системе и рассмотреть в специальной статье ряд вопросов, связанных с ее изучением.

Ранее Д. Л. Бродянским была предложена схема поэтапной эволюции кановой конструкции в рамках кроуновской культуры. По мнению исследователя, уровень развития кана является одним из ведущих критериев локально-хронологического членения кроуновских памятников. Выделено три основные эволюционные стадии кановой системы, определяющие периодизацию культуры².

1. Простейшее сооружение представляет собой очаг, помещенный в прямоугольном «ящике» из каменных плит. Это лишь прообраз кана, начальный шаг в его создании. Отопительные приспособления такого типа, согласно Д. Л. Бродянскому, характерны для памятников западного Приморья, образующих наиболее ранний вариант культуры. Предположение основано на материалах одного жилища, раскопанного на поселении в пади Семипятнова, западнее оз. Ханка.

2. Более сложная конструкция имеет вид вытянутого в длину до 2 м прямого или Г-образного каменного «ящика», перекрытого сверху плоскими плитами и имеющего на одном конце очаг. Отопительное сооружение располагается, как правило, вблизи одной из стен жилища, напротив входа. Подобные устройства отмечены на поселениях Кроуновка и Олений-А, локализованных в континентальной части южного Приморья. Эти памятники отнесены ко второму, более позднему варианту.

3. Кан юго-восточного Приморья приобретает сложный, развитый облик. Здесь зафиксирован одноканальный длинный Г-образный кан, вытянутый вдоль двух стен жилища, а также двух- и трехканальный широкий Г-образный кан с трубой. Последняя разновидность обнаружена в жилищах на о-ве Петрова³. Поселения юго-восточного Приморья отнесены к заключительному, третьему, этапу (или варианту) культуры.

Эта периодизация дополняется наблюдениями, указывающими на некоторую локальную специфику керамического материала кроуновских памятников⁴.

Полученные в последние годы данные позволяют внести определенные коррективы в предложенную выше периодизацию. По результатам исследований гончарной традиции, палеоэкологических и палеоэкономических анализов выделены культуры и эколого-хозяйственные группы памятников, в целом соответствующие локально-хронологическим вариантам схемы Д. Л. Бродянского⁵. Предположение о временном соотношении памятников второго и третьего вариантов подтверждается и радиоуглеродными датировками. Даты для жилищ поселения Кроуновка, расположенного в континентальной части южного Приморья, — 2280 ± 40 и 2190 ± 40 *, для поселения Киевка, локализованного в юго-восточном Приморье, — 1850 ± 30 ** . Однако новые факты, касающиеся устройства отопительной системы кроуновских жилищ, не согласуются с точкой зрения о временной эволюции канов и ставят под сомнение возможность использования этого признака для периодизационных построений. Остановимся подробнее на этих материалах⁶.

Насколько правомерно заключение об отсутствии канов с вытянутым каналом на памятниках раннего, западного варианта культуры? На поселении в пади Семипятнова, представляющем этот вариант, раскопано единственное жилище из нескольких десятков западин, выявленных при топографической съемке. Как показывают результаты работ на других кроуновских памятниках, жилища одного поселения могут варьировать не только по характеру отопительного сооружения, но и по самому факту его наличия. Так, на поселении Киевка (третий, юго-восточный вариант) из шести вскрытых жилищ в двух вообще отсутствуют какие-либо остатки канов или каменных «ящичков». В одном зафиксирован очаг, ограниченный с двух противоположных сторон вертикально поставленными каменными плитами — это сооружение нельзя назвать ни «ящичком», ни каном. В трех отмечены Г-образные одноканальные каналы. Не останавливаясь здесь на возможных причинах такого разнообразия, отметим лишь, что экстраполяция какого-либо из этих признаков, выявленного в одном раскопанном жилище, на всю совокупность нераскопанных привела бы к ошибочным выводам. Поэтому в отношении кроуновских памятников юго-западного Приморья более целесообразной представляется позиция признания недостаточности информации по устройству отопительных сооружений, что позволяет воздержаться от преждевременных суждений.

По материалам поселений континентальной части южного и юго-восточного Приморья сегодня можно выделить следующие разновидности одноканальных канов: 1 — прямой, одноколенный (разновидность А); 2 — Г-образный, двухколенный (разновидность Б); 3 — П-образный, трехколенный (разновидность В). Как правило, каналы располагаются вдоль стен жилища. Иногда прямой одноколенный и Г-образный двухколенный кан может быть несколько смещен к центру жилища или в сторону входа. На поселениях второго варианта культуры Корсаковское-2 и Кроуновка прослежены каналы разновидностей А, Б и В; на поселении третьего варианта Киевка отмечены каналы разновидности Б — короткие, до 2 м и более длинные, вытянутые вдоль двух стен жилища (рис. 1).

* ЛЕ-2635, ЛЕ-2634.

** МАГ-367.

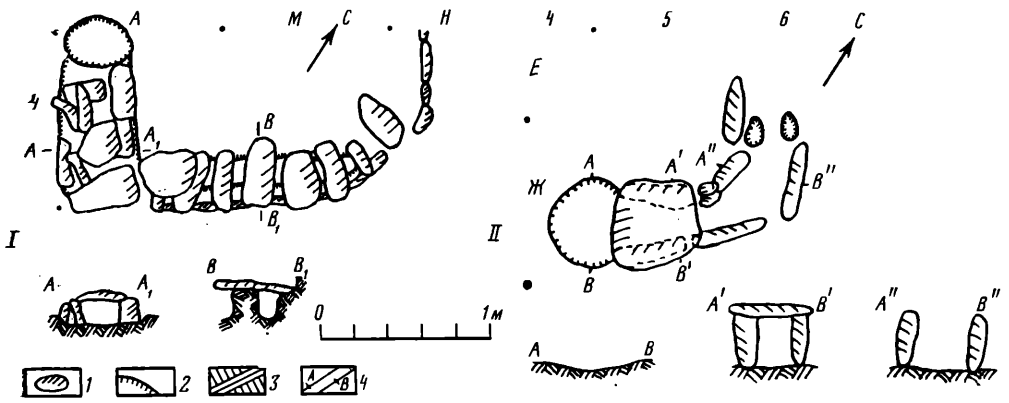

Рис. 1. Каны на поселении Киевка

1 — кан в жилище 4; 2 — кан в жилище 3. 1 — камень, 2 — углубление, 3 — материк, 4 — линия разреза

В классификации Бродянского длинный Г-образный кан, как более развитый и совершенный с функциональной точки зрения, отделен от прямого и Г-образного кана длиной до 2 м. Однако кановые устройства названных разновидностей имеют одинаковый принцип работы, несмотря на различия в конфигурации и длине дымохода. Основные конструктивные элементы кана — очаг, дымоход и труба. Если первые два элемента фиксируются у всех обнаруженных канов, то о наличии трубы в большинстве случаев можно судить лишь по косвенным признакам. Необходимым условием обогрева канала является принудительная тяга от очага через этот канал. Такую тягу могла создавать только труба достаточной высоты, соединенная с последним и выходящая наружу, за пределы помещения. В этом случае за счет разности давлений воздуха в помещении и на открытом пространстве осуществлялось движение прогретых воздушных масс от очага в основании кана через канал к трубе. Следы наличия тяги в виде довольно сильной прокаленности материкового пола в начальной части каналов наблюдается в жилищах № 1, 3 и 4 на поселении Киевка, в жилищах 1 и 3 на поселении Корсаковское-2. В жилище 3 на Киевке прослежено продолжение каменного канала, состоящее из деревянных плах, и остатки трубы, сооруженной из полого ольхового ствола или ольховых плах. Вероятно, и другие каны, от которых сохранились очаг и дымоход, имели аналогичное завершение. Таким образом, нет оснований для принципиального разграничения всех известных разновидностей одноканальных канов.

Если же оценивать степень развития канов по количеству колен дымохода и их длине, то и в этом случае придется признать, что имеющиеся материалы не укладываются в предложенную эволюционную схему отопительных сооружений. Наиболее сложная и развитая конструкция из всех кроуновских одноканальных канов, известных в настоящее время, обнаружена в жилище 1 поселения Корсаковское-2 в континентальной части южного Приморья. Это П-образный трехколенный кан общей длиной около 13 м, протянувшийся вдоль трех стен жилища, имеющий два очага и сооруженный на специальной земляной платформе высотой 0,2 м над уровнем пола. Такие же каны встречены на поздних кроуновских памятниках юго-восточного Приморья.

Дымоходы канов, помимо общей конфигурации и длины, варьируют по способу оформления стенок канала. Стенки могли возводиться из каменных плит, глины, могли быть земляными. Иногда одной из стенок канала служила сама стенка жилища, к которой примыкал кан. Такое разнообразие — скорее всего результат индивидуального творчества, обусловленного наличием строительного материала. Перекрытие канала

сооружалось из плоских каменных плит. Довольно устойчивой характеристикой является сечение канала. Его ширина составляет в среднем 15—25 см, высота — 20—35 см.

Каны кроуновской культуры, судя по размерам канала, использовались в основном как обогреватели жилых помещений и вряд ли могли служить достаточно удобным местом отдыха для их обитателей. При раскопках не обнаружено убедительных следов наличия в непосредственной близости от кана приспособлений типа нар, помостов. Напротив, их остатки в ряде случаев прослежены в удаленных от кана частях жилища. Однако полезная площадь кана находила определенное применение, выполняя роль места для некоторых видов домашних работ. Здесь нередки находки керамических пряслиц и других орудий рядом с плитами кана. Сидя на горизонтальных плоских плитах перекрытия, обитатели-кроуновцы могли заниматься той или иной трудовой деятельностью. Добавим, что кан являлся не единственным источником тепла в помещении. Довольно часты случаи присутствия, помимо кана, дополнительных очагов — одного или двух, расположенных в различных частях жилища.

В послекроуновское время на памятниках ольгинской культуры развигото железного века Приморья в домостроительстве бытовала традиция сооружения таких же одноканальных узких канов Г- или П-образной форм⁷. Классический кан-лежанка, многоканальный, широкий, занимающий значительную жилую площадь, начинает распространяться в Приморье значительно позднее времени существования кроуновской культуры, в период государства Бохай VIII—X вв. и империи Чжурчженей XII—XIII вв.⁸ Это уже качественно новый этап в развитии кановой отопительной системы. Интересная деталь: при сооружении канов на бохайских или чжурчженских памятниках очень часто использовался галечник в отличие от кроуновского обычая складывать канал из плитняка.

В свете этих фактов несколько неожиданно выглядит положение классификационной схемы Д. Л. Бродянского о наличии многоканальных канов в кроуновском слое поселения на о-ве Петрова. Последнее содержит материальные остатки неолитического времени, янковской и кроуновской культур железного века. Кроме того, можно предполагать существование слоя, относящегося к бохайскому или чжурчженскому времени. На территории поселения найдена станковая и поливная керамика позднего облика. Обнаружены остатки земляного вала, весьма напоминающего валы средневековых городищ Приморья⁹. Все полностью раскопанные жилища № 1—4 отнесены к кроуновской культуре. Опубликованные материалы указывают на присутствие в них многоканальных широких канов, сложенных из галечника и плитняка. Жилище 1 — наземное, по комплексу находок интерпретируется как бронзолитейная мастерская. В жилищах 2 и 3 каны обычные одноканальные, Г-образной формы. Археологические коллекции из жилищ с многоканальными канами немногочисленны и невыразительны: в жилище 1 найдено небольшое количество толстостенной кирпично-красной керамики, в жилище 4 — «несколько стенок кроуновских и янковских сосудов»¹⁰. Можно предположительно отнести данные жилища к кроуновской культуре, однако бесспорных доказательств их культурной принадлежности нет. Нам представляется, что культурная интерпретация жилищ 1 и 4 требует особого внимания. Следует тщательно проанализировать возможность связи многоканальных канов с поздним, бохайским или чжурчженским, материалом памятника. Полезно обратиться к результатам исследований на многослойном поселении Киевка, расположенном в 20 км от о-ва Петрова, в долине р. Киевка. Основной слой памятника — кроуновский — представлен серией жилищ, о которых уже шла речь выше. В верхнем культурном горизонте были встречены остатки наземного жилища с полуразрушенным Г-образным сооружением из гальки, напоминающим двухканальные каны бохайского или чжурчженского

времени. Принадлежность этого объекта периоду Бохая или Чжурчженьской империи документируется найденными здесь артефактами¹¹.

Если же будет достаточно четко установлена связь многоканальных канов о-ва Петрова с кроуновским слоем памятника, появятся основания говорить о качественных ступенях эволюции кановой отопительной системы в рамках данной культуры. Но пока мы должны признать, что не располагаем объективными археологическими свидетельствами для построения схемы развития канов на кроуновских памятниках.

География распространения кановой отопительной системы значительно шире ареала кроуновской культуры. Исследователи связывают появление канов с культурами железного века I тысячелетия до н. э. Северной Кореи, Маньчжурии, Приморья¹². Одно из наиболее ранних сооружений такого типа отмечено в верхнем слое стоянки Седжукни в Северной Корее, датируемом VII—V вв. до н. э. Это остатки одноканального однокольчатого кана, сложенного из каменных плит¹³. Каны, подобные кроуновским из жилища 4 на поселении Киевка и 2 — на о-ве Петрова, бытовали у хунну на Иволгинском городище II—I вв. до н. э.¹⁴ По сведениям из «Таншу», кан существовал в I тысячелетии н. э. у населения Когуре¹⁵. В Китае кан появился не ранее VII в. н. э. в результате заимствования у когуресцев¹⁶. С начала VIII в. н. э. кан проникает на Японские острова¹⁷. Как отмечалось выше, в Приморье кановое отопительное устройство остается традиционным для культур развитого железного века и периода государственности. Качественный скачок в развитии кана связан с памятниками Бохая и империи Чжурчженей.

Таким образом, кановая система как элемент жилища существовала в широких хронологических и территориальных границах. Каны кроуновской культуры выступают как частный признак этого явления. Как свидетельствуют рассмотренные материалы, пока неясно, переживала ли кановая система на кроуновских памятниках какой-либо этап становления, начального развития. Те каны, которые мы видим на поселениях континентального и юго-восточного Приморья, представляют собой разные формы воплощения одного функционально-технического принципа. «Белым пятном» с точки зрения характеристики отопительных сооружений являются памятники западного Приморья, составляющие, по-видимому, ранний вариант культуры. Их изучение позволило бы сделать наши построения и выводы более полными и объективными.

¹ Деревянко Е. И. Племена Приамурья, I тысячелетие н. э.: (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981. С. 93.

² Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетие н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. С. 16, 17; Бродянский Д. Л., Дьяков В. И. Приморье у рубежа эр. Владивосток, 1984. С. 44.

³ Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Древние поселения на острове Петрова//Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 3—13.

⁴ Бродянский Д. Л. Южное Приморье... С. 16, 17; Бродянский Д. Л., Дьяков В. И. Приморье у рубежа эр. С. 27—32, 44.

⁵ Вострецов Ю. Е., Жущиковская И. С. Опыт палеоэкологического исследования древних культур Приморья//Человек и его окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 71—77; Жущиковская И. С. О локально-хронологических вариантах памятников кроуновской культуры (по данным анализа керамики)//Археология и этногра-

фия народов Дальнего Востока. Владивосток, 1984. С. 72—77.

⁶ Вострецов Ю. Е. Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье//КСИА. 1985. Вып. 184. С. 60—63; Вострецов Ю. Е., Жущиковская И. С. Многослойный памятник Киевка в Приморье//АО 1979 г. М., 1980. С. 197—198; Они же. Поселение кроуновской культуры Корсаковское-2 в Приморье//Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 23—30; Жущиковская И. С. Раскопки поселения Киевка//АО 1981 г. М., 1982. С. 197—198.

⁷ Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя: Железный век. М., 1977. С. 151.

⁸ Семенченко Л. Е. К вопросу об этнокультурных связях мохэ-бохайцев//Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976. С. 88—98; Чон Чханьен. Происхождение и эволюция канов нашей страны//Когонинсок. 1966. № 4. С. 15—22. На кор. яз.

- ⁹ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Древние поселения... Там же. С. 8, 11.
- ¹⁰ *Вострецов Ю. Е., Жутиховская И. С.* Многослойный памятник...
- ¹¹ *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья ... С. 95; Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной Азии. М., 1979. С. 255.
- ¹² *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 72—89.
- ¹³ *Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. С. 112.
- ¹⁴ *Джарылгасинова Р. Ш.* Когуресцы: (Историко-этнографическое исследование) // Восточноазиатский этнографический сборник. М., 1961. С. 192.
- ¹⁵ *Стариков В. С.* Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967. С. 67.
- ¹⁶ *Васильевский Р. С.* По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, 1981. С. 163.

Ю. Е. БЕРЕЗКИН

КВАРТАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НА АЛТЫНДЕПЕ В ПЕРИОД НАМАЗГА V

В 1969 г. на городище Алтындепе (220 км к востоку — юго-востоку от Ашхабада), верхние слои которого относятся к периоду средней бронзы (Намазга V), был заложен раскоп 9 с задачей проследить планировку поселения в его наиболее возвышенной части. К 1986 г. площадь раскопа составила 0,5 га. Результаты работ по 1978 г. были обобщены в монографии В. М. Массона¹, о более поздних публиковалась лишь краткая информация.

Анализ архитектуры, погребений и находок позволяет выделить в пределах раскопа 9 два участка застройки (особняком стоит не до конца исследованный северо-западный сектор). Северо-восточный участок (так называемый квартал знати) включает «дом вождя», жилища большесемейных общин, главы которых обладали, по-видимому, высоким социально-имущественным положением, а также несколько небольших домов, где могли жить люди, связанные с обслуживанием привилегированной части населения. Юго-западная треть раскопа занята небольшими домохозяйствами со следами ремесленной деятельности обитателей (разнообразные печи, специализированные наборы орудий). В отличие от домов гончаров на раскопе 10² каждый жилищно-хозяйственный комплекс имеет здесь собственный дворик. Коллективные гробницы (толосы) юго-западной части раскопа значительно беднее толосов «квартала знати»; примерно вдвое меньше размеры домов и их главных помещений, толщина стен.

В 1985—1986 гг. в юго-западной части раскопа 9 был исследован ограниченный внешними стенами семи или восьми домохозяйств под-

→

Рис. 1. Квартальный центр на Алтындепе (эпоха развитой бронзы). Раскоп 9, юго-западная часть

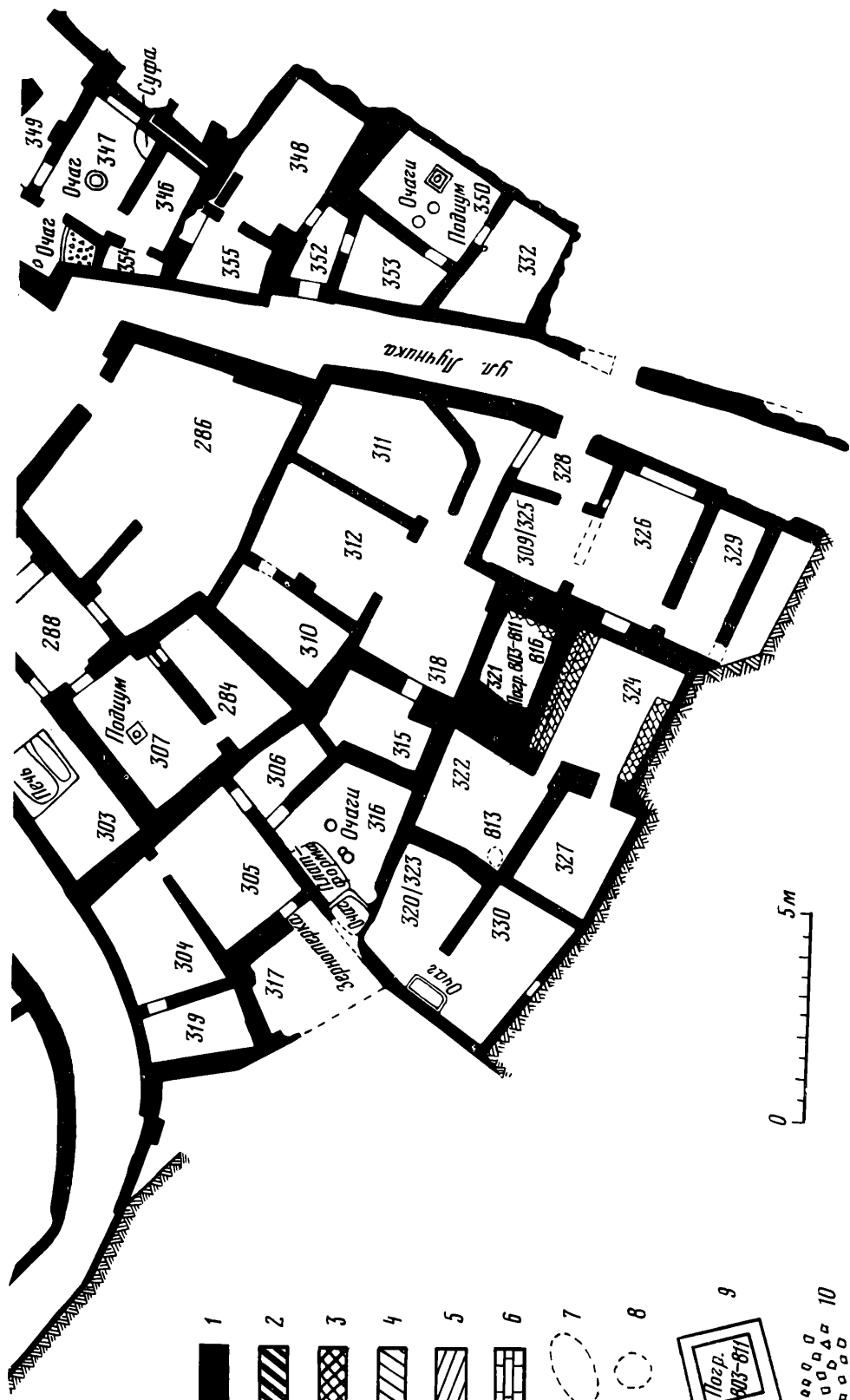
1 — в комплексах 27 (пом. 356, 359—362), 28 (пом. 271—273, 368, 370, 371) и 29 (пом. 372, 373) — стены, появившиеся в горизонте Алтын-4 (Ал-4) и сохранявшиеся до начала Ал-2 или дольше. В комплексе 25 (пом. 332, 348, 350, 352, 353, 355) — стены, появившиеся в Ал-3 и сохранявшиеся в Ал-2

В остальных комплексах — стены горизонта Ал-2; 2 — в комплексах 27 и 29 — стены горизонта Ал-4, снесенные в Ал-3; 3 — в комплексах 27—29 и в пом. 365 между зданиями 27 и 29 — стены, появившиеся в Ал-3 и сохранявшиеся по начало Ал-2; 4, 5 — на данном плане этих обозначений нет;

6 — в пом. 321, 324 — пристройки к стенам горизонта Ал-2 на позднем этапе данного строительного периода; 7 — погребения взрослых и детей; 8 — погребения младенцев; 9 — погребальные камеры; 10 — восточные фрагменты керамики

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

квадратный участок площадью 14×15 м с находившимися на нем тремя комплексами (рис. 1). Судя по планировке и находкам последние могли выполнять роль административного и ритуального центра окружающего квартала.

Зданиям на подквадратном участке присвоены цифровые обозначения 27, 28 и 29 в порядке единой нумерации по раскопу. Нижние полы в комплексах 27 и 28 находятся на глубине 2,9 и 3,15 м от поверхности. Здания были основаны в начале горизонта Алтын-4, т. е. в конце периода Намазга IV, что подтверждается анализом керамического материала. Здание 29 было построено не позже здания 27.

До возведения комплексов 27 и 28 соответствующий участок был в основном свободен от построек, так как самые ранние стены обоих домов стоят на рыхлых отложениях, типичных для площадей и дворов. Окружающие участок комплексы раскопаны на уровень горизонтов Алтын-2 — Алтын-3, но можно предполагать, что известная нам конфигурация уличной сети была унаследована по крайней мере от периода Намазга IV.

Комплекс 27 первоначально состоял из анфилады помещений 356, 360 и 362. Внешний выход, очевидно, находился в северо-восточной стене пом. 356. Однако после перестройки в период Алтын-3 от нее сохранилось лишь основание ниже предполагаемого порога. Здание 28 также состояло из анфилады комнат, вначале трех: 272, 273, 368. Пом. 271 и прилегающая к нему подсобная камера 370 были построены немного позже. Камера, вероятно, служила кладовой. На ее полу обнаружены 5 ткацко-прядильных орудий (пряслица и навершия), 27 глиняных ядрышек для пращи, 3 каменных орудия, медное или бронзовое лезвие, каменная бусина, статуэтка, а также фрагменты двух десятков сосудов — концентрация находок намного выше средней.

Выход из дома 28 вел через пом. 272 в неперекрытый коридор 358, соединявшийся на северо-западе с двориком 270, а на юго-востоке с ул. Наконечников. Дворик был связан узким проходом с ул. Красивой. В конце горизонта Алтын-4—начала Алтын-3 здесь построили прямоугольную ($2,5 \times 2$ м) погребальную камеру 371. Захоронения в ней производились на протяжении длительного времени в 4 слоя.

Здание 29 осталось исследованным не до конца. Выходившие во дворик 367, внешние его углы были свободны. С северо-запада к пом. 372 могли примыкать строения, но они остались за пределами раскопа 1986 г.

В горизонте Алтын-3 комплекс 27 был расширен за счет добавления комнат 359 и 361, протянувшихся вдоль его северо-восточной стены. Под полами здесь был положен полуметровый слой сырцовых кирпичей, а в пом. 359 перед выходом наружу устроена ступенька. Пол пом. 356 был также поднят за счет забутовки. Стену между пом. 356 и 359 снесли, и на ее месте сделали ступень с покатой гранью. Благодаря этой системе ступеней из центральной комнаты 360, где находился очаг-подиум, удавалось выбираться наружу, хотя к концу периода Алтын-3 в результате нарастания культурных отложений вокруг здания перепад высот между полом пом. 360 и уровнем обживания междомного пространства 363 достиг 1,3 м. Пом. 361 соединялось с пом. 360 лазом шириной около 50 см и высотой 60 см.

Коридор между зданиями 27 и 28 забутовали сырцом до высоты, на 70—75 см превышавшей уровень пола в пом. 273 — главной комнаты здания 28, в которой находился большой круглый очаг с низким покатым бортиком. Разница в перепаде высот здесь тоже покрывалась за счет ступеней, а также повышения пола пом. 272 в сторону внешнего выхода. Сохранение неизменного уровня полов в центральных комнатах комплексов 27 и 28 (лишь немного повышавшегося за счет новых промазок) имело явные неудобства, но у обитателей, очевидно, были причины избежать здесь каких-либо перестроек.

Запустение комплексов на подквадратном участке началось в конце горизонта Алтын-3. Первым было заброшено здание 29, а в начале периода Алтын-2 — здание 28. На месте пом. 368 возник дворик II, где соединялись улицы Красивая, Лучника и Наконечников. Большинство остальных стен данного комплекса в горизонте Алтын-2 еще стояло, а стена, ограждавшая ул. Красивую, сохранилась даже в финальный период обживания городища (так называемый горизонт Алтын-0). Перед тем как комплекс 28 был оставлен, все проходы в нем были заложены сырцом и с одной стороны оштукатурены. Нишу в пом. 272 заложили поставленными на ребро кирпичами, кладку тоже тщательно заштукатурили. Северо-западную стену комнаты 273 повалили в сторону пом. 272, но метровый участок, прилегающий к внешней стене здания (в нем находился заложённый проход), оставили в качестве контрфорса. Предварительно пол пом. 272 засыпали золой, поэтому, упав, стена легла монолитом, кроме северо-восточной трети, где слом пошел вверх и блок разбился на куски. Пом. 273 местами забутовали сырцом на высоту 30—70 см от пола. На протяжении этапа Алтын-2 в пом. 272, 273 и в юго-восточную половину коридора 358 сбрасывали золу. Местами толщина зольника достигла 1 м. Комната 271 в горизонте Алтын-2 сохранялась как отдельное помещение. Примыкая к участку захоронений, оно, быть может, использовалось в соответствующих ритуалах.

Точное время запуска комплекса 27 определить трудно, так как ни одно из его помещений не было разрушено сразу. Во всяком случае, маловероятно, что на этапе Алтын-2 здесь еще оставались постоянные обитатели: из-за продолжавшегося накопления отложений вокруг здания выбираться наружу было бы крайне сложно. Перед тем как дом был оставлен, проходы, ведшие в пом. 360, были замурованы и заштукатурены. Заполнение пом. 362 свидетельствует о частичном обрушении стен и накоплении обычных отложений. Остальные комнаты засыпали чистой золой, не примешивая к ней иной мусор. Произошло это не в один прием, что видно по сложной свите прослоек в почти двухметровой толще золы. Использование здания для сброса золы прекратилось не позднее второй половины горизонта Алтын-1, когда территорию комплекса занял двор Н.

Благодаря тому, что многие помещения комплексов 27—29 функционировали на первоначальном уровне полов больше обычных построек, а стены оставленных зданий не были сразу разрушены, появилась возможность судить о таких особенностях архитектуры эпохи бронзы, которые чаще всего свидетельств не оставляют. Это, в частности, высота помещений. Судя по пом. 273, она составляла не менее 3 м. Поскольку стены комнаты не отличаются массивностью (скорее наоборот), высокие потолки были, видимо, нормой. На Шахи-Сохте в Систане высота помещений также составляет около 3 м³.

В стенах зданий на подквадратном участке отмечено 10 ниш. Еще 4 ниши известны в соседних комплексах 24 и 26. Анализ размеров показывает, что их глубина почти всегда равна ширине кирпича (порядка 25 см), будучи меньше или больше лишь там, где параметры определялись толщиной уже имевшихся стен, а при начале строительства помещения ниши не планировались (8 см в пом. 360, 45 см в пом. 359). В доме 28 хорошо видно, что изменение толщины внешних стен здания определено наличием или отсутствием ниш внутри, запланированных, следовательно, с самого начала. Судя по небольшой высоте (25—75 см) и ширине, они скорее всего служили для хранения посуды или мелких предметов (например, статуэток).

Едва ли не самой интересной особенностью изученных комплексов является наличие проходов-лазов высотой 65—70 см (при стандартной ширине дверного проема 50—55 см). Такие лазы с уложенными в перевязку с кладкой боковых стен кирпичами перекрытия и во многих случаях с превосходно сохранившейся на щеках и притолоке штукатуркой обнаружены между пом. 368, 273 и 272 в доме 28 (рис. 2), между пом.

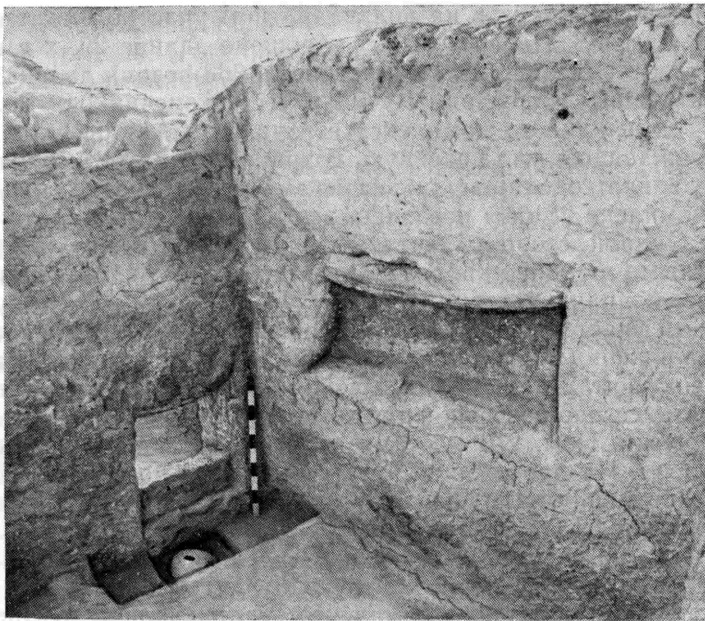

Рис. 2. Здание 28, пом. 273. Ниша в юго-западной стене и лаз в пом. 368. Ниже пола перед порогом захоронение младенца в кухонном котле

356, 360 и 362 в доме 27, в юго-восточной стене пом. 373 дома 29, а также в комплексе 25, где из пом. 352 они вели в пом. 348, 363 и на ул. Лучника, а из пом. 344/350 — в пом. 332. В последнем случае у щеки лаза находился подпятник. Лазы, таким образом, устраивались как между комнатами, так и для выхода из дома наружу, могли иметь порог или идти на уровне пола.

Хотя лазы фиксировались и ранее (к югу от ул. Зеркальной между помещениями 148, 152 и 154; 185 и 187), соответствующие факты истолковывались как результат перестройки стен. Но чаще всего притока лазов либо не сохранялась, либо, сохранившись на незначительную толщину, легко разрушалась при расчистке, поскольку мало кто мог предполагать, что проходы между помещениями имеют столь незначительную высоту.

Наличие низких лазов отмечали многие исследователи памятников палеометалла Иранского плато и сопредельных районов, но каждый такой факт рассматривался изолированно, как редкая местная особенность или результат каких-то перестроек. Проходы с низкими притоками обнаружены, в частности, в Мундигаке периода III (высота проходов 70—100 см), в Мергаре периодов IV и VII (110 см), Тали-Иблисе периода I (70 см), Тали-Бакуне (менее 1 м), Сиалке периода III (55 см)⁴. Сравнительно высокие дверные проемы высотой 120—160 см выявлены только в Шахри-Сохте периодов II—III и в эпоху поздней бронзы на Дашлы-3, но и там наряду с ними встречаются более низкие⁵. На соседнем с Алтындепе позднелангачском комплексе Илгынлы-депе (середина IV тысячелетия до н. э.) в 1987 г. был расчищен лаз, ведущий из комнаты в прилегающую кладовку и имевший в высоту всего лишь 25 см (при ширине 50 см и толщине стены 35 см).

Пока неясно, является ли наличие проходов-лазов особенностью лишь тех комплексов на Алтындепе, которые, помимо жилищно-хозяйственных функций, имели какое-то специальное назначение (для всех соответствующих зданий на раскопе 9 подобное назначение не исключено), либо высоких проходов не было вовсе. Трудно также сказать, каковы были практические и (или) идеологические соображения, на протяжении

тысячелетий заставлявшие создателей культур эпохи палеометалла устраивать столь низкие и поразительно неудобные проходы.

В зданиях на подквадратном участке не найдено каких-либо уникальных предметов, которые помогли бы судить о назначении комплексов. Определенные выводы позволяет, однако, сделать массовый материал.

Важнейшей его категорией являются орудия на гальках и плитках гранита, диорита, известняка, песчаника, кремнистых пород камня, назначение которых определено Г. Ф. Коробковой. За последние годы в слоях периода Намазга V на Алтындепе (раскопы 9 и 16 в центральной части городища) определено 809 подобных орудий, из которых 20% предназначены для обработки зерна, 11% — для грубой металлообработки, 35% — для тонкой металлообработки (заточка режущих инструментов, проковка фольги и т. п.), 18% — для обработки камня и 16% связаны с прочими видами ремесленной деятельности (обработка кожи, шкур, окраска изделий, покрытие стен штукатуркой и пр.). Поскольку большинство орудий найдено в заполнении помещений и в мусорных отложениях во дворах, мы не имеем чистых наборов, точно отражающих характер деятельности обитателей в период функционирования комплексов. Однако при анализе массового материала определенные закономерности выявляются.

В здании 28 резко понижен процент орудий металлообработки: лишь 4% от общего числа связаны с грубой и 24% с тонкой металлообработкой. В здании 27 соответствующая доля близка к обычной в рядовых комплексах, хотя не исключено, что причина здесь в большей загрязненности заполнения поздним материалом. Какие же виды деятельности предпочитали обитатели комплекса 28? Это обработка камня (31%) и занятия краски, попадающие в графу «прочих» (21%), главным образом обработка краски, шкур и кож. В частности, в комплексе 28 найдены 5 абразивов для фигурной обработки камня и два фрагмента неоконченных каменных статуэток, а в комплексе 27 — еще один такой фрагмент. Обломок каменной фигурки со следами раскраски оказался также в заполнении двора Н над развалинами дома 27. По-видимому, обитатели зданий на подпрямоугольном участке, во всяком случае дома 28, были заняты разнообразной и преимущественно «чистой» ремесленной деятельностью, которая могла проходить внутри жилища.

Керамический материал в основном соответствует стандартному для Намазга V набору: четвертую-пятую часть составляют крупные сосуды для хранения припасов, около трех четвертей — тонкостенные сосуды, двадцатую часть или чуть более — лепные котлы и жаровни. О специфике зданий 27—29 свидетельствуют фрагменты найденных во всех трех комплексах импортных чернолощеных кубков (чаш на ножках). Ранее подобные сосуды на раскопе 9 встречались в зданиях 8 и 24, для которых не исключено наличие каких-то культовых функций. Точные аналогии данной керамики нам не известны (по данным И. Н. Хлопина, их нет в могильниках долины Сумбара), но в целом подобные сосуды явно связаны с кругом культур серой керамики на северо-востоке Ирана и в сопредельных районах юго-западной Туркмении.

Обращает на себя внимание отсутствие или по крайней мере редкость (если учитывать менее выразительные фрагменты) как в пределах подквадратного участка, так и в соседних комплексах юго-западной части раскопа 9 типичных для «квартала знати» женских статуэток в устойчивой сидячей позе со знаком «треугольник с ресничками»⁶. Зато здесь преобладают редкие для этого «квартала» фигурки в головном уборе «шапочка», как правило, без наlepных грудей и с процарапанным на шее «ожерельем с подвесками». Допустимо поэтому поставить вопрос о корреляции между распространением отдельных типов статуэток на городище и «кварталами», в которых обитали представители определенных социальных групп.

Последнее важное обстоятельство, связанное с комплексами на подквадратном участке, касается найденных здесь погребений. Где хоронили умерших обитатели зданий 27 и 29, неизвестно. Рядом с домом 28 во двореке 270 обнаружен, как уже отмечалось, толос. Всего в камере найдены останки 13 или 14 человек и с ними 16 керамических, 3 каменных сосуда, 3 бусины (из лазурита, бирюзы и мраморовидного известняка), 2 бронзовые печати, каменный светильник, корзины, терракотовая коробочка. Кроме того, сосудик мраморовидного известняка оказался в обводном коридоре 369. Наиболее представительны нижний (7 или 8 погребенных) и верхний (4 погребенных) слои камеры, в каждом из которых имеется по одному захоронению с бронзовой печатью в форме креста с ушком на тыльной стороне. В третьем и во втором слоях имеется лишь по одному захоронению. Наличие в составе инвентаря светильника (слой 3) связывает данную камеру с традицией Намазга IV⁷.

Особенностью раскопанной гробницы является принадлежность всех определимых костяков женщинам, начиная с девушек 13—15 лет и кончая людьми 50—60-летнего возраста, до которого доживало лишь 2—3% населения Алтындепе эпохи бронзы⁸ (определения сделаны Т. П. Кияткиной). Возможно, что три детских (не старше 6—7 лет) скелета, пол которых точно не определен, также принадлежали девочкам. Исключительно женские погребения обнаружены и во двореке 270 за юго-западной стеной толоса на глубине его первого—второго слоев. Видимо, они синхронны заключительному периоду существования коллективной гробницы. Так, в парном захоронении 883—884 женщина 25—35 лет лежала в «позе спящего человека» на правом боку. В сильно скорченном положении на нее была положена другая женщина 30—35 лет. Инвентарь этого двойного захоронения включал 5 сосудов, бронзовую лопаточку, корзину и какой-то истлевший деревянный предмет.

После запустения комплексов двор над толосом и место юго-западнее от него продолжали использовать для захоронений. Как и в обычных жилых домах, под полами зданий 27 и 28 найдены погребения младенцев (не менее 10).

Приведенные факты позволяют считать, что здания на подквадратном участке, особенно комплекс 28, являлись центром окружающего квартала, в котором жили ремесленники. Центр этот можно весьма условно и ориентировочно охарактеризовать как административный и ритуальный, хотя конкретнее об отношениях, которыми были связаны обитатели соответствующей группы домохозяйств, судить трудно. В пользу нерядового характера комплексов 27—29 говорит прежде всего их планировка. Дом 28 — единственный известный пока на Алтындепе, имеющий четыре свободных внешних угла. В рядовых домохозяйствах комнаты и дворик (часто неправильной формы) всегда плотно пристроены друг к другу. К показательным конструктивно-планировочным особенностям, характеризующим на Алтындепе здания нерядового назначения, но в полном (или почти полном) наборе представленными еще только в «доме вождя», следует отнести выход из дома прямо на улицу, а не в хозяйственный дворик; анфиладное соединение более чем двух комнат; отдельно стоящий во дворе (а не вплотную к другим постройкам) прямоугольный толос; обилие ниш; большой круглый очаг. С этими особенностями сочетаются находки импортной чернолощенной керамики. На общественную значимость зданий 27—29 указывает продолжительность их существования при постоянном уровне полов в главных помещениях. Ритуальные цели, по-видимому, преследовало засыпание зданий золой (сакрально чистой субстанцией?), оштукаивание заложенных проходов в уже покинутых комнатах, манипуляции со стеной между пом. 272 и 273. Судя по составу находок, обитатели домов на подквадратном участке, особенно комплекса 28, могли заниматься производством сложных ритуальных предметов, скажем раскрашенных и, быть может, наряженных идольчиков. Наконец, отсутствие

мужчин среди захороненных в толосе подростков и взрослых позволяет поставить вопрос о принадлежности лиц, обитавших в доме 28, к какой-то своеобразной (связанной с культом?) социальной прослойке, состоявшей только из женщин.

В то же время здания квартального центра было бы рискованно называть храмами или административными постройками в узком смысле слова. Это прежде всего жилые дома и определенные хозяйственные единицы, хотя и особого рода.

В смысле ориентации (на север—северо-запад и на северо-запад) и положения по отношению к окружающим домохозяйствам здание 28 больше всего напоминает «дом вождя». Находясь в месте соединения улиц, обитатели комплексов были способны при необходимости контролировать движение в пределах большого квартала. Однако для сбора жителей квартала эти комплексы не предназначались, соответствующих площадок рядом нет. Пока неясно, в какой мере комплексы 1 и 28 представляли собой иерархически одна другой подчиненные, а в какой находятся на одном уровне, но функционально различные единицы в структуре города. По богатству погребальной камеры 371 приближается к толосам «дома вождя», однако в ней отсутствуют статуэтки (атрибуты родового культа?). Это обстоятельство гармонировало бы с представлением о группе «жриц», составлявших гетерогенный коллектив и не почитавших общую родоначальницу.

¹ Массон В. М. Алтындепе. Л., 1981. С. 44—55.

² Там же. С. 36—39.

³ Tosi M. Excavations at Shahr-i Sochta// East and West. 1969. V. 19, № 3/4. Fig. 16, 18.

⁴ Caldwell J. R. Investigations at Tali-Iblis//Ill. State Mus. Prelim. Rep. 1967. N 9. Pl. 5; Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. P., 1961. P. 41—42; Ghirshman R. Fouilles de Sialk. P., 1938. V. 1. P. 41; Jarrige J. F., Lechevallier M. Excavations at Mehrgarh, Baluchistan//South Asian archaeology, 1977. Naples, 1979. V. 1. P. 487, 511. Fig. 13; Langsdorff A., McCown D. E. Tall-i-Bakun A, season 1932. Chicago, 1942. P. 9.

⁵ Сарияниди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3//Древняя

Бактрия. М., 1984. Вып. 3. С. 13—14; Tosi M. Op. cit. Fig. 70, 72, 74, 76, 80, 93, 106.

⁶ Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973. С. 90—91; Березкин Ю. Е. Женские терракотовые статуэтки с Алтындепе//КСИА. 1981. Вып. 167. С. 18—19, 21.

⁷ Кирчо Л. Б. Погребальный обряд и культурные традиции//КСИА. 1981. Вып. 167. С. 33; Она же. Раскопки слоев ранней бронзы на Алтындепе в 1979—1980 гг.//КСИА. 1983. Вып. 176. С. 72.

⁸ Массон В. М., Кияткина Т. П. Человек на заре урбанизации//Природа. 1976. № 4. С. 44.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭЙЛАТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНЫ

Эйлатанская культура Ферганы периода раннего железа VII, VI—IV вв. до н. э. была выделена автором в 1954 г. на основании изучения материалов поселений и могильников¹. Название дано по первому памятнику, открытому еще в 1934 г. Б. А. Латыниным — основоположником археологии Ферганы советского периода. В изучении этой культуры в настоящее время достигнуты значительные успехи, особенно в исследовании погребальных памятников, которым и посвящена данная статья.

Впервые отдельные погребения с эйлатанской керамикой были обнаружены в 1940 г. на трассе Северного Ферганского канала (СФК):

у селений Касканьяр (Чек) и Найманча. Найденные в этих могилах лепные полусферические чаши Т. Г. Оболдуева по аналогии с усуньской керамикой датировала III—II вв. до н.э.² Изучение показало, что они идентичны чашам Эйлтанского городища, и поэтому автор статьи передатировал их и отнес к памятникам эйлтанского периода. К числу последних в 1954 г. были отнесены могильник Тюлейкен около г. Ош, раскопанный в 1947 г. А. Н. Бернштамом³, единичные погребения на трассе Большого Ферганского канала и отдельные находки (чаша Анбоева). Датировка их основывалась на находке в едином комплексе могильника Шарт в Алайской долине расписной керамики эйлтанского облика вместе с двумя бронзовыми наконечниками стрел скифского типа, которые А. Н. Бернштам справедливо относил к V—III вв. до н. э. Таким образом, к 1954 г. в Фергане в четырех пунктах были известны отдельные погребения эйлтанского периода.

Кардинальные изменения в изучении этих памятников произошли в 1954 г., когда Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова открыли и начали раскопки Актамского могильника в южной Фергане⁴. Массовое вскрытие курганов в могильниках Актамского типа дало обширные материалы для характеристики разных сторон культуры населения эпохи раннего железа, и прежде всего особенностей погребального обряда, а также для датировки их и эйлтанской культуры в целом. Наибольший вклад в изучение этих могильников внесла Н. Г. Горбунова⁵, которая продолжает исследования и в настоящее время⁶.

С 1967 г. крупномасштабные работы на обширном могильнике Дашти-Ашт у селения Ашт в северо-западной Фергане проводит Е. Д. Салтовская⁷.

Первый могильник рассматриваемого времени в новом районе — в юго-западной Фергане исследовала в 1981 г. Г. А. Брыкина⁸, которая вскрыла 6 курганов.

В последние годы автор статьи также занимался изучением аналогичных могильников в Восточной Фергане. Приводим описание двух новых памятников.

В 1973 г. на Ашкалтепе — поселении чустской культуры обнаружено необычное погребение. Это поселение расположено на левом берегу р. Кара-Дарья, примерно в 5 км к северо-востоку от Дальверзина — «столичного» центра древнеземледельческой чустской культуры Ферганы. В северо-западной части Ашкалтепе среди могил современного кладбища заложен небольшой шурф для изучения стратиграфии слоев. На глубине 1,1 м от поверхности (общая толщина культурного слоя в шурфе — 1,8 м) оказалось захоронение. Костяк сильно разрушен. Обряд погребения вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Справа у плеча и выше костяка на 0,4—0,5 м, очевидно, на какой-то приступке стояли кувшин и чаша. Горловина кувшина прикрыта камнем. Никаких иных вещей около погребенного не было. Контуры могильной ямы в мягком песчано-золистом грунте проследить не удалось. Выше и ниже костяка залегал культурный слой с чустской керамикой. Никаких следов более позднего слоя, с которыми можно было бы связать погребение, в шурфе не выявлено, и, следовательно, это погребение было впускным.

Дата захоронения устанавливается по найденным станковым сосудам, резко отличающимся от комплекса лепной чустской керамики. Чаша плоскодонная со слегка отогнутым краем⁹, кувшин с небольшим плоским дном и небольшой горловиной, оба предмета покрыты беловатым ангобом. По фактуре, отделке и по форме эти сосуды тождественны станковой керамике городища Эйлтан и могильников Актамской группы, хотя надо заметить, что такая форма кувшинов в могильниках встречается редко.

Сходство станковой эйлтанской керамики, а также основных особенностей погребального обряда — положение костяка вытянуто на спине, западная ориентация, положение сосудов обязательно справа у пле-

ча, часто на уступе-полочке — все это позволяет отнести открытое на Ашкалтепе погребение к кругу Актамских памятников VI, V—III вв. до н. э. Последнее, видимо, не является единственным.

Погребение впущено в культурные слои эпохи поздней бронзы. Известно, что на большинстве чувских поселений отсутствуют слои последующего периода раннего железа (эйлатанской культуры). Обнаружение впускного захоронения позволяет сделать важное заключение об относительной хронологии чувской и эйлатанской культур, так как очевидно, что поселение чувской культуры хотя бы частично было заброшено к моменту захоронения.

Из всего сказанного следует, что на Ашкалтепе открыт новый пункт захоронения эйлатанского периода, сходный с Актамским комплексом. От последнего Ашкалтепе находится в 100 км к северо-востоку (по прямой), и, следовательно, ареал их значительно расширяется. Среди них погребение на Ашкалтепе выделяется особо, так как представляет новый тип захоронений, ранее неизвестный, — впускное захоронение на развалинах более раннего поселения чувской культуры.

Второй памятник — могильник Озгор II находится в Ошском оазисе¹⁰. Он располагается на высокой террасе левого берега р. Ак-Буура, в 12 км южнее г. Ош. На небольшом участке адыра разбросано без системы 25 невысоких курганных насыпей. Раскопки производились в 1979, 1980 и 1982 гг. Вскрыто 19 курганов. Приведем описание наиболее типичных из них.

Курган 3. Располагается на краю береговой террасы. Овальная насыпь с единичными камнями на поверхности (размером 8×6,5 м), высота около 50 см. В центре на уровне древней поверхности обнаружена каменная выкладка 2×1 м. Рядом находились станковая чаша и обломки лепного кувшина с петлевидной ручкой — возможно, это остатки тризны. Под выкладкой — грунтовая могила (1,8×0,9×0,9 м). На глубине 0,7 м найдены разрушенные останки погребенного, лежавшего на спине, головой на запад. На запястье левой руки — обломки железного браслета. В ногах оказалось много обломков железного предмета, возможно, чекана (?). На разных уровнях могилы нашли очень маленький трехперый бронзовый наконечник стрелы с черешком и обломок железного черешкового наконечника стрелы. В засыпи обнаружен венчик еще одной станковой чаши и фрагменты лепного котла. Всего в могиле было не менее одного лепного и 4 станковых сосуда.

Курган 8. На дневной поверхности обнаружено внутреннее каменное кольцо диаметром 5 м. Оно сложено из нескольких рядов валунов. На расстоянии 1 м от него проходит второе кольцо шириной 0,5 м; общий диаметр кургана составляет около 8 м. В центре находилась могильная яма (1,9×0,8 м), вытянутая по линии запад-восток с отклонением к югу. На глубине 1,2 м обнаружены разрушенные кости человека, лежавшего головой на запад. В могиле найдена костяная подвеска, короткая костяная трубка с отверстием для закрепления, каменная и стеклянная бусины, обломок железного кольца и аналогичного черешкового наконечника стрелы, а также обломок станкового сосуда.

Курган 12. Высота насыпи 0,6 м, диаметр внутреннего кольца — 4,4 м, второго — 1 м, общий диаметр насыпи 7,8 м. С западной стороны внешнего кольца обнаружены обломки большого лепного кувшина асимметричной формы, который удалось полностью реставрировать. Могильная яма (2,1×1,0×2,7 м) вытянута с запада на восток, с отклонением к югу. В могиле останки костяка, станковая чаша и обломок железного ножа (рис. 1).

В Озгор II погребения совершали в неглубоких грунтовых могилах, вытянутых с запада на восток. На уровне дневной поверхности вокруг могилы сооружены две кольцевые выкладки из валунов. Эти наземные выкладки имеют вид простых архитектурных сооружений. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой, как правило, на запад, или с не-

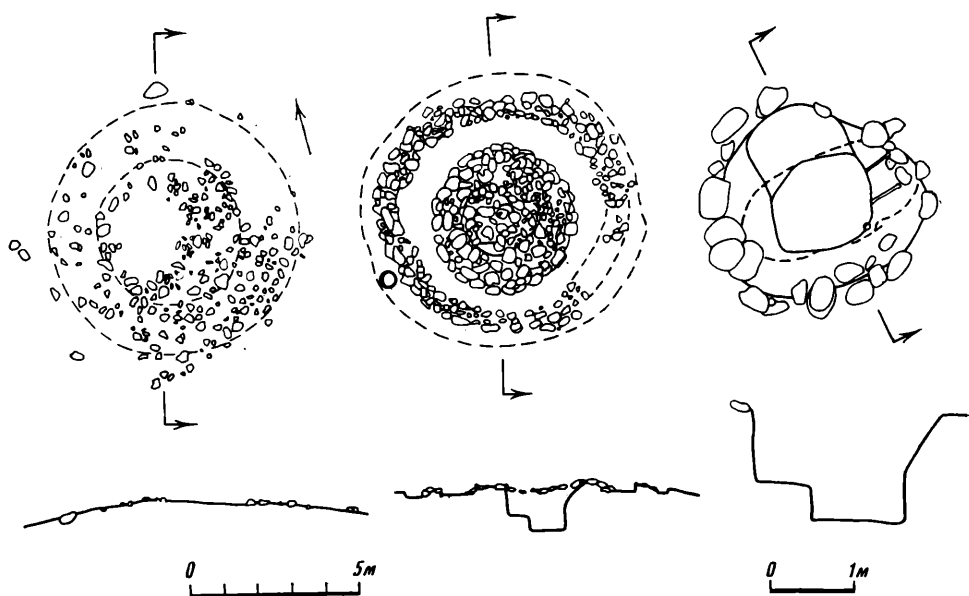

Рис. 1. Могильник Озгор II. Курган 12

большим отклонением к югу. Все могилы ограблены, и до нас дошли лишь разрушенные кости и часть сопроводительного инвентаря.

В мужских погребениях (по составу находок) обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел, железные чекан и браслет. В других могилах найдены личные украшения (бронзовый перстень и кольцо, железное кольцо), единичные каменные и стеклянные бусы, а также костяные поделки. Имеющихся данных недостаточно для заключения, что этот инвентарь принадлежит женским захоронениям. В нескольких могилах ничего не найдено.

В большинстве погребений оказались целые сосуды (8 курганов) или же их обломки (6 курганов). Всего в могильнике получено 16 станковых и 11 лепных сосудов (рис. 2). В комплексе Озгора преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге. Так, например, в кургане 9 все 3 сосуда были станковые — два кувшина и чаша. Этими двумя формами и представлены станковые сосуды. Чаши имеются трех разновидностей: 1 — полусферической формы с прямой закраиной; 2 — полусферическая с изогнутой закраиной; 3 — биконической формы, бортик отгибается под тупым углом. На одной из чаш поверхность хорошо заглажена, на другой — видно горизонтальное рифление.

В Озгоре пять станковых кувшинов, которые представлены двумя типами: кувшины шаровидной формы с заглаженной поверхностью и кувшин с горизонтальным рифлением на верхней половине тулова.

Лепные сосуды более разнообразны по форме. Среди них выделяются: 1 — шаровидный горшок с небольшой резко отогнутой горловиной и двумя петлевидными ручками на плечиках; 2 — кувшин грушевидной асимметричной формы с уплощенным дном; 3 — кувшин с асимметрично раздутым туловищем, большим дном и узкой горловиной; 4 — грушевидный кувшин с двумя петлевидными ручками на горловине; 5 — кувшин шаровидной формы с одной (возможно, было две) ручкой на плечиках; 6 — миниатюрный шаровидный горшок с резко отогнутой горловиной.

На нескольких обломках лепных сосудов хорошо заметны отпечатки ткани.

В шести курганах обнаружены железные предметы, в трех из них — вместе с бронзовыми изделиями.

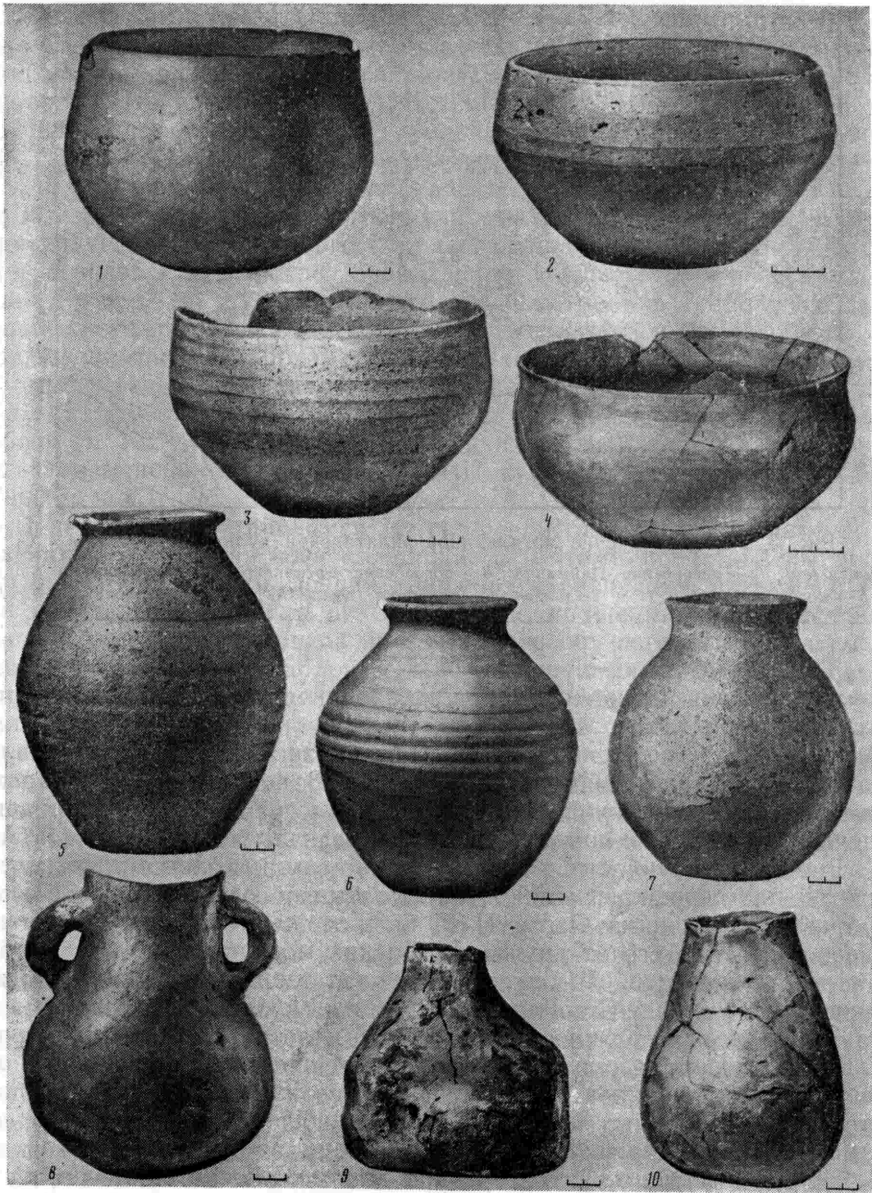

Рис. 2. Могильник Озгор II

Станковая посуда: 1 — курган 1; 2, 7 — курган 9; 3 — курган 12; 4, 5 — курган 7; 6 — курган 3;
 лепная: 8 — курган 5; 9 — курган 12; 10 — курган 10

Устройство погребальных сооружений, погребальный обряд (каменные кольца вокруг простой грунтовой могилы, ориентация) и состав инвентаря могильника Озгор II — все это позволяет сопоставить его с могильниками Актамской группы, исследованными в южной Фергане. По конструкции каменных колец наибольшее сходство отмечается с могильниками Кунгай и Суфан¹¹. Особенности кладки были отмечены еще Н. Г. Горбуновой, но наличие двух четких колец удалось выявить только на Озгоре.

Станковые сосуды этого могильника относятся к эйлатанскому типу и одинаковы со станковой посудой Актамских могильников. Это касается прежде всего чаш. Многочисленные станковые кувшины из могильника Озгор в самом Актаме отсутствуют, в других памятниках

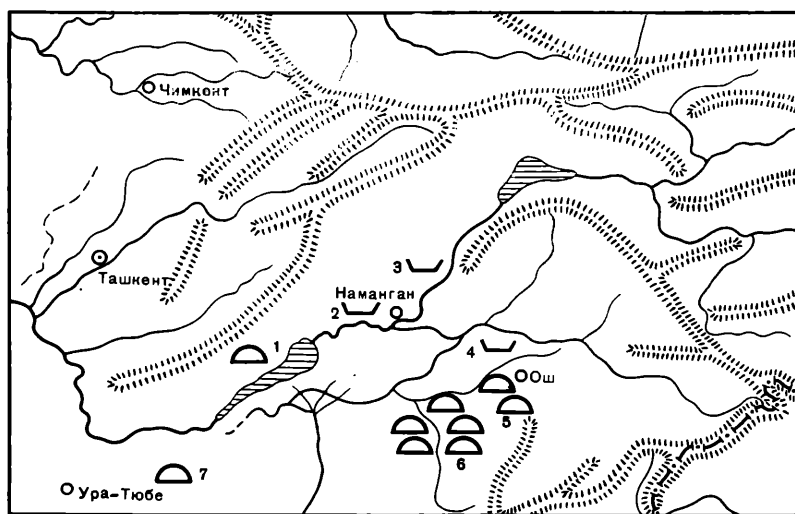

Рис. 3. Распространение могильников эйлатанской культуры Ферганы

1 — Дашти-Ашт; 2 — погребение Найманча; 3 — погребение Касканьяр; 4 — погребение в Ашкалтепе; 5 — могильник Озгор II и Тюлейкен; 6 — основная группа Актамских могильников; 7 — Андархан

встречаются очень редко. Эти кувшины сходны с находками погребения Ашкалтепе.

Формы лепной керамики Озгора своеобразны и не находят аналогий в опубликованных материалах Актама. В последнем преобладали формы чаш, мисок и простых горшков. В Озгоре совсем не найдено крашенных и расписных сосудов, столь специфичных для комплекса Актама. Все эти особенности, к которым добавим находки в двух могилах железных черешковых наконечников стрел, составляют локальное своеобразие могильника Озгор II и, быть может, отражают и хронологическое отличие его от других Актамских могильников.

На левом берегу р. Ак-Бууры на первой террасе, недалеко от могильника Озгор найдены обломки керамики, сходной с находками в могилах. По всей вероятности, здесь находилось селище, синхронное могильнику Озгор II эпохи раннего железа. Подобные памятники около аналогичных могильников в Фергане пока не известны. К сожалению, во время ирригационных работ этот участок берега разрушен, и здесь невозможно провести раскопки.

Суммируя имеющиеся в литературе данные, можно заключить, что в настоящее время количество известных могильников эйлатанской культуры по сравнению с 1954 г. увеличилось в 5 раз. В 20 памятниках изучено примерно 250 могил, которые дают достаточно полное представление об особенностях погребального обряда и материальной культуры населения Ферганы эпохи раннего железа. Длительное время считали, что эти могильники располагаются только в юго-восточной части Ферганы, не учитывая, что первые захоронения с эйлатанской керамикой открыты Т. Г. Оболдуевой в северной Фергане. Затем они были обнаружены в северо-западной, восточной и юго-западной частях долины. Картографирование показывает, что рассматриваемые памятники выявлены в семи основных районах (рис. 3): 1 — в северо-западной Фергане около сел. Ашт; 2 — в северной Фергане — на побережье Сыр-Дарьи, к западу от р. Касан-Сай (Найманча на СФК); 3 — в северной Фергане — на правом берегу р. Нарын (Касканьяр на СФК); 4 — в восточной Фергане — на Ашкалтепе; 5 — в юго-восточной Фергане — в Ошском оазисе (Тюлейкен, Озгор II); 6 — в центральной части южной Ферганы — основная группа Актамских могильников; 7 — в юго-западной Фергане — в долине р. Ходжа-Бакырган (Андархан).

Погребальные памятники, так же как и эйлатанские поселения, широко распространены, и это указывает на обживание в эйлатанский период всей территории Ферганы. Совсем иначе и неточно охарактеризован ареал этих памятников Г. А. Брыкиной¹².

Первоначально Актамский могильник был датирован V—III вв. до н. э.¹³ и V—IV вв. до н. э.¹⁴, затем появилась дата VI—IV(III) вв. до н. э.¹⁵, а в настоящее время их относят к VI—III вв. до н. э.¹⁶ С этой датой вполне можно согласиться, учитывая, что могильники в силу консервативности погребального обряда могли сохраниться в III в. до н. э. свои особенности и после прекращения существования эйлатанской культуры в IV в. до н. э. Попытка распространить хронологию погребальных памятников на всю эйлатанскую культуру в работах Н. Г. Горбуновой не аргументирована. Нет также никаких оснований согласиться с изменением верхней грани эйлатанской культуры с IV на II в. до н. э., как предложила Т. Г. Оболдуева¹⁷. Она ссылается при этом на работу Н. Г. Горбуновой¹⁸. Однако в последней нет доказательств в пользу изменения традиционной даты культуры Эйлатана (VII, VI—IV вв. до н. э.).

В этой связи остановимся на сравнении комплекса керамики могильников и Эйлатанского городища. В Актаме представлены сосуды четырех групп: лепная, лепная крашенная и расписная, а также станковая эйлатанская. Лепная без окраски и крашенная буро-красноватой краской посуда могильников по форме, способу изготовления и по применению матерчатого шаблона сходна с находками на Эйлатане. Однако формы сосудов из поселения более разнообразны, в частности по профилировке сосудов. Малочисленность образцов расписной керамики Эйлатана не позволяет сравнивать ее в деталях с сосудами из могильников, хотя можно говорить об общем сходстве. Станковая посуда могильников и поселения идентична. Она является продукцией ремесленных центров Ферганы. Станковая посуда Эйлатана также более разнообразна. На поселении имеется кухонная посуда и бытовая (II тип), которая отсутствует в комплексе могильников. Из сравнения вытекает следующее заключение: во-первых, о полном сходстве лепной, крашеной и станковой посуды, во-вторых, о большем разнообразии комплекса керамики Эйлатана и, в-третьих, об однородности этих комплексов, несмотря на своеобразие керамики Актама (многочисленность расписных сосудов, ограниченный набор форм), которое объясняется, видимо, требованиями погребального ритуала¹⁹. Для датировки чрезвычайно важно, что станковая эйлатанская посуда нигде не встречена вместе со станковой красноангобированной. Утверждение о находках красноангобированных сосудов в могильнике Андархан является грубой ошибкой²⁰.

Обряд погребения вытянуто на спине с западной ориентацией уже засвидетельствован на Дальверзинском поселении чустской культуры и был, очевидно, характерен для местных земледельческих племен. На основании сходства погребального обряда и инвентаря, главным образом керамики, можно считать рассмотренные могильники с эйлатанской керамикой погребальными памятниками оседло-земледельческого населения Ферганы эпохи раннего железа. Однако относительно этнической принадлежности их и населения Эйлатанской культуры в целом существуют разные мнения.

Еще в 1952 г. А. Н. Бернштам высказал предположение о том, что в Фергане обитали сакские племена. Затем его поддержал Б. А. Литвинский²¹. В 1961 г. в автореферате, приводя предположение А. Н. Бернштама, Н. Г. Горбунова заняла осторожную позицию: «Вопрос об обитании саков на территории Ферганы сейчас не может быть решен ввиду неясности и неточности сведений, сообщаемых письменными источниками»²². В дальнейшем она, не приведя объяснений, резко меняет свои суждения, и в ее работах появляются утверждения, что вся Ферганская долина к востоку от р. Ходжа-Бакырган заселена саками²³, и о том, что население Ферганы древнего периода относилось к кругу сакских пле-

мен, которые и создали Даваньское государство²⁴. Наиболее крайнюю точку зрения высказал Б. А. Литвинский, считая, что поселение Эйлатан принадлежало сакам. Далее он пишет, что в Фергане обитали различные группы сакского населения: кочевники (Алайская долина, предгорья Кураминского хребта и пр.), полукочевники и оседлые жители. И все они якобы входили в обширную конфедерацию «саков-хаумаварга». Затем он утверждает, что вторжение селевкидов в III в. до н. э. «должно было привести к перемещению в Фергану кочевых сакских племен, за которым последовало исчезновение актамского погребального обряда²⁵. Все эти предположения являются просто спекулятивными измышлениями, не обоснованными реальными фактами.

В действительности Фергану в эпоху раннего железа населяли земледельческие племена, ферганцы.— прямые потомки племен чустской культуры эпохи поздней бронзы, а на ее окраинах — скотоводы (кочевники и полукочевники) сакского происхождения, унаследовавшие культурные традиции степной бронзы. Нет никаких оснований считать земледельческое население Ферганы саками, а Эйлатан — сакским памятником. Необходимо учитывать преемственное развитие земледельческой культуры с расписной керамикой на протяжении всего I тысячелетия до н. э. Основу населения оседло-земледельческого государства Давань (II—I вв. до н. э.) составляли именно земледельческие племена — прямые потомки населения эпохи раннего железа.

Предположение о саках в Фергане основано на неопределенном письменном сообщении о «саках, которые за Согдом» (ср. приведенные выше слова Н. Г. Горбуновой). Оно опирается также на сходство устройства погребальных сооружений и погребального обряда могильников эйлатанской культуры с синхронными памятниками кочевников Семиречья и Тянь-Шаня. Факт определенного сходства не вызывает сомнения, но происхождение его можно объяснять по-разному. Кстати, обычно обращали внимание на близость актамских могильников сакоусуньским памятникам и не замечали принципиального различия между ними. В Ферганских могильниках полностью отсутствуют находки изделий скифского звериного стиля, ограничен набор предметов вооружения, представленных лишь несколькими наконечниками стрел, и совсем нет предметов конского снаряжения, т. е. отсутствуют специфические изделия скифской триады. Они отличаются также наличием необычных длинных курганов и некоторыми другими особенностями. Следовательно, о полном сходстве, идентичности погребальных памятников земледельцев Ферганы и кочевников-саков говорить не приходится, и поэтому нельзя считать их памятниками саков. Вопрос о происхождении погребальных сооружений эпохи раннего железа в Фергане еще не решен окончательно. Но при настоящем уровне наших знаний ясно одно, что появление указанного сходства, несомненно, объясняется культурным влиянием соседних племен степной бронзы и более поздних — сакских племен, поскольку в предшествующий период чустской культуры нам неизвестны курганные захоронения и вообще обособленные кладбища. Не исключена также возможность оседания какой-то части сакских племен и вхождение их в состав земледельческого населения Ферганы.

¹ *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954; *Он же.* Итоговая таблица периодизации культуры Ферганы//Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа): Материалы второго совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959; *Он же.* Городище Эйлатан//СА. 1960. № 3.

² *Оболдуева Т. Г.* Археологические наблюдения на Северном Ферганском ка-

нале//Изв. УзФАН СССР. 1940. № 10.

³ *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. 1952. № 26.

⁴ *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Актамский могильник//КСИИМК. 1957. Вып. 69.

⁵ *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961; *Она же.* К истории Ферганы в эпоху раннего железа//СА. 1962. № 4.

- ⁶ Горбунова Н. Г. Раскопки курганов в Ферганской области//УСА. 1975. Вып. 3.
- ⁷ Салтовская Е. Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках»// Там же; Она же. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане//КСИА. 1978. Вып. 154.
- ⁸ Брыкина Г. А. Новый могильник в юго-западной Фергане//КСИА. 1983. Вып. 176.
- ⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы// МИА. 1962. № 118. С. 44.
- ¹⁰ Заднепровский Ю. А. Основные этапы истории Ошского оазиса//КСИА. 1983. Вып. 176. С. 55.
- ¹¹ Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник//АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3; Она же. Суфанский могильник//АСГЭ. Л., 1969. Вып. 11.
- ¹² Брыкина Г. А. Новый могильник... С. 109.
- ¹³ Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Актамский могильник. С. 88.
- ¹⁴ Горбунова Н. Г. К истории Ферганы... С. 38.
- ¹⁵ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа//АСГЭ. Л., 1962. Вып. 5. С. 105.
- ¹⁶ Горбунова Н. Г. Раскопки курганов... С. 29.
- ¹⁷ Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана//СА. 1981. № 4. С. 194.
- ¹⁸ Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области//СА. 1979. № 3. С. 23.
- ¹⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура... С. 167.
- ²⁰ Брыкина Г. А. Новый могильник... С. 106—108.
- ²¹ Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом//Тр. АН ТаджССР. 1960. № 120.
- ²² Горбунова Н. Г. Культура Ферганы... С. 16.
- ²³ Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов//История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 29.
- ²⁴ Горбунова Н. Г. Основные этапы развития культуры древней Ферганы// Информ. бюл. МАИКЦА. М., 1983. Вып. 5. С. 38.
- ²⁵ Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы//История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 53, 55.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ, В. А. ГАЛИБИН

БРОНЗОВАЯ ПОСУДА ПОЗДНЕКУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЗАРТЕПЕ

В последнее десятилетие в печати появилось несколько статей, касающихся технологических аспектов исследования изделий из бронзы, происходящих с территории Бактрии-Тохаристана¹. В этой связи дополнительные данные представляют материалы городища Зартепе, расположенного в 26 км к северо-западу от Термеза, областного центра Узбекской ССР. Здесь с 1975 г. исследуются два верхних строительных горизонта остатков жилого квартала на раскопе 6². В процессе раскопок в разные годы обнаружено 8 бронзовых предметов, функционально объединенных в группу посуды. В ее числе прежде всего обращает на себя внимание серия из трех практически целых черпаков-киафов и фрагмента венчика резервуара четвертого. Все они найдены в постройках I строительного горизонта в заполнении под уровнем первого пола помещений 122 (рис. 1, 4), 46 (рис. 1, 1) и на уровне первого пола помещений 84 (рис. 1, 3), 94 (рис. 1, 2).

Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры черпаков свидетельствуют о том, что все они скорее всего относятся к одному типу, характеризующемуся полусферическим резервуаром со слегка загнутым внутрь утолщенным венчиком и отходящей от него вверх длинной ручкой, уплощенной в нижней трети и круглой в сечении в остальной своей части. Верхний конец ее загнут в кольцо. Как правило, ручка слегка наклонена вперед по отношению к оси резервуара.

Размеры киафа из помещения 46: высота — 27,2 см, высота резервуара — 5,2 см, наружный диаметр резервуара — 6,6 см. Верхний конец ручки загнут, но не образует полного кольца. Размеры киафа помещения 94: высота резервуара — 4,6 см, наружный диаметр резервуара —

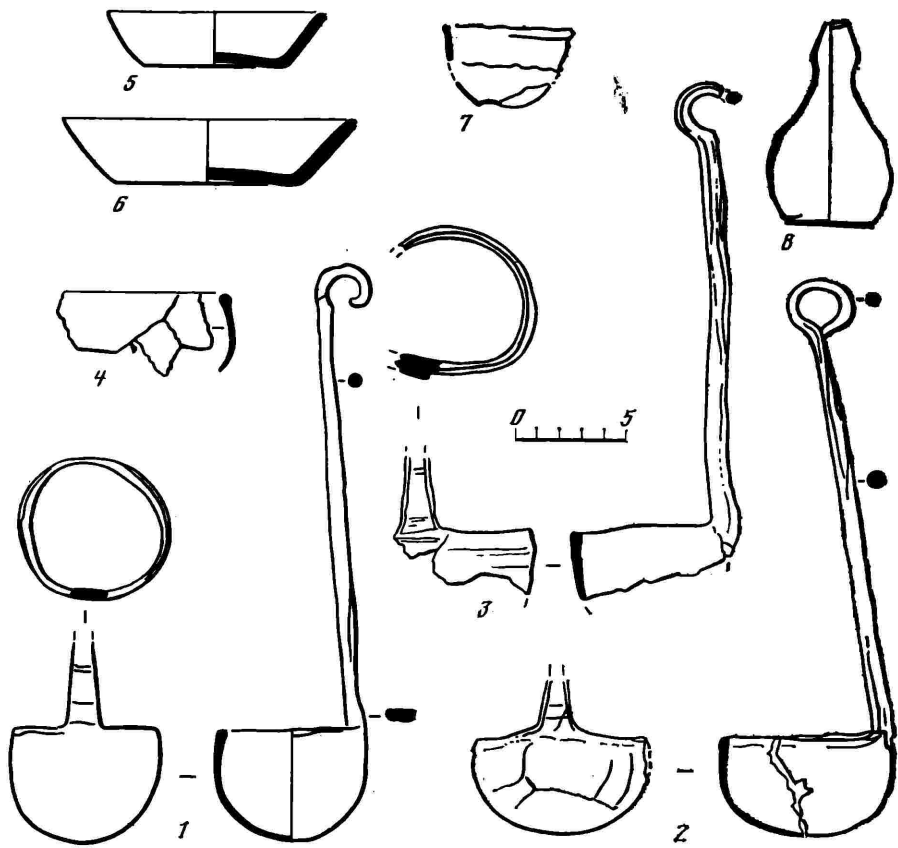

Рис. 1. Бронзовая посуда из помещений раскопа 6 городища Зартепе

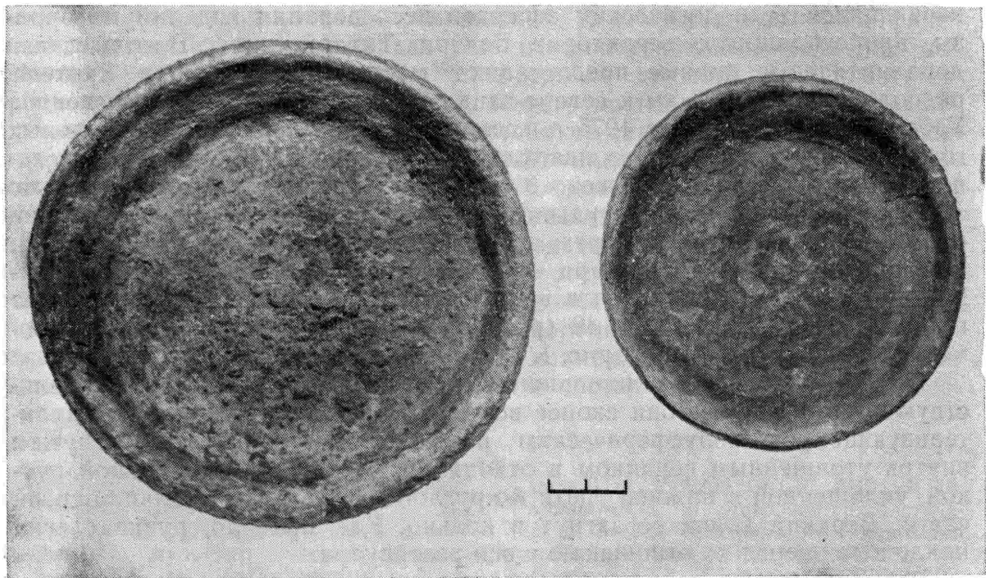

Рис. 2. Бронзовые чаши из пом. 112

7,6 см, наружный диаметр кольца — 2,9 см. Размеры киафа из помещения 84: диаметр резервуара — 7,6 см, диаметр кольца — 2,6 см. Кончик навершия не сохранился, так же как и нижняя часть резервуара. Фрагмент венчика четвертого киафа из помещения 122 позволяет приблизительно определить только диаметр резервуара в пределах 7,5—8 см.

Не менее четырех киафов данного типа обнаружено вместе с бронзовыми чашами, бутылочками, ложками и зеркалами на поселении Актепе II в Бишкентской долине³. Один из них (№ 390) снаружи у основания ручки украшен усложненным вариантом гравировки зартепинских черпаков. Еще один киаф найден на сельском поселении Аккурган⁴. Несколько киафов и их фрагментов найдено в процессе раскопок Беграма, при этом наиболее ранние — в слое Беграм I, затем — в слое Беграм II и, возможно, в Беграм III⁵.

Беграмские киафы, следовательно, заполняют лауну между зартепинскими и наиболее поздними актепинскими и находками киафов в Таксиле и слое Беграм I, представляющими наиболее ранние находки этой категории посуды. Интересен тот факт, что многочисленные черпаки из Таксилы, обнаруженные в слоях I в. н. э. в Сиркапе I, II, III, демонстрируют значительное разнообразие вариантов оформления ручек и даже резервуаров⁶.

Р. Гиршман и Д. Маршалл связывают появление киафов в Азии с влиянием греко-римского мира⁷. Действительно, в предшествующие периоды находок подобного рода здесь не отмечалось, тогда как в Греции, а затем и в Риме они известны чрезвычайно широко⁸. Учитывая несомненную типологическую близость киафов из Сиркапа к греческим образцам, видимо, есть все основания вслед за Р. Гиршманом и Д. Маршаллом считать их появление на территории Средней Азии результатом эллинизации Востока.

К числу бронзовой посуды относятся также две целые и одна с утраченной средней частью чаши (рис. 1, 5—7). Целые блюдцеобразные чаши с прямыми расходящимися стенками и слегка вытянутым дном обнаружены вложенными одна в другую в южном углу пом. 112 на уровне первого пола (рис. 2). Размеры их неодинаковы: наружный диаметр венчика большей из них — 13,3 см, диаметр дна — 8,4 см, высота — 3,1 см; наружный диаметр венчика меньшей чаши — 10 см, диаметр дна вследствие деформации колеблется в пределах 6,6—6,8 см, высота — 2,5 см. В настоящее время, исходя из единственной аналогии чашам этого типа из слоя Беграм III, найденных под полом помещения Д-2 в комплексе из бронзовых предметов, вставленных один в другой, так же как и зартепинские чаши, можно выделить их в отдельный тип⁹. Следует отметить, что пока чаши этого типа найдены только в позднекушанских слоях.

Третья бронзовая чашечка, обнаруженная в пом. 116, в заполнении над вторым полом, может быть только реконструирована. Ее стенки и фрагмент дна изобилуют вмятинками, что еще более затрудняет восстановление формы. Вследствие этого выделение ее в отдельный тип преждевременно. Наружный диаметр венчика чаши 5,3 см.

И последний предмет, относящийся к числу бронзовой посуды, — флакон, найденный в пом. 52 на глубине 10 см над уровнем четвертого пола (рис. 1, 8). У него яйцевидное тулово с многочисленными вмятинами. Шейка отделена от сужающегося кверху устья валикообразным расширением. Слегка выступающее дисковидное дно изготовлено отдельно и затем припаяно к нижней части стенок флакона, специально загнутых для этой цели. Высота флакона — 9,5 см, диаметр дна — 4 см, наружный диаметр устья — 1 см.

Бликие по форме, но не идентичные бутылочки обнаружены среди комплексов бронзовых предметов из погребальных ям на поселении Актепе II¹⁰. Отличия проявляются прежде всего в профилировке устья. Но при этом на устье одной из бутылочек (394) наблюдается валик-выступ, украшенный косой насечкой. На плечиках актепинских буты-

лочек выгравирован орнамент из двух концентрических желобков. Вследствие относительной малочисленности флаконов типологическое расчленение последних, видимо, преждевременно, и только дополнительные находки позволят решить вопрос, относить ли их к вариантам одного типа или выделить несколько таковых. Необходимо также отметить, что в отличие от зартепинских изделий, изготовленных из оловянной бронзы, сплав флакона относится к латуни (30% цинка).

Рассмотренная выше на фоне аналогий с синхронными и более ранними памятниками бронзовая посуда представляет возможность для некоторых обобщений. Во-первых, можно выделить отдельный тип киафов, получивших широкое распространение на территории Северного Тохаристана в IV—V вв. н. э.¹¹ и за его пределами, например в области Нисы и Беграме, расположенном на юге Тохаристана. Во-вторых, можно выделить два типа чаш: полусферические, круглодонные (тип I) и блюдообразные с вогнутым дном (тип II).

Вполне вероятно, что чаши типа I наряду с киафами привнесены на территорию Средней Азии из Греции, где они были распространены не менее чем последние¹².

Чаши типа I представлены в материалах поселения Актепе II, чаши типа II — на Зартепе и в Беграме.

Необходимо также коснуться технологии изготовления черпаков-киафов из Зартепе и Актепе II, которая, по-видимому, полностью совпадает. Особенностью количественного спектрального анализа зартепинских черпаков является содержание олова — до 18% (см. таблицу, лаб. шифры 420—44/47). Столь же высокое его содержание, обнаруженное в бронзовой посуде поселения Актепе II, послужило поводом для специального технологического исследования с целью изучения свойств таких сплавов¹³. В результате были определены механические свойства бронзы с высокими содержаниями олова (выше 15%). Высокооловянистая бронза вследствие повышенной твердости и хрупкости не могла обрабатываться с помощью холодной или горячейковки. Металлографическое изучение привело авторов к выводу, что изделия из этих бронз сначала отливались в закрытых формах, затем нагревались до температуры красного каления и только после этого дефекты литья устранялись горячейковки. Следующей, и последней, операцией данной технологии была закалка с помощью воды, уменьшавшая хрупкость изделия. Необычные состав и свойства высокооловянистых бронз послужили поводом для предположения, что такой сплав мог быть получен «непреднамеренно из доступной местной руды, а не составлен искусственно»¹⁴.

Авторы взяли для исследования образцы медно-оловянной руды из месторождения Мушистон в Фанских горах (Таджикистан) и провели экспериментальные плавки. Из 50 г руды им удалось получить 0,5 г бронзы с содержанием олова около 20%.

Результаты экспериментов, а также уверенность в том, что «высокооловянистые бронзы с содержанием олова около 20% практически не встречаются ни в тот период времени, ни в более ранний»¹⁵, привели авторов к выводу, что такая бронза выплавлялась из комплексной медно-оловянной руды.

Такая гипотеза весьма заманчива, однако целый ряд факторов вынуждает от нее отказаться:

1. Высокооловянистые бронзы не так редки даже для более раннего времени. Например, среди образцов бронзовых орудий и украшений из Сумбарских могильников эпохи поздней бронзы (Южная Туркмения) в 17 образцах (из 160 проанализированных) содержится от 16 до 25% олова, а еще в 26 образцах — от 10 до 15% олова¹⁶. При этом сплавы такого состава были получены явно преднамеренно, с целью придать изделиям более нарядный вид, делающий их похожими на предметы из золота (при содержании олова в пределах 10—15%) или серебра (около 20% и более). Такое высокое содержание олова присутствует в бронзо-

Таблица

Результаты количественного спектрального анализа (%)

Лабор. шифр.	Год	Помещение	Слой	Название предмета	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Ag	Ni	Co	Zn	Fe
420—29	1983	151	Уровень пола 2	Кольцо со вставкой	2	8	0,18	0,035	0,08	0,01	0,035	0,012	11	5
420—30	1976	45	Пол 2	Венчик сосуда	9,5	0,18	—	—	0,007	0,009	0,004	—	4,5	0,02
420—31	1981	115	Нижний пол	Кольцо незамкнутое	9,5	0,18	—	—	—	0,004	0,028	0,008	—	0,2
420—32	1981	116	Над полом 2	Венчик чашки	14	0,05	0,11	0,008	0,013	0,001	0,025	0,018	—	0,25
420—33	1976	27	Пол 2	Перстень со стрелкой	5	7,5	0,2	0,03	0,055	0,01	0,03	0,014	12	1
420—34	1981		Над полом 1	Фрагмент браслета	0,045	25	0,27	0,025	0,022	0,01	0,022	0,022	18	1
420—35	1983	141	Свалка	Оправка	0,025	0,07	0,13	—	—	0,001	1	0,008	—	0,11
420—36	1985		Подъемный м-л	Фигурное украшение	6,2	4,5	0,09	0,03	0,06	0,02	0,022	0,009	2	0,2
420—37	1983	139	Верхний слой	Бубенчик	15	7,5	0,12	1,3	0,04	0,02	0,022	—	4	1
420—39	1983	151	Пол 4	Оправа с гвоздиком	0,014	0,17	0,08	0,015	0,041	0,001	10	0,15	—	4
420—40	1976	25	Над полом 1	Медальон с Хувшикой	9	2,8	0,08	0,025	0,018	0,005	0,022	0,007	0,6	0,35
420—41	1981	55	Нижний пол	Фрагмент кольца	15	0,05	0,09	—	0,007	0,001	0,008	0,005	—	0,12
420—42	1981	112	Пол 1	Чашка (малая)	13	0,07	0,08	—	0,005	0,002	0,009	0,005	—	0,3
420—43	1981	112	»	» (большая)	10	0,04	0,09	—	0,006	0,001	0,009	0,006	—	0,4
420—44	1982	122	Над полом 1	Венчик черпака	18	0,12	0,1	0,008	0,017	0,1	0,04	0,018	—	0,2
420—45	1979	84	Пол 1	Черпак	18	0,03	—	0,008	0,008	0,001	0,009	0,007	—	0,1
420—46	1976	46	Над полом 1	»	13	0,13	—	—	0,006	0,001	0,006	0,005	—	0,13
420—47	1980	94	То же	»	18	0,05	—	—	0,006	0,001	0,007	0,005	—	0,13
420—48	1977	52	Пол 4	Сосуд узкогорлый	0,6	7	1,6	0,45	0,045	0,003	0,2	0,1	30	0,6

Примечание: Основной сплав всех предметов является медь.

вых предметах, относящихся исключительно к категории украшений. В бронзовых же орудиях из этого памятника его менее 5—10%. Повышенное содержание олова (18,3%) фиксируется также на этой территории в некоторых металлических изделиях эпохи бронзы, в частности на поселении Сапаллитепе, где существовало собственное металлургическое производство¹⁷.

2. При выплавке металла из комплексной медно-оловянной руды переменного качества невозможно получить бронзу с заданным содержанием олова. Гораздо проще было получить сплав любого состава из отпущенных количеств меди и олова, тем более что в позднекушанское время металлическое олово было столь же доступно, как и медь. Богатые источники олова в Малайе, которые интенсивно эксплуатируются и в настоящее время, уже тогда снабжали оловом арабский мир. В своей последней работе, посвященной древним источникам олова¹⁸, Дж. Д. Мули также указывает на оловянные месторождения в Афганистане, служившие источником олова в этом районе еще в эпоху бронзы.

3. Станнин — минерал колчеданного типа, в котором содержатся примерно равные количества меди и олова, не имеет промышленного значения, так как в месторождениях, расположенных на территории СССР, встречается в незначительных количествах в кристаллах размером не более одного сантиметра¹⁹.

4. Результаты экспериментальных плавок не выглядят достаточно убедительно. Даже в идеальных лабораторных условиях удалось получить очень незначительный выход готового металла (1% от исходного количества руды). Едва ли такую бедную руду имело смысл возить на большие расстояния от места добычи к месту выплавки из нее металла и изготовления бронзовых изделий.

Все эти соображения, вместе взятые и каждое в отдельности, позволяют утверждать, что получение высокооловянистой бронзы не является неосознанным процессом и его не следует связывать с использованием комплексной медно-оловянной руды, даже если рассматривать это явление как случайный эпизод в практике бронзовой металлургии.

Обратимся теперь к результатам количественного спектрального анализа (см. таблицу). Описанные выше киафы (шифр 420—44/47) и чашки (420—32, 42, 43) относятся к одному типу сплава. Все они изготовлены из оловянной бронзы с высоким содержанием олова (13—18% для киафов, 10—14% для чашек) и не содержат других легирующих добавок при незначительном содержании элементов-примесей (мышьяка, сурьмы, серебра, висмута, никеля, кобальта). Все это указывает на общность их происхождения.

Были проанализированы и другие находки из цветного металла. Две из них — целое незамкнутое кольцо и фрагмент такого же кольца (430—31, 41) по своему типу сплава и составу совершенно идентичны киафам и чашкам.

Остальные предметы принадлежат к другим типам сплава.

а) Из чистой меди, отличающейся высокой пластичностью, изготовлены две оправки в виде тонких пластинок (420—35, 39).

б) Сплав с переменным содержанием олова, свинца и цинка использовался для изготовления разнообразных предметов, в основном украшений. Близки по составу кольцо со стеклянной вставкой (420—29) и перстень со стрелкой (420—33). Для них характерно повышенное содержание свинца и цинка и несколько меньшее — олова. Медальон с изображением Хувишки (420—40), бубенчик (420—37) и фигурное украшение (420—36) изготовлены из сплава с более высоким содержанием олова и несколько меньшим — свинца и цинка.

в) Необычный состав с высоким содержанием свинца (25%) и цинка (18%) обнаружен в фрагменте браслета (420—34).

г) Венчик сосуда неопределенной формы (420—30) по составу почти идентичен киафам и чашкам, за исключением присутствия в нем небольшой добавки цинка.

д) Несколько особняком стоит упомянутый сосуд с узким горлом из пом. 52 (420—48). Кроме максимального содержания цинка с добавкой свинца, в нем следует отметить повышенное содержание мышьяка, сурьмы и отчасти никеля и кобальта, что указывает на использование при его изготовлении меди, выплавленной из медной руды с высоким содержанием в ней блеклых руд — основных источников мышьяка и сурьмы.

Переменное содержание железа объясняется как примесью к некоторым легирующим компонентам сплава (в частности, к цинку), так и за счет того, что в ряде случаев анализировался не чистый металл, а частично патинизированный, когда слой патины пропитан окислами железа из грунтовых вод.

Таким образом, бронзовые изделия из позднекушанских слоев городища Зартепе не только увеличили количество подобных находок в Бактрии-Тохаристане, но и позволили сделать ряд выводов, касающихся культурного и технологического аспектов исследования аналогичных изделий.

- ¹ Равич И. Г., Шемаханская М. С. О возможности изучения минерализованного археологического металла//Буддийские памятники Каратепа в Старом Термезе. М., 1982; Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С. Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 23—27; Шемаханская М. С., Равич И. Г., Седов А. В. Опыт технологического исследования позднекушанских бронз//Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 62—65.
- ² Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975—1976 гг.//СА. 1979. № 3. С. 141—153.
- ³ Древности Таджикистана: Каталог выставок. Душанбе, 1985. С. 142—145, № 386—404.
- ⁴ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 79; Территориально значительно дальше, в области Нисы, аналогичный черпак обнаружен в близких по времени слоях поселения Яндакльдепе. См.: Вдовин В. Ю. Металлические изделия раннесредневекового Согда//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1983. Вып. 5. С. 53—60.
- ⁵ Ghirshman R. Begram: Recherches archeologiques et historiques sur les koushans//MDAFA. 1946. V. 12. P. 47, 76. Pl. 16, 16; 27. BG 242; 36. BG 153; Carl J. Fouilles dans le site de Shahr-i Banu et sondages au Zaker-tépé//Ibid. 1959. V. 8. P. 100. Fig. 231, N 158; Meunier J. Begram — Fouilles de 1938//Ibid. P. 106. Fig. 249.
- ⁶ Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951. V. 3. Pl. 175, 184, 187.
- ⁷ Ghirshman R. Begram. P. 47; Marshall J. Taxila. V. 2. P. 594.
- ⁸ Robinson D. M. Metal and minor miscellaneous finds, an original contribution to Greek life. Baltimore etc., 1941. P. 194—196.
- ⁹ Ghirshman R. Begram. P. 76. Pl. 14. BC 229.
- ¹⁰ Древности Таджикистана. № 394, 395.
- ¹¹ Вследствие колебаний кушанской хронологии, для позднекушанского периода условно принята дата IV—V вв. н. э., охватывающая точки зрения большинства исследователей.
- ¹² Richter G. M. A. Greek, Etruscan and Roman bronzes. N. Y., 1915.
- ¹³ Шемаханская М. С., Равич И. Г., Седов А. В. Опыт ... С. 63.
- ¹⁴ Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С. Применение моделирования ... С. 25.
- ¹⁵ Шемаханская М. С., Равич И. Г., Седов А. В. Опыт ... С. 64.
- ¹⁶ Галибин В. А. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников//Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983. С. 224—234.
- ¹⁷ Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 124.
- ¹⁸ Muhly J. D. Sources of tin and beginning of bronze metallurgy//AJA. 1985. N 2. P. 275—291.
- ¹⁹ Бетехтин А. Г. Курс минералогии. М., 1956. С. 170.

ХРОНИКА

В. А. АЛЕКСИН

РАБОТА СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА ЛОИА АН СССР в 1983—1987 гг.

В 1983—1987 гг. сотрудники сектора занимались разработкой восьми основных тем: теоретические и методические проблемы археологии; система категорий и понятий археологической науки; неолит европейской части СССР и сопредельных территорий; культура раннеземледельческих племен Средней Азии и Кавказа; динамика развития городской культуры древней Средней Азии; эпоха бронзы европейских степей; культура древних кочевников; культура средневековых городов Закавказья.

В этот период работали следующие экспедиции: Пенджикентская (А. М. Беленицкий, В. И. Распопова, В. Абдуллоев), Кубанская (В. С. Бочкарев, Э. С. Шарифудинова, В. А. Трифонов), Каракумская (В. М. Массон, Л. Б. Кирчо, Ю. Е. Березкин), Средне-Енисейская (Д. Г. Савинов, Н. А. Боковенко), Сибирская (Э. Б. Вадецкая), Бактрийская (В. М. Массон, В. А. Завьялов), Ферганская (Ю. А. Заднепровский), Забайкальский отряд (С. С. Миняев), Сумбарская (И. Н. Хлопин, Л. И. Хлопина), Каахкинская (А. Я. Щетенко), Саяно-Тувинская, в составе которой работали Аймырлыгский отряд (/А. М. Мандельштам/, Э. У. Стамбульник) и V отряд (С. В. Длужневская).

Большое внимание уделялось написанию разделов для «Археологии СССР». В 1983—1987 гг. сотрудниками сектора завершена 51 плановая тема. Среди них следует отметить большие многолетние исследования: М. Д. Хлобыстиной «Древнейшие могильники Восточной Европы как палеосоциологический источник», В. М. Массона «Первые цивилизации», И. Н. Хлопина «Очерки истории населения Средней Азии в эпоху бронзы (по данным погребальных обрядов)», К. Х. Кушнаревой «Культура и общество южного Кавказа в эпоху палеометалла», В. А. Машкерис «Коропластика Средней Азии», В. И. Располовой «Реалии пенджикентской живописи», а также небольшие, но важные в методическом отношении работы В. С. Бочкарева «О хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников» и К. Х. Кушнаревой «Духовная культура населения южного Кавказа (VI—II тысячелетия до н. э.)».

В 1983—1987 гг. проведено 161 заседание сектора, заслушано 262 доклада, обсуждено 47 кандидатских и докторских диссертаций.

Сотрудники сектора принимали активное участие в работе ученого совета ЛОИА, где ими было сделано 18 докладов, а также в работе методического семинара при ЛОИА (шесть докладов).

В отчетный период закончили обучение в аспирантуре и защитили диссертации 10 человек: под научным руководством д. и. н. В. М. Массона — К. К. Курбансахатов («Культура раннего и развитого энеолита предгорной полосы южной Туркмении», ЛОИА, 1984 г.); Т. Д. Аннаев

(«Раннесредневековые поселения северного Тохаристана», ЛОИА, 1984 г.); В. А. Трифонов («Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: хронология и культурно-историческая периодизация», ЛОИА, 1984 г.); Н. В. Полосьмак («Культура населения Западной Барабы в скифо-сарматское время», ЛОИА, 1985 г.); Ю. Е. Вострецов («Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР: по материалам кроуновской культуры», ЛОИА, 1987 г.); В. П. Никаноров («Вооружение и военное дело Парфии», дис. принята к защите в 1987 г.); Б. Н. Удеумурадов («Культурные связи юга Средней Азии в эпоху бронзы»); А. А. Нехаев («Ранний бронзовый век Закубанья: по материалам поселений»); Б. Х. Матбабаев («Локальные варианты Чустской культуры Ферганы»), науч. рук.—Ю. А. Заднепровский (ЛОИА, 1985 г.); В. А. Семенов («Периодизация культур неолита и бронзы Тувы»), науч. рук.—Г. А. Максименков, Л. П. Хлобыстин (дис. принята к защите в 1987 г.).

В очной и заочной аспирантуре при секторе учатся: С. Н. Муравьев, Е. Н. Савва, И. В. Манзура, В. Я. Кияшко, Н. Ф. Саввониди, Е. В. Избицер, О. Г. Левицкий, Фам Дык Мань (СРВ). В 1984—1986 гг. в заочной аспирантуре при ЛОИА обучался В. А. Грач.

Защитили кандидатские диссертации: в 1985 г.—А. Е. Симонян, в 1987 г.—К. Ташбаева.

Сотрудники сектора защитили кандидатские диссертации: Г. В. Длужневская — «Памятники енисейских кыргызов в Туве» (1986 г.); Н. А. Боковенко — «Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая: по материалам конского снаряжения» (1987 г.).

За истекший период сектором рекомендованы и защищены в ЛОИА кандидатские диссертации: И. Л. Алексеевой (Одесса), 1986 г., Е. Ю. Новицкого (Одесса), 1986 г., Э. А. Мамедовой (Ашхабад), 1986 г., М. М. Сеидова (Нахичевань), 1985 г., М. Хужаназарова (Самарканд), 1985 г., Л. А. Азимовой (Баку), 1986 г., В. Б. Бахшалиева (Баку), 1986 г., Мамонтова В. И. (Волгоград), 1986 г., В. Г. Шкоды (Ленинград, Эрмитаж), 1987 г., И. Кожембердиева (Фрунзе), 1987 г., В. Л. Варазшвили (Тбилиси), 1987 г., Ахундова Т. И. (Баку), 1987 г., а также К. К. Зиньковского (Одесса), Г. Н. Курочника (ЛОИА), Т. Р. Алиева (Баку).

Сотрудниками сектора защищены докторские диссертации: в 1984 г.—И. Н. Хлопин («Юго-западная Туркмения в эпоху бронзы»); в 1986 г.—К. Х. Кушнарера («Южный Кавказ в VI—II тысячелетиях до н. э.: этапы культурного и социально-экономического развития»); в 1987 г.—Д. Г. Савинов («Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур южной Сибири»).

За 1983—1987 гг. сектором рекомендованы к защите докторские диссертации: Ю. Ф. Бурякова (Самарканд) «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса» (ИА, 1984); К. М. Байпакова (Алма-Ата) «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI—начале XVIII вв.: динамика и основные этапы развития» (ИА, 1985); К. А. Акишева (Алма-Ата) «Экономика и общественный строй южного Казахстана и северной Киргизии в эпоху саков и усуней: V в. до н. э.—V в. н. э.» (ИА, 1987).

При секторе Средней Азии и Кавказа проходили стажировку сотрудники неленинградских археологических учреждений — И. В. Манзура и Е. Н. Савва (ИИ АН МолдССР), А. В. Кияшко (Волгоградский университет), В. К. Джумаев (ИИ АН ТаджССР) — под рук. В. М. Массона, О. Г. Левицкий (ИИ АН МолдССР) — под рук. Г. И. Смирновой. Проходит стажировку О. Оразов (ИИ АН ТССР) — под рук. В. М. Массона.

При секторе проходил стажировку Ажан Наим (Афганистан), стажирруется Мустафа Фузие (Сирия) — руководитель В. М. Массон.

За истекшее время вышло в свет несколько монографий: И. Н. Хлопина «Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы» (Л., 1983),

«Историческая география южных областей Средней Азии» (Ашхабад, 1984), «Jungbronzezeitlicher Gräberfelder in Sumbartal, Süd-west Turkmenia» (München, 1986); В. А. Алекшина «Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ» (Л., 1986); Э. Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» (Л., 1987); Ю. Е. Березкина «Голос дьявола среди снегов и джунглей» (Л., 1987). Сектором подготовлены сборники: «Древние культуры евразийских степей» (Л., 1983); «Древние культуры Средней Азии и Индии» (Л., 1984); «Археологические исследования в зонах мелиорации», Тезисы научно-практической конференции (Л., 1985).

За рубежом опубликовано 14 статей сотрудников сектора и разделы, написанные В. А. Мешкерис для «Истории музыки в изображениях» (ГДР). Написан цикл заметок для «Археологического словаря» (Франция).

Девять сотрудников побывали в зарубежных научных командировках: В. М. Массон в 1984 г. принимал участие в сессии университета им. М. Лютера (ГДР), посвященной образованию советских республик Средней Азии, в работе международной комиссии ЮНЕСКО (Париж) по обсуждению издания по истории культурного и научного развития человечества; в 1985 г.— в работе II советско-французского археологического симпозиума (Париж); в 1986 г.— в работе III советско-американского симпозиума по проблемам археологии Средней Азии и Ближнего Востока (США), а также был на международном Конгрессе до- и протоисторических наук в Саутгэмптоне (Англия), участвовал в редактировании I тома «История цивилизаций Центральной Азии», издающейся под эгидой ЮНЕСКО (Париж); в 1987 г. ездил в СРВ по линии научного сотрудничества с археологами социалистических стран; принимал участие во встрече директоров археологических институтов социалистических стран (Варшава). С целью изучения металлических изделий Европы эпохи бронзы В. С. Бочкарев посетил Венгрию (1983 г.) и Польшу (1987 г.).

По плану научного сотрудничества с археологами СРВ в 1985 г. туда ездил Ю. А. Заднепровский, в 1986 г.— С. С. Миняев; Л. Б. Кирчо в 1987 г. участвовала в работе международной конференции «Юго-восточная Европа в эпоху неолита и ее ближневосточные связи» (Венгрия); В. Н. Боряз и В. А. Алекшин в этом же году делали доклады на конференции археологов социалистических стран «Актуальные философские и методологические проблемы археологии» (Чехословакия); В. А. Мешкерис выезжала в ГДР для работы над корректурой многотомного труда «История музыки в изображениях»; В. А. Трифонов знакомился с коллекциями археологического материала эпохи энеолита и бронзы в музеях Румынии.

Сектор принял большое количество зарубежных ученых из различных стран мира. Некоторые из них выступили с докладами на заседаниях секторов: Г. Мюллер-Карпе (Бонн, ФРГ); М. Фусман (Страсбург, Франция); К. М. Дикшит, Н. Р. Банерджи, К. Т. Хедге (Индия); П. Бернар (Париж, Франция); Я. Колвода (Чехословакия); Ф. Коррион Мендес (Гренада, Испания); П. Филипс (Шеффилд, Англия); Ф. Коль (Веллеслей, США); К. Гарден (Париж, Франция); Ф. Т. Хиберт (Мичиган, США).

В 1983—1987 гг. коллектив сектора участвовал во многих археологических конференциях, в том числе: Всесоюзные археологические пленумы (Москва, 1983; Баку, 1985; Суздаль, 1987); «Лингвистические реконструкции и древняя история Востока» (Москва, 1984 г.); Симпозиум Совета Молодых ученых ЛОИА «Археология зарубежной Азии» (Ленинград, 1985); Совещание по проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа степного Поволжья (Саратов, 1984); Совещание по проблемам этногенеза тюркских народов (Омск, 1984); Чтения памяти А. П. Окладникова (Новосибирск, 1985); IX Уральское археологическое совещание (Тобольск, 1985); Конференция «Археологические исследо-

вания в зонах мелиорации» (Ленинград, 1985); «Проблемы неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы» (Оренбург, 1986); «Смена культур и миграции в Западной Сибири» (Томск, 1987); Конференция памяти М. П. Грязнова (Омск, 1987).

Сотрудники сектора участвовали в ряде международных симпозиумов: II и III советско-американские по проблемам археологии Средней Азии и Ближнего Востока (Самарканд, 1983; США, 1986), II и III советско-французские по проблемам археологии Древней Бактрии (Париж, 1985; Алма-Ата, 1987), Советско-индийский симпозиум по проблемам раннего железного века Средней Азии и Индии (Ашхабад, 1984), IV международный симпозиум по проблемам армянского искусства (Ереван, 1985), Сессия ЮНЕСКО по проблемам консервации археологических памятников (Алма-Ата, 1985), Всемирный конгресс до- и протисторических наук в Саутгэмптоне (1986), Советско-французский симпозиум по проблемам античной археологии Средней Азии (Ташкент—Самарканд, 1986), конференция «Актуальные философские и методологические проблемы археологии» (Нитра, Чехословакия, 1987), конференция «Юго-восточная Европа в эпоху неолита и ее ближневосточные связи» (Венгрия, 1987 г.).

К числу наиболее интересных полевых открытий истекшего периода следует отнести раскопки могильника Пархай в юго-западной Туркмении (И. Н. Хлопин), исследования первой многослойной стоянки эпохи неолита и бронзы Тоора-Даш и Туве (В. А. Семенов), раскопки богатых курганных комплексов в Адыгейской АО (А. Д. Резепкин), раскопки энеолитического поселения Илгынлыдепе в Туркмении (Ю. Е. Березкин).

В 1984 г. исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научной деятельности старейшего сотрудника сектора д. и. н. А. М. Беленицкого, крупнейшего специалиста в области средневековой археологии и истории Средней Азии и Среднего Востока.

В 1983—1987 гг. в секторе произошли кадровые изменения. В 1984 г. Г. В. Длужневская стала заведовать фотоархивом ЛОИА, в 1985 г. Л. Б. Кирчо назначена ученым секретарем ЛОИА. В связи с уходом на пенсию оставили работу сотрудники сектора А. Н. Мелентьев (1986 г.) и Л. И. Хлопина (1987 г.).

В 1984 г. в сектор приняты к. и. н. Д. Г. Савинов (Археология Сибири эпохи железа), в 1985 г. д. философ. н. В. Н. Боряз (Система категорий и понятий археологической науки), в 1986 г.—к. и. н. Ю. Е. Березкин (Древнеземледельческие культуры юга Средней Азии), в 1987 г.—В. П. Никаноров (Античная археология Средней Азии).

В минувшие годы сектор понес невосполнимые утраты. Ушли из жизни виднейшие специалисты по археологии Сибири. 8 сентября 1983 г. скоропостижно скончался талантливый исследователь д. и. н. А. М. Мандельштам, 18 августа 1984 г. умер патриарх сибирской археологии, один из старейших сотрудников сектора — д. и. н. М. П. Грязнов, 12 сентября 1986 г. безвременно скончался д. и. н. Г. А. Максименков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аб. ИЯЛИ** — Абхазский институт языка, литературы и истории
АИГА — Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск, 1983
АО — Археологические открытия
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АС ГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ИАН — Известия Академии наук
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества. Иркутск
ИИ — Институт истории
ИИФФСОАН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОАИЭ Казан. У — Известия общества археологии и этнографии при императорском Казанском университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
СЭ — Советская этнография
СЭА — Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986
Тр. АБИЯЛИ — Труды Абхазского Института истории, языка и литературы. Сухуми
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТИЭ — Труды института этнографии
Тр. КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТТФ АН СССР — Труды Таджикского филиала АН СССР
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
УЗТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Кызыл
ADAJ — Annual of the Department of Antiquities Jordan, Amman
АН — *Arebaeologia Hungarica*
AJA — *American Journal of Archeology*
Ап. St. — *Anatolian Studies*, London
AS — *Anatolian Studies*
BAR — *British Archaeological Reports*. London

- BMMA** — Bulletin of Metropolitan Museum of Art. New-York
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JRAS — Journal of Royal Asiatic Society
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
MMY — Metropolitan Museum Journal. New-York
PBF — Prahistorische Bronzefunde. Munchen
PEQ — Palestine Exploration Quarterly. London
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society, Cambridge
SAA — South Asian Archaeology
SPA — A Survey of Persian Art. From Prehistoric Times to the Present. London—New-York

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Алекшин В. А.</i> Проблемы культурогенеза неолитических и энеолитических культур Юго-Западной Азии (по данным погребальных обрядов) . . .	3
<i>Рысин М. Б.</i> Датировка комплексов из Эшери	9
<i>Курочкин Г. Н.</i> Памятники с серой керамикой эпохи раннего железа в Иранском Азербайджане (к проблеме генезиса)	16
<i>Мешкерис В. А.</i> К вопросу об ахеменидских традициях в зооморфной пластике Согда	22
<i>Абдуллоев Д.</i> К структуре тронных залов дворцов правителей Мавераннахра VII—VIII вв. н. э.	28
<i>Распопова В. И.</i> Проблема континуитета согдийского города	31
<i>Ковалевская В. Б.</i> Традиции прорезных поясов в памятниках Кудыргинского типа	37
<i>Членова Н. Л., Кубарев В. Д.</i> Хронологические парадоксы Горного Алтая	46
<i>Дэвлет М. А.</i> Новые материалы о древнем культе быка в Центральной Азии	55
<i>Хлобыстина М. Д.</i> Погребения мужчин и детей в древних могильниках Прибайкалья	61

Публикации

<i>Вадецкая Э. Б.</i> Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины	68
<i>Вострецов Ю. Е., Жущиковская И. С.</i> К вопросу о канах на памятниках кроуновской культуры Приморья	74
<i>Березкин Ю. Е.</i> Квартальный центр на Алтындепе в период Намазга V	79
<i>Заднепровский Ю. А.</i> Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы	87
<i>Завьялов В. А., Галибин В. А.</i> Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зартепе	95

Хроника

<i>Алекшин В. А.</i> Работа сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР в 1983—1987 гг.	102
<i>Список сокращений</i>	106

Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири.— М.: Наука, 1990.— 112 с., ил.— (Крат. сообщ. Ин-та археологии. Вып. 199)
ISBN 5-02-009460-9

Выпуск содержит статьи и публикации специалистов-археологов, изучающих культуры широкого региона. В основе их — результаты исследований археологических памятников различных эпох. Рассматриваются вопросы истории, материальной культуры племен и народов, населявших в древности обширные области Азии и Кавказа.

Для археологов.

Научное издание
**Археология Средней Азии,
Кавказа и Сибири**
КСИА. Вып. 199

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. А. Сенькив
Технические редакторы Т. В. Калинина, М. И. Джиева
Корректор В. А. Боброз

ИБ № 39050

Сдано в набор 02.11.89.
Подписано к печати 5.02.90
Формат 70×108^{1/16}
Бумага типографская, № 1
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр. отт. 9,98 Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 1700 экз. Тип. зак. 3670
Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6